

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Научный журнал

2017

№ 2

**Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77 – 54966 от 08.08.2013)**

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 94047

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии

*Журнал издается при поддержке гранта Правительства РФ № 14.В25.31.0009
«Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности
и социальной адаптации в истории и современности»*

Учредитель – Томский государственный университет

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Функ Дмитрий Анатольевич, Московский государственный университет, Россия –
главный редактор

Соколовский Сергей Валерьевич, Институт этнологии и антропологии РАН, Россия –
заместитель главного редактора

Нам Ираида Владимировна, Томский государственный университет, Россия –
заместитель главного редактора

Дериглазова Лариса Валериевна, Томский государственный университет, Россия

Хазанов Анатолий Михайлович, университет Висконсин-Мэдисон, США

Швайцер Петер, университет г. Вена, Австрия

Трубина Елена Германовна, Уральский федеральный университет, Россия

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ»**

Бич Хуберт, университет г. Уппсала, Швеция

Бирталан Агнеш, университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия

де Грааф Тьсерд, университет г. Гронинген, Нидерланды

Дыбо Анна Владимировна, Институт языкознания РАН, Россия

Дятлов Виктор Иннокентьевич, Иркутский государственный университет, Россия

Харусь Ольга Анатольевна, Томский государственный университет, Россия

Крадин Николай Николаевич, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Мамонтова Надежда Александровна, университет Хельсинки, Финляндия

Мандельштам Балзер Марджори, Джорджтаунский университет, США

Миськова Елена Вячеславовна, Московский государственный университет, Россия

Зайцева Ольга Викторовна, Томский государственный университет, Россия

Зиновьев Василий Павлович, Томский государственный университет, Россия

Альбина Рассказчикова – секретарь

Елена Карагеоргий – редактор-переводчик

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет.

E-mail: shrjournal@gmail.com

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.

Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75

Сайт: <http://publish.tsu.ru>

E-mail: rio.tsu@mail.ru

EDITORIAL BOARD
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH

Funk, Dmitri, *Moscow State University, Russia* – Editor-in-Chief
Sokolovsky, Sergei, *Institute of Ethnology and Anthropology RAS, Russia* – Associate editor
Nam, Iraida, *Tomsk State University, Russia* – Associate editor
Deriglazova, Larisa, *Tomsk State University, Russia*
Hazanov, Anatoliy, *University of Wisconsin-Madison, USA*
Schweitzer, Peter, *University of Vienna, Austria*
Troubina, Elena, *Ural Federal University, Russia*

EDITORIAL ADVISORY BOARD

Beach, Hubert, *Uppsala University, Sweden*
Birtalan, Agnes, *Eötvös Lorand University, Hungary*
de Graaf, Tjeerd, *Groningen University, the Netherlands*
Dybo, Anna, *The Institute of Linguistics, RAS, Russia*
Diatlov, Viktor, *Irkutsk State University, Russia*
Kharus, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Kradin, Nikolai, *Far East Federal University, Russia*
Mamontova, Nadezhda, *University of Helsinki, Finland*
Mandelstam Balzer, Marjorie, *Georgetown University, USA*
Miskova, Elena, *Moscow State University, Russia*
Zaitseva, Olga, *Tomsk State University, Russia*
Zinoviev, Vassili, *Tomsk State University, Russia*

Secretary Albina Rasskazchikova
Translator Elena Karageorgiy

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ УЛЛЫ ЙОХАНСЕН

От редакции	6
Йохансен У. О свободе творчества служителей религии и передаче религиозных норм в бесписьменном обществе (пер. с нем. яз. Д.А. Функа и В.И. Харитоновой)	9

О ВЕЧНО-ВРЕМЕННОМ И НЕЗАВЕРШЕННОМ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ (отв. ред. специальной темы номера – Е.Г. Трубина)

Трубина Е.Г. Незавершенное строительство несовершенно 21
Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. 38
Ильченко М.С. Незавершенный проект как форма восприятия советского градостроительства 1920–1930-х гг.: опыт социалистических городов 56
Стась И.Н. Урбанизация самостроя: трущобы в нефтедобывающих районах советской Сибири (1960–1980-е гг.) 80

MISCELLANEA

Мануйлов А.Н. Апроприация дискурсов и практик: Женская миграция из России в Грецию (1990-е и 2000-е гг.) 100
Нам Е.В. «Певец, отправляющийся в путь»: к вопросу о «шаманских» истоках певческой и сказительской традиций индоевропейцев и народов Сибири 125
Гордеева О.В. Психологические эффекты мухомора красного (<i>Amanita muscaria</i>) 152

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Дериглазова Л.В. Возможно ли отказаться от «дискурса интеграции мигрантов как консервативного анахронизма эпохи транснационализма» 184
Миськова Е.В. Социалистический инфраструктурный модерн, или Почему «транзит» от советского к постсоветскому не мог состояться 203
Поддубиков В.В. Люди «золотой страны»: наследие предков в контексте постконфликтного развития провинции Фунар Восточного Тимора 213
Архипова М.Н. В поисках новых подходов к изучению измененных состояний сознания 218
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 223
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 226

CONTENTS

WITH REGARDS TO THE ANNIVERSARY OF ULLA JOHANSEN

From the Editorial Board	6
Johansen U. On freedom of creative activity of servants of religion and transfer of religious norms in a non-literate society (a fragment of a manuscript translated from German by D.A. Funk and V.I. Kharitonova)	9

ON THE ETERNALLY TEMPORARY AND UNCOMPLETED: PAGES OF SOVIET URBANIZATION HISTORY (Special issue editor – E.G. Trubina)

Trubina E.G. Uncompleted construction of the imperfect	21
Dukhanov S.S. Problems of Western Siberia's "unfinished cities" in the 1930s	38
Ilchenko M.S. Unfinished project as a way to conceive soviet urban planning in the 1920s and the 1930s: the case of socialist cities	56
Stas I.N. Urbanization through samostroy: slums in oil-producing regions of Soviet Siberia in the 1960s to the 1980s	80

MISCELLANEA

Manuylov A.N. The appropriation of discourses and practices: female migration from Russia to Greece in the 1990s and the 2000s	100
Nam E.V. "A singer setting out on a journey": on the "shamanic" origins of traditions of singing and storytelling in Indo-Europeans and the peoples of Siberia	125
Gordeeva O.V. Psychological effects of Amanita muscaria	152

REVIEWS

Deriglazova L.V. Is it possible to leave aside "the discourse around integration of migrants as a conservative anachronism of the era of transnationalism?"	184
Miskova E.V. Socialist infrastructural modernity, or why "transition" from Soviet to post-Soviet was impossible	203
Poddubikov V.V. The people of the "Land of gold": ancestors' heritage in the context of post-conflict development in Funar (East Timor)	213
Arkhipova M.N. In search of new approaches to studying altered states of consciousness	218

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	223
--	-----

INFORMATION FOR AUTHORS	226
--------------------------------------	-----

К ЮБИЛЕЮ УЛЛЫ ЙОХАНСЕН

DOI: 10.17223/2312461X/16/1

От редакции

17 июня 2017 г. свой почтенный юбилей – 90-летие – отмечает Улла Йохансен (Ulla Johansen), одна из наиболее известных немецких этнологов второй половины XX столетия. Сложно представить кого-то в современной немецкой этнологии, кто мог бы сравниться с ней по количеству учеников, многие из которых занимают теперь лидирующие позиции в институтах антропологии не только в немецкоязычном пространстве Европы, но и во многих других странах Евразии. Это неудивительно: как она сама писала в автобиографическом очерке почти четверть века тому назад, «за 17 лет <...> кёльнского периода деятельности в Институте (этнологии) были защищены в общей сложности 43 диссертации и порядка 140 магистерских работ» (Johansen 1993: 24).

Кёльнский период научной и административной деятельности Уллы Йохансен (в Кёльн она приехала из Гейдельберга на должность профессора и возглавила Институт этнологии в университете) длился с 1973 по 1989 г. Он действительно был наиболее продуктивным в плане трансформации и развития этнологии в университетской среде, подготовки профессиональных этнологов. Но, как это часто бывает, когда человек без остатка отдается своим педагогическим и административным обязанностям, именно этот период, по мнению Уллы Йохансен, оказался наименее плодотворным в научном плане: «...меня все меньше стали удовлетворять мои научные результаты. Я начала осознавать нелепость, заключающуюся в том, что факультеты проводят конкурс на основе качества и объема достижений соискателя, чтобы предоставить ему место, на котором он практически не может заниматься наукой» (Ibid.).

Более ранний, чем это было возможно по немецкому трудовому законодательству, выход на пенсию позволил профессору Йохансен полностью сконцентрироваться на научно-исследовательской работе, благодаря чему появились такие яркие ее монографии, как «*Tibetische Religionen und der Schamanismus*», написанная в соавторстве с Сюзанной Кнёдель (Knödel, Johansen 2000), «*Network Analysis and Ethnographic Problems: Process Models of a Turkish Nomad Clan*» в соавторстве с Дагласом Уйатом (White, Johansen 2004), иллюстрированная книга на турецком языке о жизни кочевников на летних пастбищах Турции, основан-

ная на полевой работе автора, проводившейся полвека тому назад (Johansen 2005), первое русское издание ее кандидатской (Promotion) диссертации «Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование» (2008) и более полусотни статей.

Многим коллегам профессор Улла Йохансен известна как исследователь кочевников Турции; как специалист по проблемам родства, этничности и стереотипов в Эстонии, где она родилась; по истории науки, музейной этнологии, трудовой миграции в Германии и многим иным сюжетам, но в первую очередь ее знают как специалиста в области изучения разнообразных проблем современной и исторической этнологии тюркских народов, в особенности шаманизма. Однако так уж угодно было распорядиться судьбе, что труд, который сама Улла Йохансен считает самым важным, труд, который в 1968 г. она защитила в качестве докторской диссертации (Habilitationsschrift), так и не был опубликован. Фундаментальный том «Die Schamanentracht bei den Tuvanern. Vorschläge zur Methodik der Schamanismusforschung» («Шаманская одежда у тувинцев. К вопросу о методике исследования шаманизма»; Johansen 1968) и два тома иллюстративных приложений лишь в этом году начали готовиться к изданию в России на русском языке. Далее мы предлагаем вниманию читателей небольшой отрывок из этой работы: фрагмент заключения с основными выводами, полученными в результате тщательнейшего изучения тувинских шаманских костюмов.

Редколлегия журнала «Сибирские исторические исследования» от всего сердца поздравляет профессора Уллу Йохансен и желает ей здоровья и творческого долголетия!

Литература

- Johansen U. Die Schamanentracht bei den Tuvanern. Vorschläge zur Methodik der Schamanismusforschung. Heidelberg, 1968. 451 s. + 2 Anhänge (рукопись).
- Johansen U. Berufsweg als Ethnologin der Nachkriegsgeneration: Typisch Frau? // Schweizer, Thomas, Margarete Schweizer und Waltraud Kokot (Hrsg.). Handbuch der Ethnologie. Festschrift für Ulla Johansen. Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 1993. S. 1–25.
- Knödel S., Johansen U. Tibetische Religionen und der Schamanismus. Stuttgart: Symbolik der Religionen, 2000. Bd. 23. XI + 282 s.
- White D.R., Johansen U. Network Analysis and Ethnographic Problems: Process Models of a Turkish Nomad Clan. Oxford, U.K.: Lexington Books, 2004. 497 p.
- Johansen U. 50 Yıl Önce Türkiye'de Yörüklerin Yayla Hayatı. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2005. 168 s.
- Йохансен У. Орнаментальное искусство якутов: историко-этнографическое исследование. Якутск: Дани Алмас, 2008. 160 с.

References

- Johansen U. Die Schamanentracht bei den Tuvanern. Vorschläge zur Methodik der Schamanismusforschung. Heidelberg, 1968. 451 s. + 2 Anhänge (manuscript).

- Johansen U. Berufsweg als Ethnologin der Nachkriegsgeneration: Typisch Frau? In: *Schweizer, Thomas, Margarete Schweizer und Waltraud Kokot (Hrsg.). Handbuch der Ethnologie. Festschrift für Ulla Johansen*. Berlin, Dietrich Reimer Verlag, 1993, ss. 1-25.
- Knödel S., Johansen U. *Tibetische Religionen und der Schamanismus. Symbolik der Religionen*, Bd. 23, Stuttgart, 2000. XI + 282 s.
- White D.R., Johansen U. *Network Analysis and Ethnographic Problems: Process Models of a Turkish Nomad Clan*. Oxford, U.K.: Lexington Books, 2004. 497 p.
- Johansen U. *50 Yıl Önce Türkiye'de Yörüklerin Yayla Hayatı*. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı Yayınları, 2005. 168 s.
- Johansen U. *Ornamental'noe iskusstvo iakutov: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [The Yakut ornamental art: a historical and ethnographic study]. Iakutsk: Kompaniia «Dani Almas», 2008. 160 p.

О СВОБОДЕ ТВОРЧЕСТВА СЛУЖИТЕЛЕЙ РЕЛИГИИ И ПЕРЕДАЧЕ РЕЛИГИОЗНЫХ НОРМ В БЕСПИСЬМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Улла Йохансен

Аннотация. Вниманию читателей предлагается отрывок из «Заключения» докторской диссертации Уллы Йохансен «Шаманская одежда тувинцев. К вопросу о методике исследования шаманизма» (1968 г.), в котором суммируются полученные автором результаты анализа различий и сходства шаманских костюмов в тувиноязычном ареале, специфики сохранения традиций в различных условиях и показывается, что шаманизм не был закрытым от влияний, но, напротив, был синкретичным феноменом.

Ключевые слова: народы Сибири, тувинцы, шаманизм, творчество, традиции

При решении вопроса о возможностях изменения традиционных норм или вопроса об интерпретации отдельного шамана в рамках религиозной традиции на примере вариаций в контексте типичной, по крайней мере, для части тувинцев одежды, нам приходится сталкиваться с ограничениями, которые диктуются все еще незначительным объемом и случайностью доступных материалов. Кроме того, ни один из путешественников или советских этнологов ранее не занимался этими проблемами в таком ракурсе¹. В настоящее время, когда шаманство продолжает существовать в Сибири лишь среди небольшого числа практиков-одиночек или в воспоминаниях пожилых людей, уже пройдена та отметка, после которой мы не можем получить удовлетворительные сведения по данной проблеме путем опроса информантов. Поскольку мы смогли обнаружить лишь незначительное число общепринятых для тувинцев, проживающих на этой территории, правил изготовления шаманской одежды, нам пришлось изначально анализировать сведения о

* Отрывок из заключения к докторской диссертации У. Йохансен «Die Schamanentracht bei den Tuvanern. Vorschläge zur Methodik der Schamanismusforschung» («Шаманская одежда тувинцев. К вопросу о методике исследования шаманизма»). Название статьи – это заголовок одного из разделов в «Заключении»: «Ergebnisse zur Frage der Gestaltungsfreiheit des religiösen Interpreten und zur Überlieferung religiöser Normen in einer schriftlosen Ethnie» (Johansen 1968: 395–403). Качество приводимых в статье иллюстраций максимально точно передает состояние оригиналов рисунков и фотографий. Данный перевод на русский язык рассматривается как предварительная, до некоторой степени рабочая, версия. Перевод рукописи диссертации предполагается завершить до конца 2017 г.

шаманах по конкретным группам, чтобы не истолковать как личный опыт то, что могло являться традицией целого рода. Конечно, сплоченность родов была ослаблена уже в XIX в. Собрания *арбанов*, для более зажиточных – также *хошунов*², сближали тувинцев этих административных единиц и позволяли шаманам знакомиться с традициями других родов. Лишь у карагасов (далее используется современный этноним «тофалары». – *Прим. пер.*) на российской стороне родовая структура сохранялась более стойко. И именно отсюда у нас есть самая полная коллекция предметов.

Различия между отдельными видами шаманского костюма лишь в исключительных случаях определяются деталями, которые ни внешне, ни функционально не использованы в том же виде на целом ряде других образцов одежды тувинских шаманов; но они определяются прежде всего добавлением одной или нескольких деталей, характерных для соседней группы, либо, наоборот, через исключение одного из тех элементов, которые являются обычными для шаманов соответствующего региона.

В этом отношении шаманы тофаларов образуют самую «закрытую» группу. Лишь железные лопатки и небесные лестницы являются у них элементами, которые выбирались сообразно с творческим вдохновением самих шаманов.

У тувиноязычных групп Хубсугула монгольское влияние нарушило эту «закрытость» в исследуемый нами период. Восточноазиатский тип кроя, который доминирует здесь, наиболее явно показывает это влияние, в то время как присоединение конических колокольчиков на кольцах может быть древним тувинским элементом, который изменился – у тувинских и тофаларских шаманов – лишь с появлением более дешевых российских металлических изделий (котлов и ручек к ним).

По-видимому, под влиянием более тесных отношений со степной культурой в последние столетия шаманы в Тодже не столь твердо соблюдали нормы, как это имело место у тофаларов. И даже если некоторые образцы одежды оказываются своеобразными (колл. МАЭ 1340-42 и 1340-43), мы обнаруживаем, что крой, размещение стрел, связки всякий раз все большего числа жгутов и их общее количество, крылья шамана из связок жгутов, броня и оснащение короны перьями, вышивкой и занавесом, закрывающим лицо, имеются на каждом костюме (рис. 1–3). Это те части, которые дают шаману возможность полета, защиту в битвах во время поисков души и помощь в достижении экстаза. Изображения скелета, напротив, отсутствуют уже на двух костюмах, а на других они перешли в орнаментальные формы. Внося такие изменения, тоджинские шаманы могли ориентироваться на одежду влиятельных шаманов степных тувинцев. Костюм из собрания МАЭ (1340-42 и 1340-43), который по своим отличительным признакам мог бы принадлежать ту-

винцам из хошуна Ойуннар, из средней Тоджи, показывает, что, начиная со времени установления протектората Российской империи, шаманы, благодаря ускорившемуся смешению народов, часто могли видеть такого рода одевания.

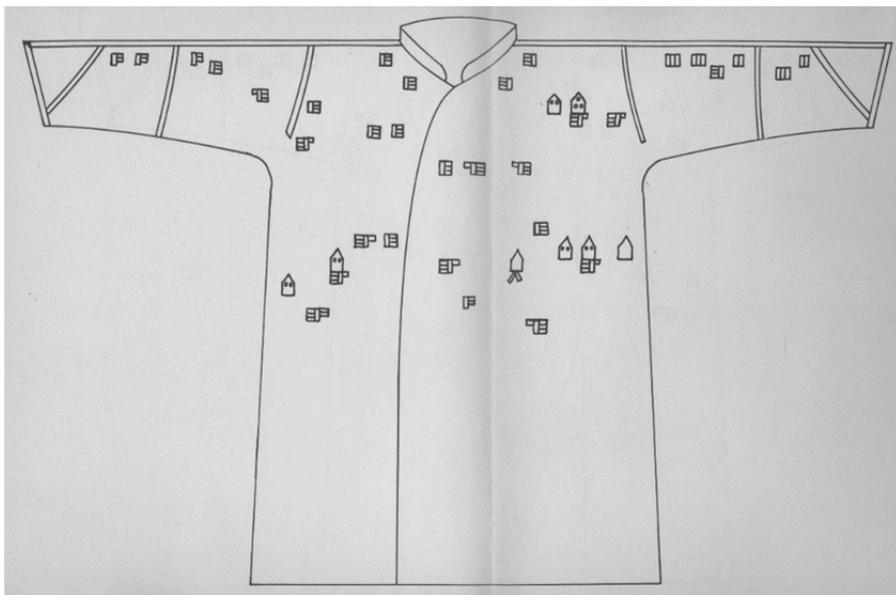

Рис. 1. Шаманский кафтан. Передняя сторона. Колл. МАЭ 1340-42

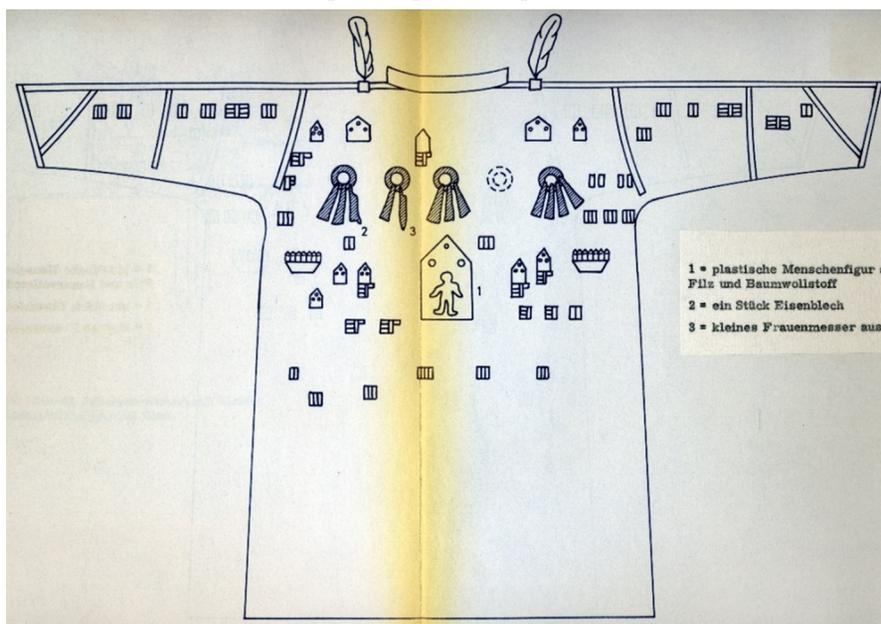

Рис. 2. Шаманский кафтан. Задняя сторона. Колл. МАЭ 1340-42

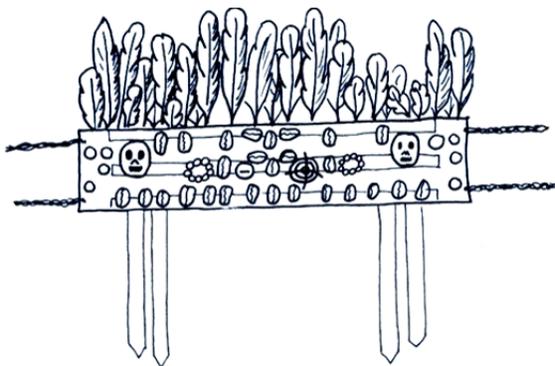

Рис. 3. Шаманская корона с маленькими изображениями черепов из олова.
Колл. МАЭ 1340-43

Как мы уже установили, наибольшее число таких образцов представлено в пограничной области культуры скотоводов и оленеводов, в хошуне Салчак. Костюмы же шаманов хошуна Ойуннар, напротив, образуют относительно единую группу.

Западнотувинские экземпляры, которые лишь в ограниченном числе были доступны нам для изучения в оригинале, представляют собой более гомогенную группу. В данном случае, как удалось установить, на первом месте была не столько экипировка, необходимая для осуществления шаманской деятельности (лишь стрелы являлись неперменным атрибутом), сколько изображения духов-помощников – змей и филинов или только перьев филина.

Иной вариант различий между костюмами проявляется в дифференциации деталей одного и того же типа. Они никогда не копируются женщинами с имеющегося образца, как, например, узор ковра на Ближнем Востоке, но возникают в соответствии с указаниями шаманов, которые получают их от своих духов (почти всегда это умершие шаманы-предки) и по поводу которых молодой шаман может получать рекомендации своего учителя. Он согласуется также в целом с впечатлениями, которые шаман получил от их одеяний³. Быстрое введение отдельных новых элементов, таких как русские колокольчики, имитация китайского кисета или изменения в тофаларском костюме в сравнении с тувинско-тоджинским, еще раз показывает нам, что шаман, с одной стороны, мог заимствовать детали, которые он видел у представителей соседних групп, или новшества, которые устоялись / были приняты в жизни тувинцев, равно как они могли признаваться обыденными и в царстве духов, поскольку иномирье для тувинцев есть проекция этого мира в мир фантастический. С другой стороны, как и в традициях большинства религий, здесь обнаруживается и консервативная позиция по отношению к однажды перенятым элементам: хотя доспехи не носи-

ли в течение нескольких поколений и тувинцам XX в. они известны лишь из сказаний, равно как стрелы и лук в качестве предметов вооружения, шаман использует именно их, а не ружья или униформу, которую тувинские солдаты носили, начиная с 1920-х гг. Внешний вид этого вооружения, очевидно, уже не известен шаманам во всех деталях, прежде всего в том, что касается поручней и поножей. В данном случае древняя традиция изображения скелета, существовавшая в лесной зоне, способствовала его интерпретации как костей, находящихся под накладками и, таким образом, сохранению этого элемента у шаманов лесной области и восточной части тувинской степи.

Обсуждаемый здесь вид традиции еще не кодифицированных норм лишь на основе воспоминаний шамана и женщин или девушек, которые изготавливали одежду, постоянно приводил к варьированию деталей. Мы могли это показать, сравнивая множество костюмов из одной и той же местности или из одной небольшой области, либо из одной и той же речной долины: для изготовления одежды у оленеводов предпочтительно выбиралась шкура оленя, однако шаманы всюду могут иметь видения, согласно которым духи требуют шкуру другого дикого животного, который, как и олень, мог быть представлен как ездовое. Однако лисья, соболья, беличья или даже собачья шкура – а все они были доступны для использования – никогда не выбирались в качестве основного материала для пошива одежды, и лишь некоторые из этих видов шкур и меха служили в лучшем случае для оторочки выреза ворота или обшлагов рукавов. Таким образом, здесь творческому вдохновению шамана оставлялось весьма ограниченное поле для вариаций. То же самое относится и к степной зоне, где в качестве материала в большинстве случаев использовалась овчина, но шаман мог взять и другой тип шкур домашних животных или же комбинацию разных типов.

При анализе изображений личины на коронах у тоджинцев мы сделали сходные наблюдения: оно (ср. с тофаларами) не должно отсутствовать; она всегда вышита или сделана в виде аппликации. Все личины здесь – как и в области Хубсугул, вероятно, под влиянием ламаистского искусства – переданы с большей детальностью, чем у тофаларов. Но личины на трех коронах, приобретенных между 1898 и 1915 гг. в долине и в устье Сыстыг-хема (приток Большого Енисея), являют разную степень абстракции и совершенно разные черты, которые, вероятно, представляют шаманского предка – владельца короны. На шаманской короне должна быть представлена личина, выполненная из текстиля⁴, на которой должны распознаваться, по крайней мере, глаза, уши, рот и нос. Как это выглядело в деталях, зависело от вдохновения шамана (рис. 4–7). Больше возможностей варьирования отмечено в степном пространстве, где белый олений подшейный волос не был доступен. Здесь от шаманов, очевидно, ожидали корону, отделанную ра-

ковинами каури, маску или стеклянные бусы на налобной повязке. Из трех корон, происходящих из местности Чер-Чарык на Хемчике и приобретенных Ф.Я. Коном, на одной имелись две маски и одна символизированная тремя монетами личина, на другой – только личина из монет. От третьей остались лишь маски. Среди трех корон хошуна Ойуннар на одной или двух имелись изображения личин из пуговиц, монет или раковин каури, на другой – лишь орнамент. Маска от короны была обнаружена также в Салдаме, который находится в том же хошуне. Таким образом, от творческого вдохновения шамана зависело, примет ли он для себя ламаистский образец изображений черепов на короне божеств в качестве импульса для прикрепления маски к своей короне или же нет. Точно так же от самого шамана зависело, будут ли на короне укреплены (как это иногда встречалось в Западной Туве) рога. Вместе с тем на всех коронах из области Хемчик, на которых это можно уверенно установить, равно как и на коронах из соседнего Чаа-Холя, имелись уши совы.

Рис. 4. Шаман Шончу. Фото П.И. Каралькина

Рис. 5. Задняя сторона кафгана шамана Шончу.
Фото П.И. Каралькина

Рис. 6. Корона шамана Шончу.
Фото П.И. Каралькина

Рис. 7. Второй кафган шамана Шончу, спинка.
Фото П.И. Каралькина

При изображении скелета на костюме шамана лишь у тофаларов всегда были представлены грудная клетка, а со спины – позвоночник, наряду с изображением плечевых накладок из текстиля или же металлических пластин. Без них тело шамана, по представлениям тофаларов, не является достаточно защищенным, в то время как на некоторых костюмах из Тоджи – минимальная защита: наряду со жгутами на рукавах, она состоит лишь из плечевых металлических накладок. Изображение других частей скелета у тофаларов зависит от традиций рода, но также, что отчетливо видно, и от вдохновения самого шамана. В этом контексте особенно интересно сравнить два тофаларских костюма. Оба принадлежат шаманкам, которые если и не относились к одному роду, то, во всяком случае, жили по соседству; оба костюма были сфотографированы В.Н. Васильевым в один и тот же день в одном и том же месте (рис. 8, 9). Он приобрел их, вероятно, с согласия шаманок: костюмы похожи друг на друга по покрою и использованию нагрудника и зигзагообразной полосы на накидке. На обоих есть связки жгутов, наиболее часто – по семь вместе; закреплены эти связки на кольцах на высоте талии или чуть выше, есть и массивный хвост из связок жгутов над ягодицами. Изображение грудной клетки на нагруднике и позвоночника на спине, небесной лестницы, плечевых накладок, стрел и колокольчиков также можно видеть на обоих костюмах. Но они различаются по типу представления этих частей. Скелет на нагруднике (ГМЭ 2486-302) имеет девять ребер и ключицы; на экземпляре из МАЭ (1480-18), наряду с ключицами, имеются девять горизонтальных или косых полос. На первом нагруднике закреплены пять металлических пластин, на втором

лишь две. Но зато на спине второго кафтана скелет изображен точнее, в то время как на экземпляре из ГМЭ (2486-301) есть лишь одна подвеска в виде позвоночника.

Рис. 8. Шаманка в кафтане с нагрудником (МАЭ 1480-18), в сапогах (ГМЭ ГМЭ 2486-303) и короне (ГМЭ 2486-3304). Фото В.Н. Васильева

Рис. 9. Шаманка в ритуальном одеянии (ГМЭ 2486-301), с нагрудником (ГМЭ 2486-302), в короне (МАЭ 1480-15) и сапогах (МАЭ 1480-16). Наибольшая длина халата – 63 см, жгутов – до 42 см, наибольшая ширина халата (внизу) – 31 см, ширина головной повязки 11 см, высота перьев – до 20 см.

Фото В.Н. Васильева

Различны также изображения плечевых накладок или защитных пластин, число закрепленных на одежде стрел, небесных лестниц и общее число жгутов и их связок, колец и колокольчиков. То же самое обнаруживается при детальном сравнении узора рукавов или корон, на каждой из которых имеется отороченная мехом налобная повязка, перевитые короткие жгуты, а в центре – геометрический узор. Исполнение этих узоров пуговицами или вышивкой, использование оперения или изображений семи перьев делают эти короны неповторимыми.

У тувинцев-тоджинцев мы также могли видеть, что связки жгутов на одном из костюмов (ГМЭ 650-12) сгруппированы не как на других, где предпочтительными являются числа «7» и «9», поскольку, по всей видимости, у его владельца были иные представления, отличные от представлений других шаманов (рис. 10).

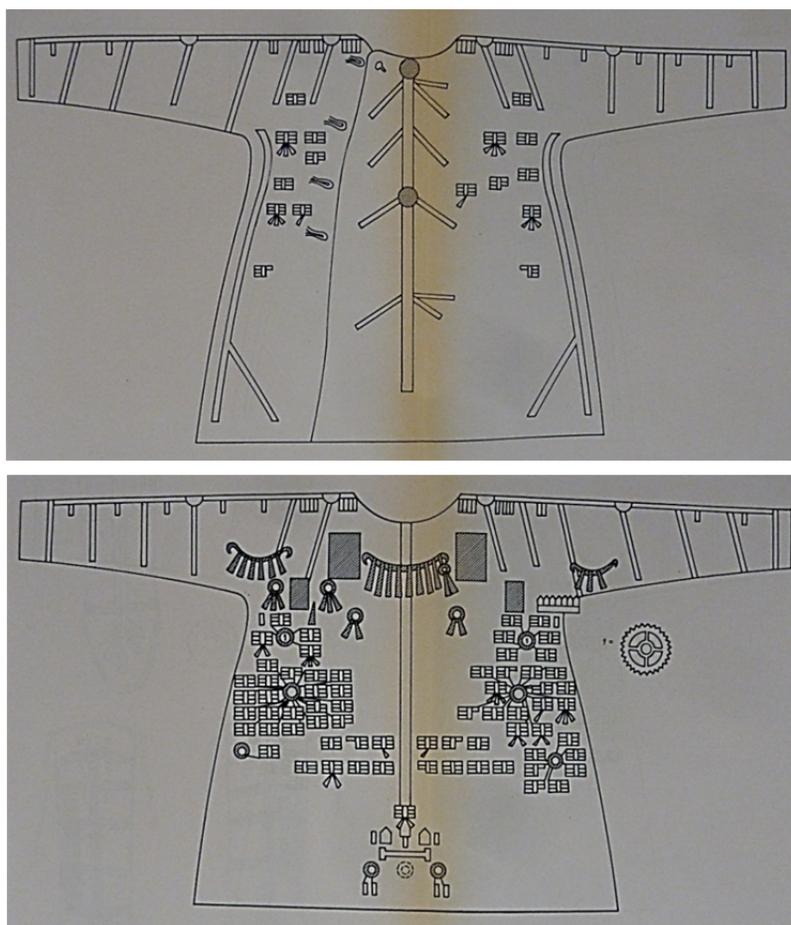

Рис. 10. Шаманский кафтан тувинцев-тоджинцев. Вид спереди и сзади.
Колл. ГМЭ 650-12

Почти все попытки изменений предопределяются в Тодже контактом со степной культурой, в то время как маленькая группа тофаларов до конца Второй мировой войны жила в относительной изоляции; порой имела в новейшее время контакты с бурятами, но обычно с русскими и вошедшими в состав России хакасами, т.е. с группами, которые отрицательно относились к шаманизму или, во всяком случае, не имели собственных шаманов.

Отсюда следуют большая закрытость и неизменность тофаларского шаманизма; во всяком случае это так представлено в костюме. Наши исследования привели нас, таким образом, к выводу, что дифференциация типов шаманской одежды, которая обнаруживается в границах области расселения тувинцев, базируется, с одной стороны, на неточности передачи образцов по памяти, что свойственно почти всем широко понимаемым нормам (т.е. ожиданиям других членов рода), с другой – на свободе выбора особенно впечатляющих образцов в ритуальном одеянии соседей. Об этом свидетельствуют в том числе заимствования из ламаизма, которые у шаманов тувинских скотоводов встречаются особенно часто. Как заметил еще Ф.Я. Кон, в зоне своего наиболее сильного влияния на оленеводов ламаизм действовал, напротив, скорее, как стимул к вычурности. Виды одежды, показанные выше (см. рис. 4–7), происходят именно из этой области, из Тере-холя⁵. Наверняка они также возникли в сороковые и пятидесятые годы, т.е. тогда, когда их владыка шаман уже в значительной степени был изолирован.

Таким образом, мы видим, что нигде – по крайней мере, до начала Второй мировой войны – воображение шамана не создало совершенно новые формы атрибутики, которые бы не отвечали религиозным представлениям и поведению, ожидаемому от шамана. Скорее, он перенимает у соседей уже укоренившиеся, не меняющие в корне его собственные представления некие эффектные детали шаманской одежды, которые, в свою очередь, часто воспроизводятся по памяти и, таким образом, изменяются и адаптируются.

Из этого перенятого изменения и из нового сочетания древних и современных идей возникают новые типы одежды. Только там, где ориентация на похожие костюмы шаманов соседних групп и на поведенческие ожидания большого круга зрителей отсутствовала, в новых костюмах, в частности у Шончу, мы могли отметить еще большую скорость изменений. Это подтверждает следующий вывод: чем сильнее изоляция, в которой находится группа, тем более жестко сохраняются ее традиции. При контакте с другими подобными культурами возможности вариации для служителя религии в бесписьменных культурах становятся большими и традиции меняются быстрее.

Из рассмотрения процесса передачи традиций у бесписьменных этнических групп, который мы максимально детально предприняли лишь

на одном примере – шаманской одежде, выясняется также, что шаманизм, как мы изначально полагали, в действительности не некий закрытый продукт, но, напротив, синкретическое явление.

Примечания

¹ Первое обобщающее (впрочем, чрезвычайно краткое) описание шаманской одежды тувинцев и тофаларов (карагасов) появилось в русскоязычной литературе лишь в 1971 г. (Прокофьева 1971: 70–76). – *Прим. пер.*

² Начиная с середины XVIII столетия территория расселения тувинцев была разделена на районы (хошун), каждый из которых включал в себя более мелкие единицы – сумоны и арбаны (десятидворки). – *Прим. пер.*

³ Укажем еще раз на сообщения И.А. Евсенина (Hartwig 1956: 40) и В. Диосеги (Diószegi 1959: 273 и далее).

⁴ Подробнее о шамане Шончу см. (Функ 2003: 451–464; Funk 2005: 120–129). – *Прим. пер.*

Литература

Diószegi V. Der Werdegang zum Schamanen bei den nordöstlichen Sojoten // *Acta Ethnographica*. Budapest, 1959. T. VIII. S. 3–4.

Funk D. Die Zeichnung auf der Trommel des Schamanen Šonču nach Feldmaterialien von P.I. Karal'kin (Aus der Geschichte einer wissenschaftlichen Nachforschung) // A.C. Oel-schlägel, I. Nentwig u. J. Taube (Hrsg.) «Roter Altai, gib dein Echo!» Festschrift für Erika Taube zum 65. Geburtstag. Leipziger Universitätsverlag, 2005. S. 120–129.

Hartwig W. Gedanken über ein Schamanenkostüm // *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*, 1956. Bd. XV.

Johansen U. Die Schamanentracht bei den Tuvanern. Vorschläge zur Methodik der Schamanismusforschung. Heidelberg, 1968. 451 s. + 2 Anhänge (рукопись).

Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // *Сборник МАЭ*. Т. XXVII. Л.: Наука, 1971. С. 5–100.

Функ Д.А. Тувинский шаман Шончур Тожу и его бубен (по материалам П.И. Каралькина) // *Acta Ethnographica Hungarica*. 2003. Vol. 48 (3–4). P. 451–464.

Перевод с немецкого Д.А. Функа и В.И. Харитоновой

Статья поступила в редакцию 9 марта 2017 г.

Johansen Ulla

ON FREEDOM OF CREATIVE ACTIVITY OF SERVANTS OF RELIGION AND TRANSFER OF RELIGIOUS NORMS IN A NON-LITERATE SOCIETY

(A fragment of a manuscript, translated from German by *D.A. Funk* and *V.I. Kharitonova*)

Abstract. In this excerpt from the concluding part of Ulla Johansen's doctoral thesis, titled 'Tuvan shamans' clothing. On the methods of researching shamanism' (1968), summed up are the author's research results concerning the differences and similarities of shamans' clothes in the Tuvan-speaking area and the specificities of keeping traditions in various contexts, whereby it is shown that shamanism is not a phenomenon that shuns whatever influences but is the one that is deeply syncretic.

Keywords: peoples of Siberia, Tuvans, shamanism, creative activity, tradition

DOI: 10.17223/2312461X/16/2

References

- Diószegi V.* Der Werdegang zum Schamanen bei den nordöstlichen Sojoten // *Acta Ethnographica*. Budapest, 1959, T. VIII, 3-4.
- Funk D.* Die Zeichnung auf der Trommel des Schamanen Šonču nach Feldmaterialien von P.I. Karal'kin (Aus der Geschichte einer wissenschaftlichen Nachforschung) // A.C. Oelschlägel, I. Nentwig u. J. Taube (Hrsg.) "Roter Altai, gib dein Echo!" Festschrift für Erika Taube zum 65. Geburtstag. Leipziger Universitätsverlag, 2005, ss. 120-129.
- Hartwig W.* Gedanken über ein Schamanenkostüm // *Jahrbuch des Museums für Völkerkunde zu Leipzig*, 1956, Bd. XV.
- Johansen U.* Die Schamanentracht bei den Tuvanern. Vorschläge zur Methodik der Schamanismusforschung. Heidelberg, 1968, 451 s. + 2 Anhänge (Manuscript).
- Prokof'eva E.D.* Shamanskije kostiumy narodov Sibiri [Shamans' clothes of the peoples of Siberia] // *Sbornik MAE*. Vol. XXVII [The MAE collection. Vol. 27]. Leningrad: Nauka, 1971. pp. 5-100.
- Funk D.A.* Tuvinskii shaman Shonchur Tozhu i ego buben (po materialam P.I. Karal'kina) [The Tuvan shaman Shonchur Tozhu and his drum (based on P.I. Karalkin's materials)] // *Acta Ethnographica Hungarica*, 2003, Vol. 48 (3-4), pp. 451-464.

**О ВЕЧНО-ВРЕМЕННОМ И НЕЗАВЕРШЕННОМ:
СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ УРБАНИЗАЦИИ**
(отв. ред. специальной темы номера – Е.Г. Трубина)

УДК 364.122.5

DOI: 10.17223/2312461X/16/3

**НЕЗАВЕРШЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
НЕСОВЕРШЕННОГО**

Елена Германовна Трубина

Аннотация. В статье обсуждается вклад, внесенный тремя авторами тематического блока «О вечно-временном и незавершенном: страницы истории советской урбанизации», в понимание сложностей советского городского строительства. Статьи С.С. Духанова, М.С. Ильченко и И.Н. Стася, обсуждающие отечественные версии незавершенности, связаны с более широким историческим и концептуальным материалом, в частности с работами Майка Дэвиса, Дональда Фильцера, Зигмунда Баумана и других с целью обсуждения того, какое значение недостатки советского планирования имеют для мировой истории модерности и модернизации.

Ключевые слова: модернизация, индустриализация, незавершенность, планирование, Сибирь, нефть, Екатеринбург

Три статьи, вошедшие в «городской» тематический блок этого номера журнала, посвящены различным страницам истории советских городов: преподаватель Сургутского государственного университета историк Игорь Стась описал самострой в нефтедобывающих городах Советской Сибири, преподаватель Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств архитектор Сергей Духанов описывает причины, по которым в Западной Сибири 1930-х гг. были распространены так называемые недостроенные города, а научный сотрудник Института философии и права УрО РАН, историк архитектуры и политолог Михаил Ильченко разбирает нарратив «нереализованной утопии», рассматривающий советскую архитектурную традицию в символических категориях «невоплощенного проекта» и «несостоявшегося будущего». Статьи написаны с применением различных исследовательских методов, в том числе с использованием архивных документов и советских масс-медиа. К официальной истории советско-

го планирования добавляются особые эпизоды промышленного освоения российских регионов, которые различными способами свидетельствуют о слабости централизованного планирования.

История многое оставляет незавершенным в силу того, что планы и намерения одних людей сталкиваются с интересами других. Мне также довелось кратко написать о противопоставлении реализованного и нереализованного в истории модерности, подытоживая исследовательское путешествие с командой Баухауса по восточно-европейским городам (Трубина 2008). Михаил Ильченко в своем тексте настаивает на том, что незавершенность, с одной стороны, была присуща советскому градостроительству, а с другой – составила одно из главных понятий и символов, с помощью которых развитие городов советского периода описывается. Я, глядя на модели, стоявшие в офисах главных архитекторов городов постсоветских (к примеру, Минска начала 2000-х), думала о связи между незавершенностью и нереализованностью и том, как хорошо, что на воплощение планируемой претенциозной безвкусицы денег не хватило. Но денег, безусловно, хватило на воплощение многих других претенциозных проектов, так что проблема того, по какой причине что-то реализуется, а что-то остается в проекте, что-то, начавшись, завершается, а что-то остается мечтой, – из вечных. Три представленных в этом блоке статьи разбирают различные стороны советской модернизации. В этих предваряющих заметках я хотела бы сосредоточиться на том, как понятие «незавершенность» связано с нарративами модерности, модернизации и развития, место которых в риторике современных российских властей заняли «реновация» и «национальное единство». Авторы статей помещают эпизоды советского градостроительства внутрь советской же истории, добавляя к ней важные аргументы, детали и исторические свидетельства, но я убеждена, что отечественные версии незавершенности стоит увязать с более широким историческим и концептуальным материалом.

Модернизация: «воображаемые преимущества» и отсутствие четкой цели

Исторический период модерности включает развитие индивидуализма, капитализма, урбанизации, веры в возможности науки и техники. Противопоставление развитых, «модерных» обществ и тех, которые позднее приступили к модернизации, строилось на идее необратимого перехода от нового к старому, составившей одно из оснований понимания исторического периодизирующего понятия модерности, возникшего в XVIII в. (Koselleck 2002: 155). Разделение обществ-«пионеров» и обществ-«продолжателей» (Bendix 1967: 330–331), обществ модернизованных и обществ модернизирующихся исходило из такого понимания социальных трансформаций, которое в Северной Америке и Европе

сформировалось и эти же страны поставило в центр нового мира. Модернизация определяла жизнь многих стран в XX в., в том числе и СССР. Риторика модернизации активно использовалась советскими, а затем российскими властями в конце XX столетия. Модерность и модернизация – термины, полностью не совпадающие, но и то и другое объединяет вера в прогресс в разных областях жизни. Во многих западных странах индустриализация сопровождалась модернизацией, или социальным и политическим развитием, которое включало урбанизацию, социальную мобильность, изменения в структуре профессий, образование и пр. Модернизация, по остроумной характеристике американского социолога У. Мура, направлена на утверждение страной себя в качестве части общего запаса мирового знания и полезных технологий за счет «масштабного заимствования, но незначительного добавления в этот запас, а также принесения в жертву многих проверенных временем традиций ради реальных или воображаемых преимуществ» (Moore 1965: 6). И еще одну полезную мысль Мур формулирует в другой работе: «Результат модернизации – отнюдь не стабильный социальный порядок в статичном равновесии. Такой стабильности нельзя предсказать нигде, и у общества, которое приступает к программе модернизации, четкой цели нет» (1967: 168). Сегодня во многих местах как-то пытаются справиться с последствиями и навязанных (скажем, странам Глобального Юга) и реализованных на Глобальном Севере вариантов развития. Учитывая это, сделанный социологом в описании сути модернизации акцент на «воображаемых преимуществах» и отсутствии четкой цели этого масштабного процесса побуждает предположить, что «завершенность», т.е. состояние и результат, противоположные тем, что обсуждают авторы темблока, – это фантом. Завершенность предполагает определенность, но все современное развитие осуществляется в условиях нарастающей неопределенности. Сами понятия, ценности и принципы, на которые сориентированы современные общества – от демократии и рынка до общего блага – неопределенны до такой степени, что часто сложно сказать, достигнуто ли решение той или другой задачи. И управленцам, и гражданам приходится принимать решения по вопросам, имеющим множество измерений (красота / польза, долговременные цели / тактические задачи и т.д.), и критерии успеха и завершенности, предполагаемые этими измерениями, не совпадают. Конечно, если мы говорим о монументе, здании, улице или районе, их можно придумать, начать и завершить в соответствии с планом, но город в целом, не говоря уже о подвергаемой развитию, или модернизации, стране – образования слишком сложные, чтобы в них что-либо можно было с уверенностью завершить. Профессор городского планирования Колумбийского университета Роберт Борегард и специалист по городской земле Анне Хайла в статье с выразительным названием

«О неизбежной незавершенности города» (Beauregard, Naila, 1997) сетуют на увлеченность, с какой их коллеги открывают новый, «пост-фордистский» и «пост-модернистский» тип города, воплощающий новые же экономические процессы, так как, с их точки зрения, новые процессы далеко не всегда физически отражаются в городском пространстве. Оно чаще всего представляет сложное сочетание старого и нового, воспроизводящихся тенденций и попыток что-то изменить. Борегад и Хайла, в частности, подчеркивают, что «относительно фиксированная форма города и способствует и препятствует настоящим и будущим инвестициям, способам жизни и культурным смыслам» (328) и что «пространственная форма города никогда в точности не отвечала создающим город процессам и такого соответствия никогда не будет» (339).

Урбанисты подчеркивают сложности, которые создает имеющаяся городская среда для тех, кто спешит отыскать на свете новые города, но опыт советской модернизации включал в себя именно такие, новые, почти с чистого листа построенные города. Они возводились в тех местах, которые выгодно было промышленно осваивать, а потому возникали вокруг заводов, шахт и нефтепромыслов. В своей статье Сергей Духанов пишет, что «это были самые неосвоенные места, где предстояло с нуля создавать не только комбинаты-гиганты, но и всю среду жизнедеятельности человека: сеть сельскохозяйственных поселений для снабжения, транспортную и строительную инфраструктуру и главное – города» (Духанов 2017: 51). Можно спорить, в каком смысле построенное стало городами, но сегодня уже общим местом стало допущение, что есть десятки вариантов «урбанистичности», в том числе и совсем необычной и странной (Pile 2006; Walker, Schafran 2015). Когда мы задаемся оправданным вопросом о том, зачем надо было строить новые города одновременно в десятках мест, то главный ответ в том, что советское социалистическое строительство было для новой власти способом закрепления за собой завоеванной территории. Тут, сознавая все отличия между колонизацией классической и «внутренней», полезно напомнить, что все колониальные администрации создавали новые города, чему очень помогло оформление профессии городского планировщика в качестве отдельной и уважаемой (Mosser 2015: 32). Как в колониальном случае реализацию экономических интересов метрополий идеологически сопровождали аргументы о «цивилизаторской» миссии Запада и решении проблем бедности и перенаселенности, так и в советском случае быстрая индустриализация и сопутствующая ей урбанизация преследовали цель социалистического контроля над огромной территорией из метрополии – Москвы.

«Вторичность города» и ее последствия

Дискуссии между специалистами по расселению и соцгороду в журналах «Современная архитектура» и «Строительство Москвы», кратко

рассматриваемые в статье Михаила Ильченко, какие бы интересные визионерские идеи они не содержали, были подчинены экономическим стратегиям рассредоточения электростанций и заводов по Евразии. Тяжелую промышленность планировалось развивать в местах концентрации минерального сырья, находящихся вдалеке от каких-либо транспортных сетей (которые тоже планировалось строить). Статья Сергея Духанова привлекает внимание к значимому моменту дискуссий 1930-х, а именно представлениям центральных планирующих организаций о сравнительной стоимости заводов и городов. Победила причудливая идея меньшей, по сравнению с заводами, стоимости возведения рядом с ними городов, что должно было способствовать равномерному распределению промышленных точек роста по советской территории. Ильченко подчеркивает, что даже гордость советской архитектуры – соцгорода при заводах – были возведены в отсутствие утвержденных планов.

Духанов убедительно демонстрирует в своей статье, что готовность советских планировщиков разместить города где угодно и с пренебрежением градостроительными нуждами объяснялась идеей «дешевого» социалистического города и «вторичности» городского строительства по сравнению со строительством заводским. Найденные им архивные материалы и свидетельства (документы Западносибирской краевой плановой комиссии (Государственный архив Новосибирской области, Ф. Р-12) и Главного управления коммунального хозяйства РСФСР (Государственный архив Российской Федерации)) очень выразительны. Автор показывает ухищрения планировщиков Наркомата тяжелой промышленности в ситуации, когда идеология «расселения» предполагала массовое создание новых заводов, шахт и прочего, а при них – жилой среды (вместо вложений в уже имеющиеся города). Примечателен упоминаемый автором жаргон планировщиков: такие выражения, как «оптимальные геометрические точки» или «центральные транспортные моменты» использовались для обозначения точек на карте, где предстояло вырасти промышленным гигантам. Из Москвы многое не увидишь, и скоро обнаружилось, что эти «точки» были вдалеке и от заводов, где производился кирпич, и от дорог, а также не имели стройтрестов. Там, где стройтресты были созданы, вид они имели жалкий: так, Анжеро-Судженский горстройтрест в 1936 г. имел гужевой транспорт из 30 лошадей, «не способных к перевозке грузов по своей старости» (Духанов 2017: 45). Удручающее качество довоенного провинциального городского строительства было впоследствии замаскировано военными разрушениями. Многие советские города были разрушены во время войны, и процесс их восстановления, хорошо у нас в литературе освещенный, рисует картину единения властей и населения для решения общей задачи – возврата к нормальной мирной жизни. Но сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют, что до войны управ-

ленцы, сосредоточенные в центральных планировочных органах, создавали стратегию развития промышленности, предполагавшую безжалостную эксплуатацию работников; у людей в создаваемых с нуля городах формировалась выученная беспомощность: приехав на работу и начав жить в бараках и временках, многие в таких жилищах и оставались, не имея возможности заработать себе на приличное жилье и десятилетиями маринуемые в очередях на квартиры «от предприятий».

«Оптимальные геометрические точки» придумывались как способ обеспечения доступа как минеральному сырью, извлечения прибыли от его обработки и продажи, поддержания элитами собственного доминирования за счет советской массы. Люди, десятилетиями сосредоточенные на добывании самого необходимого для жизни, не мыслили себя членами коллективов, а тем более классов. Я хотела бы связать материалы, рассмотренные С. Духановым, с книгой «Опасности городской жизни в России позднего сталинизма: здоровье, гигиена и жизненные стандарты, 1943–1953» английского историка труда и сталинизма Дональда Фильцера (Filtzer, 2010). Книга – о качестве жизни советских горожан в промышленных регионах, которые в войну разрушены не были, включая малые промышленные города. Исходя из того, что ключевые индикаторы качества жизни – это доступ к чистой воде, чистому туалету, индивидуальное жилье и еда в достаточном количестве, ученый показывает, что и в 1940-е, и в 1950-е жизнь в советских городах на пол-века отставала от Англии и Германии. Его внимание к малым промышленным городам важно, потому что население, в таких городах жившее, превышало число обитателей областных центров (например, население Свердловской области было почти в три раза больше, чем население областного центра) (12). Фильцером проанализированы обширная статистика и иные материалы, относящиеся к жизни в уцелевших и находящихся в глубине страны регионах: война, конечно, сказывалась и в них, но то, что городская среда в них сложилась до войны и сохранилась в неизменности, лишает возможности ссылаться на военные разрушения как причину всех тягот и хронических проблем. Книга построена на архивных данных, сосредоточенных по преимуществу в ГАРФе, в частности в архивных материалах Министерства здравоохранения СССР. Фильцер рассматривает города (с запада на восток), расположенные в Московской, Ивановской, Ярославской, Горьковской, Свердловской, Пермской, Челябинской областях и на Кузбассе.

Книга начинается с разоблачения Фильцером неправды, содержащейся в статье советского санитарного врача, который победу над болезнями в СССР объяснял высоким качеством диагностики и заботой о качестве городской инфраструктуры. Историк показывает, что хлорки, активным применением которой советский врач-пропагандист объяснял санитарные успехи, явно было недостаточно в условиях, когда ни один город не

мог похвастаться нормальной инфраструктурой отведения отходов. Стандарты жизни простых людей вдалеке от Москвы были, по Фильцеру, невероятно низки: вода приносилась в жилища с колонки, баню посещали раз в неделю, мыло (как и многое другое) было по карточкам, не хватало еды, болезни были нередки. С точки зрения историка, это свидетельствует о том, что сталинизм был периодом классового подавления, мало общего имевший с социализмом. Переключка между текстами Духанова и Фильцера заключается в том, что оба показывают, что командная экономика была не столько плановой, сколько бесплановой (два других автора тематического блока, Ильиченко и Стась, также «бесплановости» касаются). Недостатки планирования прямо оборачивались вонью от повсеместных экскрементов и примитивных туалетов, измождением, низкой продуктивностью труда. В тех нарративах, что до нас дошли о послевоенной жизни, тяготы горожан объясняются уроном, нанесенным войной. Фильцер же отдельные усилия предпринимает для того, чтобы показать, что дело было не в военной разрухе. Пренебрежение властей созданием инфраструктуры, став родовой чертой сталинизма, продолжилось и в позднейшее время: понятно, что многие обитатели балков и вагончиков, что описывает И. Стась, нужду справляют на улице.

Духанов и Стась описывают тенденции, которые условно можно обозначить как перебрасывание ответственности между различными ведомствами и городскими и региональными администрациями за городское строительство: то, что не сулило выгоды и было чревато дополнительными расходами, а именно создание инфраструктуры, откладывалось в долгий ящик и часто не было реализовано. Духанов, на историческом материале развития городов Западной Сибири, показывает, что ведомства на жилищном строительстве для рабочих экономили. Стась пишет, что ведомства отличались друг от друга тем, какое именно временное жилье они предлагали рабочим. Ведомственная разобщенность советской командной экономики приводила к тому, что до реализации масштабных планов в той их части, которая касалась благополучия рабочих, и интересов общественного блага дело не доходило никогда. Задачи ведомств состояли в привлечении достаточного числа рабочей силы на возводимые предприятия, а качество жизни людей выходило за рамки имеющихся приоритетов. Допуская, что среди управленцев градообразующих городов были люди, искренне заинтересованные в том, чтобы создать приличную городскую среду и переселить максимум работников в отдельные жилища, мы также видим, что благих намерений было недостаточно. В любом российском поселении в итоге остались зоны, районы, углы, кварталы, улицы, застывшие во времени. Неделанные некогда, в 1930-е или 1960-е, обрекая людей на «так себе» жизнь, они постепенно разрушаются и зарастают бурьяном.

Трущобы сибирские и иные

В центре рассказа Игоря Стася о балках и вагончиках, в которых с начала нефтяного бума в Восточной Сибири жили работники нефтедобывающих поселков, – «всесильные ведомства – геологические, нефтедобывающие и строительные организации». Они представляют государство, приоритеты которого ясны: «сначала рабочая сила, которая осуществляла выполнение директив (в данном случае планы по добыче нефти), и только потом – создание нормальных условий жизни». Учитывая, что добычу нефти в регионе начинало одно государство – советское, а продолжает современное российское, легко понять, что «создание нормальных условий жизни» является лишь личной задачей поселившихся в тех краях людей. С нормальными условиями жизни мы трущобы не ассоциируем, но во многих городах мира трущобы нормальны в том смысле, что составляют единственный вариант жизни для миллионов. Но все же когда мы читаем в статье Стася, что «в пространственном отношении города нефтедобывающих районов Сибири полностью окружались трущобами» (Стась 2017: 88), нас царапает стигма, связанная с термином «трущоба». Мы задаемся вопросом о том, почему в такой близости от источника богатства – нефтяных месторождений – образовались «временные поселки» с плохим жильем, «вагон-городки», на километры растянувшиеся кварталы балков, размещающиеся рядом со складами и гаражами.

Нефть в регионе была открыта полвека назад, а в очередях на улучшение жилищных условий в городах продолжают стоять тысячи людей. Ответ на вопрос о том, почему почти все нефтедобытчики вначале жили (а некоторые продолжают жить) в трущобах, связан с тем, как распределяется рента от продажи нефти, и в литературе, с одной стороны, отмечается, что большая ее часть направляется центральному правительству (Luong, Weinthal, 2010: 6), а с другой – подчеркивается, что не только на одном уровне – центрального правительства – монополизируется вся рента. Россия принадлежит к тем странам, где доля прибыли от продажи нефти, собираемой централизованно, направляется в регионы и распределяется местными правительствами. Политологи-компаративисты, обсуждающие проявления на субнациональном уровне «нефтяного проклятия», приходят к интересным выводам: как именно это распределение происходит, отличается от страны к стране и т.д. Один из них продемонстрировал «что нефть порождает негативные политические эффекты на провинциальном уровне, только если соответствующие институты не делятся (или делятся крайне незначительно) рентой с муниципальными правительствами. Напротив, если рента муниципальным правительствам поступает, возникает политическое соревнование, большие бюджеты вышестоящих правительств уменьшаются, а муниципалитеты могут обеспечивать общественные и частые

услуги...» (Diaz-Rioseco 2016). Если мы с учетом этих соображений осуществим интернет-поиск с ключевыми словами «трущобы / Сургут» или «трущобы / Нижневартовск», мы удивимся, во-первых тому, что это слово нормализовано (его используют и масс-медиа), а во-вторых, тому, что авторы комментариев рассчитывают, что, пусть медленнее, чем хотелось бы, но трущобы исчезнут путем применения государственных программ: «В Сургутском районе специально разработана муниципальная программа так называемого “поддерживающего ремонта” для ветхого жилья. Деньги на ее реализацию выделяются из бюджета муниципалитета. Это, конечно, не панацея, убеждены власти, но оправдывающее себя средство для поддержания ветхих домов в более-менее сносном состоянии... У жителей есть 2 варианта, как добиться светлого коммунального будущего, – либо сложиться и за свой счет сделать ремонт по своему разумению и желанию, либо дожидаться новых квартир. У районных властей сегодня в приоритете не латание старых дыр, а переселение людей в благоустроенное жилье. Этот процесс занимает, конечно, много времени и требует значительных денежных затрат, но других вариантов просто нет» (Кудрявцев 2017). У муниципалитета города, где расположена штаб-квартира ОАО «Сургутнефтегаз», есть средства лишь на «поддерживающий ремонт ветхого» (курсив мой. – Е.Т.) и на реализацию «муниципальной программы по обеспечению безопасных условий проживания граждан в непригодном жилье» (курсив мой. – Е.Т.). Город находится в самом низу «пищевой цепочки, и непонятно, откуда когда-нибудь у него возьмутся средства на возведение благоустроенного жилья в достаточном объеме.

В статье Стася, публикуемой в данном номере журнала, описаны 1960–1980-е гг. Автор осторожно замечает, что «советский временный жилой самострой постепенно уходит в прошлое. В частности, в бывших социалистических моногородах Западной Сибири становится все меньше трущоб – следов нефтегазового освоения в 1960–1980-х гг.» (курсив мой. – Е.Т.) (Стась 2017: 81). Мне кажется, здесь Стась сам попадает под обаяние классического прогрессистского нарратива, согласно которому плохого остается все меньше, а хорошего становится все больше. Оценки Стасем скорости избавления от трущоб совпадают с теми, что можно найти в печати: «Программа переселения из ветхого и фенольного жилья реализуется в Нижневартовске с 2001 года. Власти поставили задачу постепенно освободить город от трущоб. Изначально предполагали, что к 2010 году в черте города не останется ни одного деревянного здания. На их месте возвысятся современные кварталы. Но на деле программа реализуется крайне медленно. В городе все еще остается более 1 500 ветхих строений» (Nakanune 2005). Знакомство с тем, как люди обсуждают эти проблемы в социальных сетях, убеждает, что их оценки более радикальны: «...никаких движений нет», – пишет жительница Ноябрьска. Вот, что

она имеет в виду: «У нас – в Ноябрьске, люди по 30 лет живут в таких домах. У знакомых жилье признано ветхим уже лет 10 – все живут, никаких движений нет, чтоб переселить куда-то – оно наверно и правильно, люди сами умрут, от старости в лучшем случае – тогда и снести можно будет без лишних хлопот. По слухам землю в поселке уже приметили газпромовцы – якобы для собственных коттеджей, опять же по слухам, но все равно движений никаких нет. Может это просто утка пущенная в массы – что бы люди особо не дергались и продолжали еще во что-то верить, не собирали бумажки, не писали письма – дабы не раздражать чиновников? А что, вот придут газпромовцы, дадут всем по квартирке в капиталке, щитовые фенольные дома снесут и построят себе уютные коттеджи в удобном месте. По мне так больше верится, что как обычно, дома начнут случайно гореть. Ну ветхие же, 30 лет не горели, пора бы уж» (Орфография и пунктуация сохранены) (Fogum-garant 2012). Разница между надеждой ученого на то, что постепенно трущобы исчезнут, и диагнозом неvezучей жительницы («движения нет») свидетельствует о том, что сегодня мы колеблемся между *эмоционально-оценочным* отношением к трущобам и *эмпирическим*, к которому в 1950-е призывал Герберт Ганс, предлагая для трущоб альтернативный термин «дешевые жилища» (Gans 1959: 15–25): без них не обойтись.

О массовом распространении трущоб и о невозможности без них представить будущее написал свою «Планету трущоб» Майк Дэвис, утверждающий в ней, что это в Российской Федерации и в бывших советских республиках трущобы растут быстрее всего (книга вышла за десять лет до объявленной теперь московским правительством программы реновации) (Davis 2006: 24–25). Со страстью социального критика Дэвис пишет на этих страницах о «гошнотворной скорости», с какой «городской распад» распространяется на постсоветском пространстве вместе с экономическим неравенством и недофинансированием. Сибирь в его книге заслуживает отдельного упоминания, и очень интересного. Трущобы в его анализе тесно связаны с «глобальной свалкой людей», которые обречены жить в «наспех сколоченных хибарах рядом с укрепленными богатыми анклавами» и которые не способны влиять на то, в каких условиях живут и работают. Почему же так происходит? Бросая на историю трущоб взгляд с птичьего полета, Дэвис увязывает ее с городским распадом XIX в., когда разоренное сельское хозяйство Европы породило десятки тысяч мигрантов в города. Не все довольствовались крохами, оставшимися от тех, кто пришел в города раньше, и история Дублина, Неаполя и других городов полна эпизодами стачек, восстаний и «локаутов». Жители городов, в том числе обитатели трущоб, стремительно радикализировались. Кто знает, что могло бы получиться, если бы не нарастание миграции: люди рассчитывали не на победу дела рабочего класса в Европе, а на самих себя. Дэвис считает, что «массовая иммиграция в поселенческие общества Америки и

Океании, а также Сибири, послужила динамическим отводным клапаном, предотвратившим появление мега-Дублинов и супер-Неаполей, а также распространение низового анархизма, пустившего корни в наиболее сильно обедневших частях Южной Европы» (Davis 2006: 183). В Сибирь, получается, ехали те, кто в социальные и политические движения не верили. Рассредоточившись на ее просторах, мигранты занялись своими делами, не думая о политике.

Нефтяной бум 1960-х, как мы знаем, породил новую волну миграции, причин которой касается советский социолог В. Переведенцев в интервью журналисту «Юности»: «Абсолютно уверен, что, как и прежде, для большинства молодых привлекательно участие в трудном и почетном деле освоения. Привлекательно возможностью “развернуться”, жить в полную силу, в полный рост. Не последнее дело – романтика первопроходчества... Но манит и другое – повышенная заработная плата (целая система коэффициентов к зарплате). И удлиненные отпуска. И более ранний выход на пенсию (хотя для молодых людей это вроде бы не актуально). И бронирование жилья там, откуда человек едет на Север. И возможность вне очереди приобрести некоторые остродефицитные товары, например, автомашину. Порицать за это человека? Не думаю. Он и романтик и рационалист. И хочет, как бы это сказать, идти в ногу со временем...» (Переведенцев, Фролов, 1981).

Стась, описывая восточно-сибирские трущобы, мотивации переселенцев не касается, но, не представляя причин переезда, трудно понять, что заставляло людей жить (в десятилетие начала в стране массового жилищного строительства) в тесноте и обиде. Прочитую одно из приводимых Стасем свидетельств: «В балке не было ни окон, ни двери, зато было по колено снега. Выгребли снег, достали рамы, дверь, поставили печку-буржуйку... С вечера натопишь – жарко, а утром вода в умывальнике замерзала. Вот так жили всю зиму... приходилось каждый вечер носить то доску, то бревнышко с пилорамы...» (Стась 2017: 84). То, что неформальные поселения остаются частью пейзажа нефтяных городов, должно быть осмысленно «реляционно», т.е. с учетом социальных и экономических отношений, в которые нефтяные города и регионы включены. На их сохранение надо смотреть и в контексте роста цен на недвижимость, поддерживаемого экономическим ростом городов, и недостаточностью средств, выделяемых на разнообразные программы социального жилья. Не случайно власти разбираемых Стасем городов жалуются на то, что частные застройщики отказываются продавать городу жилье по заведомо заниженным в правительственных программах ценам: «Всего по крупнейшему муниципальному образованию региона порядка 800 домов сейчас находятся на грани разрушения, но лишь 32 из них признаны аварийными и подлежащими сносу. Как и в Сургуте, власти района уверяют, что вопрос с переселением

решить крайне трудно в виду существующего тарифа на приобретение жилья под муниципальные нужды. Застройщик просто отказывается реализовывать свои квартиры за 46 000 рублей за квадратный метр» (Нуриев 2015). Та причина, что вагончики до сих пор в нефтяных городах бойко продаются, пряма связана с другим фактом: на доходы, извлеченные от продажи нефти, управленцы и чиновники учат детей в Лондоне и строят трехэтажные виллы на французской Ривьере.

Социалистические города в постсоциалистическое время

Михаил Ильченко подробно воспроизводит историю планирования и строительства соцгорода Уралмашзавода, демонстрируя, как осуществлялся еще один вариант «беспланового» строительства. Активисты в городах с короткой историей, как Екатеринбург, стремятся социалистический период своей истории сделать интересным для местных жителей и туристов. Экскурсии по конструктивистским памятникам и иным местам города, организуемые в Екатеринбурге Константином Брыляковым, Дмитрием Москвиным, Игорем Янковым, Людмилой Старостовой и другими, собирают сотни участников. Уральская индустриальная биеннале (которая пройдет осенью 2017 г. в четвертый раз), деятельность Уральского филиала Государственного центра современного искусства и иных культурных институций вносят вклад в то, что горожане и приезжие теперь с *большим* интересом смотрят на город. Последняя часть статьи Ильченко, названная «Незавершенность в логике “утопического” прочтения истории советского градостроительства», показывает, как Соцгород Уралмаша, иные районы комплексной застройки 1920–1930-х гг. и конструктивистские памятники включаются в процесс продвижения Екатеринбурга в стране и в мире, в том числе с помощью художественных институций. Ильченко проницательно пишет о том, что эти объекты стали символом советского времени: «В полуразрушенных кварталах и скупых фасадах обветшалых зданий исследователи, художники, дизайнеры и журналисты стремились уловить очертания ушедшего времени, почувствовать его дух и атмосферу. Пространства социалистических городов превратились в своего рода способ заглянуть в прошлое и поймать ощущение эпохи строительства “нового мира”. Главной особенностью такого подхода, одновременно придававшей ему определенный символический эффект, стала попытка говорить о советском градостроительном наследии как о части огромного нереализованного проекта, т.е., говоря образно – о будущем, которое не наступило» (Ильченко 2017: 70).

Ностальгия по советскому времени активно используются (и эксплуатируется) и российской культурной индустрией и «креативщиками» в других пост-социалистических странах. У популярности этого феномена много причин. Так, за переход от «неполучившегося» социа-

лизма к трудно определяемому современному варианту политического режима и типу общества многие люди заплатили нешуточную цену. Индивидуальные попытки найти новое место в истории для себя, страны и города встречаются со сфабрикованной социалистической ностальгией, представляющей сегодня и надежный способ получить поддержку населения и источник нешуточной прибыли. Дискурсивное и визуальное оформление соцгорода Уралмаша и иных объектов как нереализованной утопии, с одной стороны, может быть понято как попытка отдать дань уважения тем советским людям, кто вопреки всему строили и работали, надеясь на лучшее, заводя друзей и растя детей. С другой стороны, учитывая, какие стороны советского прошлого активно задействованы сегодня в телевизионной пропаганде, акцент на нереализованности социалистического проекта может быть охарактеризован как попытка подняться над несовершенным настоящим, т.е. вместе допустить, что возможно общество лучшее, нежели те, что упорно получают у властей и людей. В то же время экскурсионные разговоры о нереализованной утопии соцгорода с видом на безнадежно распроданный завод Уралмаш, по-моему, несут на себе отпечаток сильной двусмысленности. З. Бауман формулирует два условия, которым должны были отвечать утопические мечты модерности: во-первых, общее чувство, что «мир – не в порядке и что о нем надо позаботиться и перенастроить» и, во-вторых, уверенность в том, что людям эта задача по плечу, что их разум в состоянии определить, что с миром не так, и решить, чем заменить отслужившие части, и что у них хватит сил воплотить свои замыслы в реальность и в итоге привести мир в форму, лучше позволяющую удовлетворять нужды людей (Jacobsen, Tester 2006: 316–317). Бауман дальше резонно говорит о том, что даже если бы мы сегодня знали, как изменить мир и серьезно задались такой задачей, «вопрос о том, у кого есть для этого достаточные ресурсы и сильная воля, был бы поистине головоломным» (317), и соглашается с последним изданием «Тезауруса» Роджета, который предлагает такие синонимы слова «утопический», как «химерический» и «нерациональный». К этим отрезвляющим размышлениям стоит прибавить еще одну мысль. «Возвращение в Европу» или «возвращение к нормальности» – лозунги, под которыми прошел восточно-европейский транзит в последние двадцать лет, также обнаружили свою утопичность. Связь между демократией, капитализмом и рынком оказалась куда сложнее, чем это казалось из-за железного занавеса.

«Продажа» соцгорода и прочего советского наследия в качестве нереализованной утопии справедливо оценивается Михаилом Ильченко в качестве сориентированной на культурный рынок мифологизации советской архитектурной истории. Он прав, завершая статью указанием на то, что в этой истории как раз многое архитекторами воплотилось и реали-

зовалось, а именно изобретательность, работа по принципу «голь на выдумки хитра», нахождение ресурсов и технологических решений там, где их не видели другие. Именно этот многообразный региональный опыт градостроительства рубежа 1920–1930-х гг. опыт должен быть описан и осмыслен, – призывает Ильченко. Я бы еще добавила, что сентиментальные образы нереализованных строительных утопий транслируются энтузиастами во времена, когда связанные с новым строительством интересы городских и региональных властей реализуются за счет агрессивного разрушения и советских и дореволюционных памятников. Возвращаясь к моменту, обозначенному в начале данных заметок, люди должны точнее понимать, что это не безжалостное время, но конкретные городские игроки вносят весомый вклад в то, что плоды хороших социалистических замыслов (те же конструктивистские здания) догнивают, тогда как для увеличения чьего-то символического капитала (и получения осязаемой прибыли) возводятся все новые уродливые здания.

Заключение

Убедена, что нам нужно еще больше дебатов по поводу того, где, в глобальной схеме вещей и иерархии городов, можно поместить такие города, как Нижневартовск и Сургут (о них пишет Стась), Екатеринбург (Ильченко) и Новокузнецк (Духанов). Их существование и в советские, и в последующие времена что-то значило в мире, но их история осмысливается авторами блока (и другими авторами) по преимуществу «изнутри» советской истории. Но то, что это города, у которых нет выраженных границ, нет составленных из небоскребов деловых центров (несколько екатеринбургских небоскребов не в счет), в которых большинство состоит не в формальных, но в неформальных экономических и социальных отношениях, должно быть включено в описание других, «обычных», как их называет Дженни Робинсон, городов. Их жизнь тогда будет лучше понята, когда мы откажемся мыслить их с точки зрения «недоделанности» или несоответствия идеальной западной форме, когда поймем, что удерживало в них людей, нежели будем стремиться описать, в чем именно они отстают и как недотягивают до должного.

Внимание к разным вариантам «незавершенного» и тем, в частности, о которых написали свои тексты авторы данного блока, объясняется, во-первых, популярностью идеологического обрамления советской модернизации (которое базировалось именно на предписании цели социалистического строительства – строительстве коммунизма), а во-вторых, двойственностью в понимании современности, или модерности, состоявшей в том, что это понятие означало, с одной стороны, новый этап истории, а с другой – его критическую рефлексию (Habermas 1987). Целью провозглашалось строительство (или построение) коммунизма, т.е. скорее процесс,

чем очевидный результат, и планировщики, управленцы, городские власти лавировали между нормативными идеями «хорошего города» и нормативами жестких планов. Утопические идеи о хорошем ясностью никогда не отличаются, и, возможно, неудача заложена в любое планирование. Город, свободный от трущоб, маргиналов и проблем, так и останется фантомом, значимым для работы воображения, но невоплотимым.

Несовершенные российские города могут стать хорошим полем для исследования негативных последствий ускоренной индустриализации для уровня жизни людей и функционирования самой городской среды, а также для понимания пределов роста и прогресса. Они состоят, в частности, в том, что десятилетия рабского труда в лагерях и упорного труда работников, проживающих в скромном жилье, не материализовались в удобных для жизни улицах и кварталах, изобильной еде, привычном комфорте. Производительные силы и стратегическое планирование могут стать силами разрушения. Интересы выполнения плана (в СССР) и получения прибыли (в постсоветской России) делают практики управленцев и при старом и новом режиме довольно похожими: когда дело доходит до инфраструктуры – это эксплуатация того, что осталось от прошлого или предложение людям самим с этой проблемой справиться. Фальсификация отчетов, разнообразные игры с системой, производство дряни, которую, ожидается, люди все равно съедят или как-то иначе потребуют, расчет на то, что «никуда они не денутся» – этим установкам в России никак не придет конец, и авторы статей показывают, что нам нужно внимательнее исследовать то, как посреди всего этого безобразия все же пробивается творческая мысль, иногда и воплощаясь в ценном и незабываемом.

Литература

- Forum-garant.* Обсуждение темы «Фенольное жилье» на вебсайте <http://forum.garant.ru> (дата обращения: 30.03.2017).
- Nakanune.* Улицы Нижневартовска освобождают от трущоб // [Nakanune.ru](http://www.nakanune.ru/news/2005/3/16/ulicy_nizhnevartovska_osvobodhdajut). 16 марта 2005. URL: http://www.nakanune.ru/news/2005/3/16/ulicy_nizhnevartovska_osvobodhdajut (дата обращения: 30.03.2017).
- Духанов С.С.* Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930-х гг. // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 2. С. 38–55.
- Ильченко М.С.* Незавершенный проект как форма существования советской архитектуры: градостроительные практики 1930–1950-х гг. // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 2. С. 56–89.
- Кудрявцев А.* Ждать ремонта или переезда? В Сургутском районе решают судьбу ветхих и аварийных домов // [Sitv.ru](http://sitv.ru). 3 мая 2017. URL: <http://sitv.ru/arhiv/news/social/100225> (дата обращения: 30.03.2017).
- Нуриев Р.* Программы переселения в Сургутском районе утвердят до 1 июля. Последнее слово за жителями // *Ugra-news*. 13 апреля 2015. URL: <https://ugra-news.ru/article/11134> (дата обращения: 30.03.2017).
- Переведенцев В., Фролов А.* Диалог социолога и журналиста // *Юность*. 1981. № 6. С. 56–67. URL: <http://gorlanova.livejournal.com/571358.html> (дата обращения: 30.03.2017).
- Стась И.Н.* Урбанизация самостроя: трущобы в нефтедобывающих районах Советской Сибири (1960–1980-е гг.) // *Сибирские исторические исследования*. 2017. № 2. С. 90–99.

- Трубина Е. «Чей это город?» Визуальная риторика демократии в представлениях горожан // P.S. ландшафты: оптики городских исследований / Ред. Н. Милериус, Б. Коуп. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 354–378.
- Beauregard R., Haila A. The unavoidable incompleteness of the city // *American Behavioral Scientist*. 1997. Vol. 41. P. 327–341.
- Bendix R. Tradition and Modernity Reconsidered // *Comparative Studies in Society and History*. 1967. Vol. 9, № 3. P. 292–346.
- Davis M. *Planet of Slums*. London: Verso, 2006.
- Diaz-Rioseco D. Blessing and Curse: Oil and Subnational Politics in the Argentine Provinces. *Comparative Political Studies*. 2016. Vol. 49, № 14. P. 1930–1964.
- Filtzer D. *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Gans H.J. The Human Implications of Current Redevelopment and Relocation Planning // *Journal of the American Institute of Planners*. 1959. Vol. 25, № 1. P. 15–26.
- Haberma, J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1987.
- Jacobsen M., Tester K. Sociology, Nostalgia, Utopia and Mortality: A Conversation with Zygmunt Bauman // *European Journal of Social Theory*. 2007. Vol. 10, № 2. P. 305–325.
- Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History: Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Luong J.P., Weinthal E. *Oil is not a curse: Ownership structure and institutions in Soviet successor states*. New York, NY: Cambridge, 2010.
- Moore W.E. *The Impact of Industry*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965.
- Moore W.E. *Order and Change*. New York: John Wiley and Sons, 1967.
- Moser S. New cities: Old wine in new bottles? // *Dialogues in Human Geography*. 2015. Vol. 5, № 1. P. 31–35.
- Pile S. The Strange Case of Western Cities: Occult Globalisations and the Making of Urban Modernity // *Urban Studies*. 2006. Vol. 43, № 2. P. 305–318.
- Walker R., Schafran A. The strange case of the Bay Area // *Environment and Planning A*. 2015. Vol. 47. P. 10–29.

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2017 г.

Trubina Elena G.

UNCOMPLETED CONSTRUCTION OF THE IMPERFECT

Abstract. The article discusses the three contributions comprising this issue's thematic section on 'unfinished' Soviet cities in the context of existing conceptualizations of modernity, modernization, and planning. The articles by Ilchenko, Stas, and Dukhanov are juxtaposed with the works by Mike Davis, Donald Filtzer, and Zygmunt Bauman in order to see what wide-ranging meanings the Soviet planning failures could have for the world history of modernity and modernization.

Keywords: modernization, industrialization, incompleteness, planning, Siberia, oil, Yekaterinburg

DOI: 10.17223/2312461X/16/3

References

- Forum-garant. Obsuzhdenie temy «Fenol'noe zhil'e» na vebseite [Discussion of topic 'Phenolic housing' on the Forum-garant website] Available at: <http://forum.garant.ru/?read,7,1356566> (Accessed 30 March 2017).
- Kudryavtsev A. Zhdat' remonta ili pereezda? V Surgutskom raione reshauyt syd'bu vethih I avarirnyh domov . [To wait for a repair or a moving out? In Surgut district they decide in

- the fate of the worn-out and hazardous dwellings]. *Sitv.ru*. 3 мая 2017. Available at: <http://sitv.ru/arhiv/news/social/100225/> (Accessed 30 March 2017)
- Nakanune. Ulitsy Nizhnevartovska osvobozhdaiut ot trushchob [Nakanune. Slums are being removed from the streets of Nizhnevartovsk], *Nakanune.ru*. 16 March 2005. Available at: http://www.nakanune.ru/news/2005/3/16/ulicy_nizhnevartovska_osvobozhdajut (Accessed 30 March 2017).
- Nuriev R. Programmy pereseleniia v Surgutskom raione utverdiat do 1 iulia. Poslednee slovo za zhiteliami [The resettlement programmes for the Surgut area are to be adopted by 1 July. Now the residents have the last word], *Ugra-news*. 13 April 2015. Available at: <https://ugra-news.ru/article/11134> (Accessed 30 March 2017)
- Perevedentsev V. and Frolov A. Dialog sotsiologa i zhurnalista [A dialogue between the sociologist and the journalist], *Iunos'*, 1981, no. 6, pp. 56-67. Available at: <http://gorlanova.livejournal.com/571358.html> (Accessed 30 March 2017)
- Trubina E. "Chei eto gorod?" Vizual'naia ritorika demokratii v predstavleniakh gorozhan ['Whose town is this' The visual rhetoric of democracy in the perceptions of city residents], *P.S. landshafty: optiki gorodskikh issledovani* [P.S. landscapes: urban studies perspectives]. Ed. by N. Milerius. B. Koup. Vil'nius, EGU, 2008. pp. 354-378.
- Beauregard R. and Haila A. The unavoidable incompleteness of the city, *American Behavioral Scientist*, 1997, Vol. 41, pp. 327-341.
- Bendix R. Tradition and Modernity Reconsidered, *Comparative Studies in Society and History*, 1967, Vol. 9, no. 3, pp. 292-346.
- Davis M. *Planet of Slums*. London: Verso, 2006.
- Diaz-Rioseco D. Blessing and Curse: Oil and Subnational Politics in the Argentine Provinces. *Comparative Political Studies*, 2016, Vol. 49, no. 14, pp. 1930-1964.
- Dukhanov S.S. Problems of Western Siberia's 'unfinished cities' in the 1930s, *Siberian Historical Research*, 2017, no. 2, pp. 38-55.
- Ilchenko M.S. Unfinished project as a way to conceive Soviet urban planning in the 1920s and the 1930s: the case of socialist cities, *Siberian Historical Research*, 2017, no. 2, pp. 56-79.
- Filtzer D. *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943-1953*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Gans H.J. The Human Implications of Current Redevelopment and Relocation Planning, *Journal of the American Institute of Planners*, 1959, Vol. 25, no. 1, pp. 15-26.
- Habermas J. *The Philosophical Discourse of Modernity: Twelve Lectures*. Cambridge, MA: The MIT Press, 1987.
- Jacobsen M. and Tester K. Sociology, Nostalgia, Utopia and Mortality: A Conversation with Zygmunt Bauman, *European Journal of Social Theory*, 2007, Vol. 10, no. 2, pp. 305-325.
- Koselleck R. *The Practice of Conceptual History. Timing History: Spacing Concepts*. Stanford: Stanford University Press, 2002.
- Luong J.P. and Weinthal E. *Oil is not a curse: Ownership structure and institutions in Soviet successor states*. New York, NY: Cambridge, 2010.
- Moore W.E. *The Impact of Industry*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1965.
- Moore W.E. *Order and Change*. New York: John Wiley and Sons, 1967.
- Moser S. New cities: Old wine in new bottles?, *Dialogues in Human Geography*, 2015, Vol. 5, no. 1, pp. 31-35.
- Pile S. The Strange Case of Western Cities: Occult Globalisations and the Making of Urban Modernity, *Urban Studies*, 2006, Vol. 43, no. 2, pp. 305-318.
- Riosecco D. Blessing and Curse: Oil and Subnational Politics in the Argentine Provinces, *Comparative Political Studies*, 2016, Vol. 49, no. 14, pp. 1930-1964.
- Stas I.N. Urbanization through samostroy: slums in oil-producing regions of Soviet Siberia in the 1960s to the 1980s, *Siberian Historical Research*, 2017, no. 2, pp. 80-99.
- Walker R. and Schafran A. The strange case of the Bay Area, *Environment and Planning A*, 2015, Vol. 47, pp. 10-29.

ПРОБЛЕМЫ «НЕДОСТРОЕННОГО ГОРОДА» В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ 1930-х гг.*

Сергей Сергеевич Духанов

Аннотация. В статье рассматриваются причины кризисных явлений в градостроительстве Западной Сибири 1930-х гг. Основное внимание уделяется анализу экономических проблем развития городов. Выявляются финансовые затраты, которые были необходимы для создания новых поселений, реальные капиталовложения в городское строительство, а также факторы, которые ограничивали рост ассигнований. Делается вывод о том, что вопреки реализовавшейся в период первых пятилеток концепции социалистического расселения стоимость строительства новых городов была выше стоимости их градообразующих предприятий. Это обстоятельство стало одной из основных причин кризисных явлений. Вложения в жилищно-коммунальную сферу были многократно занижены, мощности созданной на местах строительной инфраструктуры на порядок отставали от потребностей гражданского строительства, а размещение новостроек в совершенно неосвоенных местах только усугубило дефицит финансовых средств. Исследование основано на архивных источниках.

Ключевые слова: индустриализация Западной Сибири, социалистический город, «недостроенный город», история советского градостроительства

Введение

В течение XX в. неразвитость городской среды оставалась одной из характерных черт городов Западной Сибири. Тяжелые условия бытования населения влияли на формирование городской культуры западно-сибирских городов и нашли отражение в публицистике, художественной литературе и живописи. Отдельные явления незавершенного городского строительства, такие как нехватка жилья, культурно-бытовых учреждений и отсутствие благоустройства, особенно в новых жилых районах, сохранялись в городах Западной Сибири на протяжении всей второй половины XX в.

Наиболее острые диспропорции в развитии городского хозяйства, несомненно, относятся к периоду 1930-х гг., когда в ходе создания новой угольно-металлургической базы страны в Кузнецком бассейне воз-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства образования и науки России в рамках научно-исследовательского проекта по программе «Формирование государственного задания высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ». Задание № 2014/137.

ник целый ряд новых крупных поселений. Появившийся в это время термин «недостроенный город» как нельзя лучше характеризует зафиксированный в архивных документах облик новых городов Кузбасса: Анжеро-Судженска, Кемерово, Ленинск-Кузнецкого, Киселевска, Прокопьевска и Новокузнецка (с 1932 г. – Сталинск). Острый дефицит жилья, культурно-бытовых учреждений, отсутствие коммунальных предприятий (водопровода, канализации), благоустройства и озеленения – эти характерные черты советских новостроек усугублялись в Западной Сибири суровыми природно-климатическими условиями и географической удаленностью края от европейской части страны. В течение предвоенного десятилетия кризисные явления в застройке новых городов нарастали, а процесс их создания растянулся на многие десятилетия.

Необходимо учитывать и то влияние, которое новостройки оказали на градостроительство края в целом. Н.М. Дмитриенко (2000: 194) и В.Г. Рыженко (2003: 171–172) на примерах Томска и Омска показали, что форсированное строительство в Кузбассе негативным образом сказалось и на развитии исторических городов региона.

Вместе с тем экономические проблемы городского строительства первых пятилеток не только Западной Сибири, но и Союза в целом до сих пор не получили всестороннего освещения.

Исследователи довольно единодушно отмечают фактический «провал программы капитального жилищного строительства в новых промышленных городах» СССР, ответственность за который в 1930-е гг. была возложена на иностранных специалистов и «врагов народа». Декларированные цели не были достигнуты, а подавляющая масса населения новых городов была вынуждена прозябать в землянках и бараках, получая скудный продовольственный паек (Меерович, Конышева, Хмельницкий 2011).

М.Г. Меерович, изучавший концепцию социалистического расселения 1920–1930-х гг., показал, что градостроительный аспект изначально занимал в ней второстепенное, подчиненное положение. Центральные планирующие организации исходили из того, что при советской системе города будут стоить меньше своих градообразующих предприятий. В соответствии с идеей финансовой «вторичности» городов была предложена грандиозная промышленная программа. Она игнорировала зарубежный опыт и предполагала создание десятков новых, так называемых социалистических городов (соцгородов), которые должны были строиться при промышленных предприятиях и равномерно распределяться по территории районов нового освоения (Меерович 2008, 2010, 2012).

Ю.Л. Косенкова обращает внимание на чрезвычайную политизацию советского градостроительства 1920–1930-х гг., когда особую роль в разработке новых градостроительных теорий играли экономисты и ра-

ботники Госпланов СССР и РСФСР. Им «принадлежали самые «смелые» модели будущих соцгородов, они более других были озабочены проблемами формирования нового человека, регламентацией будущей социальной жизни» (Косенкова 2009а: 10–12). При этом в течение 1930-х гг. усиливались тенденции к «волевому», директивному, планированию и отказу от изучения закономерностей экономического развития существующих городов (2009б: 16–17; 2010: 335; 2011: 76).

Сопоставление исходных посылок социалистической концепции расселения 1930-х гг. и результатов ее реализации в Западной Сибири вызывает ряд вопросов. Как на самом деле соотносились стоимости строительства городов и промышленных предприятий? Если города требовали куда меньших затрат, то почему их создание так затянулось? В Западной Сибири к середине 1930-х гг. был накоплен определенный строительный опыт, промышленные гиганты первой пятилетки были введены в строй, а намеченные на вторую – законсервированы. Казалось, теперь ничто не мешало бросить все силы на оказавшиеся в кризисном положении города и достроить их во второй половине 1930-х гг.

Цель статьи – проанализировать роль экономических факторов в градостроительном развитии Западной Сибири 1930-х гг. Задачи: выявление затрат, необходимых для создания новых городов, фактических капиталовложений в городское строительство и анализ факторов, ограничивавших рост ассигнований. Это позволит по-новому рассмотреть масштабы задач, стоявших в ходе индустриализации Западной Сибири, и лучше понять истоки возникших в этот период градостроительных проблем.

Источником исследования послужили документы Западносибирской краевой плановой комиссии (Государственный архив Новосибирской области, Ф. Р-12) и Главного управления коммунального хозяйства РСФСР (Государственный архив Российской Федерации, Ф. А-314), позволяющие рассмотреть экономические проблемы городов Западной Сибири с точки зрения специалистов коммунальных и плановых органов. В работе использован историко-сравнительный метод – сопоставляются свидетельства основных участников градостроительного процесса: местных властей, стройуправлений предприятий и центральных организаций.

Обсуждение

Индустриализация Западной Сибири шла в русле общесоюзных тенденций. В одном из изданий Западносибирского краевого Совета народного хозяйства за 1932 г. писалось: «природа советской экономики» в том, что в ней доминирует «принцип равномерного размещения производительных сил» на территории страны. Это считалось важней-

шим отличием от Западной Европы и США, где стремление экономить на жилищном и культурно-бытовом строительстве заставляло размещать новые промышленные предприятия в существующих городах: там, «где в наличии постоянная безработная резервная армия, являющаяся прекрасным объектом эксплуатации». В СССР же, напротив, главной является «не погоня за дешевой рабочей силой <...> а такое размещение, которое позволяет поднять материально-культурный уровень трудящихся на небывалую высоту» (Трелин 1932: 21).

Однако никаких расчетов, обосновывающих экономические выгоды отказа от преимущественного развития сложившихся поселений и перехода к массовому созданию новых городов, в таких публикациях не приводилось.

Документы, отложившиеся в фонде Краевой плановой комиссии, свидетельствуют, что при размещении новостроек в Западной Сибири, как и в целом по Союзу, промышленные объединения Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) и его преемника, Наркомата тяжелой промышленности (НКТП) СССР, игнорировали вопросы градостроительства. Как правило, они учитывали лишь эксплуатационные затраты будущих предприятий. Для этого при помощи особых расчетов определялись так называемые оптимальные геометрические точки или центральные транспортные моменты: фокусы наименьших перепробегов сырья и готовой продукции (ГАНО 1929б: 11–12 об.; 1930: 5; 1930–1932: 3–3 об., 5–5 об., 27). Считалось, что постройка в этих условных географических пунктах гигантских предприятий даст значительные экономические выгоды с точки зрения транспортных расходов. Соответственно, предприятия размещались вблизи источников сырья – в неосвоенных районах Южного Кузбасса.

О том, насколько при этом игнорировались местная специфика и вопросы городской экономики, свидетельствует ряд фактов, болезненно обнаруживших себя в начале 1930-х гг. Не был учтен потенциал исторических городов, вследствие чего пункты концентрации нового строительства не совпадали с пунктами сосредоточения производства стройматериалов (Омск, Томск и др.) (Бурумов и др. 1932: 15). Когда же обнаружилось, что без этих ресурсов не обойтись, то огромные объемы стройматериалов пришлось перебрасывать на сотни и тысячи километров в Кузбасс и Левобережный Новосибирск. Одних только кирпичей, несмотря на всю нерентабельность таких перевозок, в 1931–1933 гг. было вывезено из исторических городов Западной Сибири для промышленного строительства в районы новостроек 155 млн штук (табл. 1).

Оказался упущен момент продовольственного снабжения новостроек: их разместили в стороне от существовавших автогужевых дорог. До индустриализации те прокладывались «по естественно определенным

ся грузопотокам», но только к 1935 г. руководство предприятий стало, наконец, осознавать, что «эти дороги не отвечают современному расположению промышленных точек в Кузбассе» (ГАНО 1935а: 59). Возникшие из-за этого проблемы снабжения новых городов усугублялись редкостью сельскохозяйственного населения Кузбасса и маломощностью немногочисленных хозяйств (1933–1934: 25–26; 1935а: 59, 60).

Таблица 1

**Перевозки кирпича из исторических городов на новостройки Западной Сибири
(Зельманович 1934: 35)**

Показатель	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Перевезено кирпича, млн шт.	88	43	24
Задолжено вагонов, тыс. шт.	23	11	6
Переплачено за перевозку, млн руб.	7,0	3,0	1,8

Игнорирование градостроительных вопросов при размещении новостроек оправдывалось идеей «дешевого» социалистического города. Насколько она оказалась оправданной?

Согласно обследованию населенных пунктов Кузнецкого бассейна, проведенному в 1928–1929 гг. Сибкрайкомхозом, «в данных районах развития промышленности требуется постройка почти новых городов». Это станет «огромной проблемой», решить которую будет невозможно без крупных финансовых затрат (ГАНО 1928–1929: 10 об.). Выводы работников местных коммунальных органов соответствовали линии Главного управления коммунального хозяйства (ГУКХ) НКВД РСФСР. Специалисты ГУКХ еще в 1920-е гг., не без влияния зарубежного опыта, пришли к выводу, что вложения в городское строительство «составляют в общем и целом ценности более высокие, чем вложения в ж.-д., транспорт и промышленность вместе взятое» (1926: 1).

Свидетельства изученных нами архивных материалов по Западной Сибири 1930-х гг., в которых приводятся сведения о стоимости нового городского строительства, соответствуют подходу органов коммунального хозяйства. Они ставят под сомнение теорию о том, что стоимость строительства городов составляла лишь незначительную часть от стоимости строительства их градообразующих предприятий.

Стоимость строительства Первого Кузнецкого металлургического завода составила около 600 млн руб. Капиталовложения в возникший при нем город Сталинск к 1935 г., в полном соответствии с теорией «вторичности» селитбы, достигли 100 млн руб. Однако, как отмечалось в докладе в СНК РСФСР летом 1935 г., они составили лишь «около 9% от общей окончательной стоимости сооружения города» (ГАНО 1933–1935: 1 об.). Дело в том, что для строительства Сталинска (по проекту 1935 г. – на 225 тыс. чел.) требовалась сумма более 1 млрд руб., причем «1 200 млн руб. [–] это стоимость города на левом берегу Томи [т.е.

только Сталинска], не включая городов, которые могут возникнуть около паровозного и второго металлургического заводов» (ГАНУ 1935а: 38, 43).

Согласно утвержденной в 1935 г. смете Управления по строительству Сталинского паровозовагоноремонтного завода (ПРВЗ) на сумму в 730 млн руб. стоимости строительства завода и его соцгорода распределялись почти поровну: самого ПРВЗ – 380 млн руб. и соцгорода – 350 млн руб. (ГАНУ 1935б: 16, 18). Видимо, стоимость города надо считать преуменьшенной. Стоимость Сталинска, рассчитанного на 225 тыс. жителей, составляла 1,2 млрд руб. Если нормы вложений на 1 жителя в районе строительства были примерно одинаковы (около 5 тыс. руб.), то строительство соцгорода ПРВЗ на 100 тыс. чел. должно было составить не менее 500 млн руб.

Стоимость строительства Кузнецкого транспортно-металлургического комбината (КТМК) составляла около 2 млрд руб. Если принять расходы на 1 жителя равными со Сталинском, то стоимость соцгорода КТМК (на 700 тыс. жителей обеих очередей) должна была составить более 3,5 млрд руб. Кроме того, здесь дополнительными расходами на городское строительство должна была лечь транспортная инфраструктура: строительство коммунальных мостов через Томь, подъездных путей от жилых районов к заводу и т.д. (ГАНУ 1933: 50, 56–57).

В 1933 г. был составлен проект планировки Тыргана – нового города для угольщиков Прокопьевского района. Согласно подсчетам проектировщиков стоимость его строительства составляла от 1 до 1,2 млрд руб. Это требовало не менее 100 млн руб. ежегодных вложений. И это несмотря на то, что благодаря увеличению доли облегченного строительства, отчисления на каждого из 400 тыс. жителей удалось снизить до 2,5–3,0 тыс. руб. Однако и этот минимум оказался неподъемным. Представитель Кузбассугля, присутствовавший на обсуждении проекта, заявил, что «100 миллионов в год на жилстроительство в одном только районе мы не сможем выделить», так как ежегодные ассигнования «всего Кузбасса» в целом (и на промышленное и на жилищное строительство) составляли лишь 150 млн руб. Из них, в полном соответствии с теорией «вторичности» городов, на промышленное строительство отводилось 100 млн руб., а на жилстроительство – только 50 млн (ГАРФ 1933: 81–82, 139, 144).

Таким образом расходы, требовавшиеся на создание одного Тыргана, были сопоставимы с вложениями во всю угольную отрасль Кузнецкого бассейна. А ведь кроме Тыргана, аналогичные города для угольщиков планировалось построить в 1930-е гг. и в других районах Кузбасса: Ленинском и Анжеро-Судженском. Кроме того, имелись угольные поселки с более насущными проблемами, чем у только проектировавшихся поселений.

Таким образом, даже при минимальных отчислениях стоимость строительства нового города была сопоставима со стоимостью строительства градообразующего предприятия.

Аналогичная ситуация с финансированием складывалась и в исторических городах Западной Сибири. В Омске в середине 1930-х гг. ежегодные вложения в промышленное строительство составляли более 80 млн руб., а в жилищно-коммунальное – только 12–14 млн (ГАРФ 1935–1936: 43). В Барнауле среднегодовые капиталовложения в промышленность составляли, в млн руб.: в годы второй пятилетки – 40, в третьей – 60, а в город – соответственно не более 8 и 12. Ничтожность этих средств, составлявших, как правило, лишь 10–15% от промышленного строительства, становилась градостроительным фактором «громادного значения»: она серьезно тормозила процесс реконструкции городов (1937: 72 об.–73).

Однако исторические города выгодно отличались от новостроек тем, что в течение столетий существования они постепенно накопили крупные вложения. К концу 1920-х гг. здесь имелись довольно значительные по сибирским меркам жилищно-коммунальный фонд, благоустройство и озеленение. Так, в Томске к 1929 г., согласно данным горкома, капиталовложения в одни лишь учебные здания (втузы, вузы и политехникумы с лабораториями и общежитиями) составляли свыше 100 млн руб., а такие ценности, как библиотеки и музеи, были и вовсе «неизмеримы в рублях» (ГАНО 1929а: 6–7). Томск имел относительно развитое коммунальное хозяйство: действовали и проектировались теплоэлектроцентраль, водопровод, канализация, общественный автотранспорт, бани, гостиницы и т.д. (17).

Напротив, в новых и сильно реконструируемых городах все средства предстояло вложить в короткий срок. Для этого были нужны сильные стройорганизации гражданского профиля. Между тем финансирование строительной инфраструктуры новостроек строилось из принципа «вторичности» города.

Практически это выразилось в отсутствии или чрезвычайной слабости городских строительных организаций, проблема которых на государственном уровне осталась нерешенной. Об этом говорилось на совещании по строительству Южного Кузбасса в июле 1935 г.: «...при строительстве завода мы в большинстве случаев имеем только одно строящее ведомство, которое ведет работу по строительству завода, в строительстве же города как такового, участвуют почти все наркоматы, все ведомства». Однако ассигнуемые ими средства не могут быть освоены из-за фактического отсутствия городских строительных организаций (ГАНО 1935а: 34).

Например, Анжеро-Судженский горстройтрест в 1936 г. имел гужевой транспорт из 30 лошадей «не способных к перевозке грузов по сво-

ей старости», тогда как требовалось иметь 630 лошадей и 10 автомашин, поскольку при строительстве городов Кузбасса были характерны перевозки на большие расстояния: в Анжеро-Судженске камень и песок доставлялись гужом за 39 км. Ежедневно на строительстве горстройтресту требовалось 800 чел., но к концу 1936 г. было только 378, жилой фонд состоял лишь из двух ветхих стандартных домов (ГАНО 1936б: 195–194 об.).

Слабость городских строительных организаций прямо вытекала из финансового положения горсоветов новых промышленных городов. Так, в Сталинске в 1933 г. проживали свыше 200 тыс. чел., а материальная база горсовета соответствовала лишь поселку на 3–4 тыс. чел. К концу 1930-х гг. горсовету принадлежал лишь 1% жилой площади в городе (ГАНО 1933–1934: 40, 139).

Организованный горсоветом Сталинска горстройтрест в середине 1930-х гг. не имел механизмов, документы сообщают о падежах лошадей треста от бескормицы и невыходах на работы по причине «изношенности сбруи», жилфонд составляли несколько землянок, годовая текучесть рабочих достигала 200% и т.д. (ГАНО 1937: 73–76).

Из-за отсутствия жилого фонда городские стройорганизации испытывали серьезные трудности с рабочей силой. Поэтому, например, «горсоветы в Прокопьевске и Сталинске пытаются большинство своих работ вести через аппарат промышленности» (ГАНО 1935а: 48). К чему это вело, свидетельствует пример Анжеро-Судженского горстройтреста, который «пользовался главным образом рабочей силой Рудуправления». Последнее «в нужное ему время снимало рабочих и перебрасывало их на свои объекты строительства и на шахты» (1936б: 195–194 об.).

Неудивительно, что представитель Кузнецкстроя на совещании по строительству Южного Кузбасса в 1935 г. отмечал относительно Сталинска: «...строительная контора при горсовете настолько маломощна, что она, по существу, ничего не дает» и поэтому «до сих пор весь город строился комбинатом» (ГАНО 1935а: 42).

Фактически строительные организации промпредприятий оказались единственными крупными застройщиками в районах новостроек. Однако их возможности по участию в гражданском строительстве были ограничены.

В том же Сталинске в течение пятилетия «Наркомтяжпром должен был вложить в строительство города лишь 35%, или порядка 400 млн руб., Наркомхоз – 13%, Наркомпищепром [–] 3,5%, Наркомлегпром – 3,5%, НКПС – 8,5% и т.д.» (ГАНО 1935а: 41). То есть Наркомтяжпром должен был освоить лишь около трети всего городского строительства, «остальное падает на долю других ведомств». Однако «до сих пор строительство шло почти исключительно по линии Наркомтяжпрома, остальные наркоматы почти совершенно не участвовали в строитель-

стве». В результате возникший к тому моменту при заводе город Сталинск на 95% был построен «за счет средств, материалов, рабочей силы комбината и средствами нашего управления строительства» (ГАНО 1935а: 41).

Годовой темп строительства Сталинска Кузнецкстроем в первой половине 1930-х гг. составлял около 20 млн руб. Строительное управление Кузнецкого паровозовагоноремонтного завода планировало во второй половине 1930-х гг. ежегодно вкладывать в свой соцгород также около 20 млн. Эта сумма определилась в 1935 г., когда стройуправление произвело тщательный расчет имевшихся в его распоряжении ресурсов. При таких темпах создание соцгорода ПРВЗ должно было растянуться почти на два десятка лет (ГАНО 1935б: 28).

Кроме того, средства, выделявшиеся на гражданское строительство по линии промышленных наркоматов, охватывали лишь часть будущего города. В этой ситуации с каждым годом накапливалась так называемая задолженность жилого фонда, а новые города десятилетиями оставались без культурно-бытовых учреждений, коммунальных сооружений (водопровода, канализации, теплофикации и т.д.) и благоустройства.

Вследствие недостатка сил и средств в 1930-е гг. так и не были проведены работы по мелиорации, а оставшиеся от строительства промышленных предприятий дамбы, отвалы, ямы, свалки стройматериалов и мусора, при отсутствии ливневой канализации, только способствовали дальнейшему заболачиванию городских территорий (ГАНО 1933–1934: 126; 1936а: 191).

Из-за отсутствия водопровода и канализации, а также слабости ассенизационных обзоров промышленных предприятий и горсоветов территории городов были «чрезвычайно сильно загрязнены» массой выгребных ям (ГАНО 1932: 7; 1933–1934: 9, 38, 139; 1934: 87, 81–82, 134 об.; 1935г: 19–21; 1936–1937: 88).

Сброс неочищенных промышленных и городских стоков превратил ряд речек и логов, разрезавших городские районы, в канализационные коллекторы (ГАНО 1933–1934: 141; 1934: 88; 1936–1937: 97 об., 99 об.).

Новостройки косвенно влияли и на состояние коммунального хозяйства исторических городов. Так, в Томске к 1936 г. все элементы городского благоустройства находились в состоянии «чрезвычайного упадка и износа», поскольку «вследствие недостатка кредитов, не было возможности производить текущих ремонтов» (ГАНО 1935в: 1 об., 2 об.–3).

В течение 1930-х гг. антисанитарные условия новостроек способствовали неоднократным вспышкам эпидемических заболеваний, борьбу с которыми крайне затруднял дефицит жилищно-коммунального фонда (ГАНО 1933–1934: 9; 1936а: 219; 1936–1937: 88).

В докладе Сталинского горсовета в СНК РСФСР в июле 1933 г. отмечалось, что «постоянный жилфонд составляет меньшую часть и в основном может быть сведен к величине жилфонда, построенного ком-

бинатом». Жилой фонд комбината составлял (на 1 июля 1933 г.), в квадратных метрах: постоянный – 88,96 тыс.; барачный – 104,35 тыс.; общий жилой фонд города – 320 тыс. О степени охвата этим фондом населения Сталинска свидетельствует средняя жилплощадь на 1 жителя – 1,48 кв м – вместо нормы в 8 (ГАНО 1933–1934: 5).

Неполноту ведомственного финансирования жилищного строительства для рабочих подтверждает материал исторических городов Западной Сибири. Так, в Барнауле крупнейшим застройщиком был Барнаулский меланжевый комбинат. В 1935 г. на его долю приходилось 65% всего нового строительства в городе – 16,55 тыс. кв м из 25,35 тыс. (ГАНО 1934: 100). Однако Горкомхоз связывал углубление жилищного кризиса в городе именно с ним: «Особенно резкий скачок в понижении жилищной нормы на одного жителя наблюдается начиная <...> с момента строительства Меланжевого комбината», поскольку «приток рабочего населения в город в связи со строительством Меланжевого комбината чрезвычайно в малой степени удовлетворяется жилфондом строящегося социалистического городка Меланжевого Комбината». Резкое понижение жилищной нормы было вызвано тем, что «потребность в жилплощади основной массы рабочих Меланжевого комбината удовлетворяется за счет жилищного фонда города, являющегося и без того чрезвычайно уплотненным и не получающего пополнения» (97–98) (табл. 2).

Таблица 2

Обеспеченность населения Барнаула жилплощадью (ГАНО 1934: 97)

Год	Количество населения на конец года, тыс. чел.	Жилплощадь на конец года, тыс. кв. м	Жилплощадь на одного жителя, кв. м
1929	74,0	383,4	5,2
1930	84,0	388,6	4,6
1931	85,0	391,1	4,6
1932	103,0	393,6	3,8
1933	120,0	408,6	3,4

Казалось бы, в такой ситуации стройуправления промышленных предприятий должны были встретить увеличение ежегодных вложений в поселения для своих рабочих с энтузиазмом. Однако документы свидетельствуют о прямо противоположном явлении.

Это показывает пример Сталинска, который в середине 1930-х гг. был включен в пятерку наиболее значимых новых соцгородов СССР и получил административную и финансовую поддержку союзного значения. К 1935 г. Сталинск был одним из немногих городов РСФСР и единственным в Западной Сибири, у которого был проект планировки, утвержденный высшими инстанциями СССР (ГАНО 1935а: 35).

За счет общесоюзной поддержки планировалось увеличить вложения в городское строительство Сталинска: в 1936 г. – до 80 млн руб., а начиная с 1937 г. ежегодно вкладывать по 100 млн руб. Из вложений 1936 г. по линии Наркомтяжпрома выделялось 50 млн руб., еще 30 млн были средствами других наркоматов. В последующие годы доля вложений промышленности в Сталинск сокращалась и в целом, как уже отмечалось выше, должна была составить около трети (ГАНО 1935а: 37–38).

В июле 1935 г. краевые власти предложили в первые годы все вложения проводить через наиболее мощную строительную организацию в городе – Кузнецкстрой. Однако представитель последнего называл вложения даже 1936 г. «суммой колоссальной» и сомневался, что Кузнецкстрой сумеет их освоить. Он считал, что ежегодное вложение в город 80 млн руб. означает «гигантские темпы строительства», поскольку «равносильно вложению 200 млн в строительство завода» (ГАНО 1935а: 38).

Кузнецкстрой соглашался вести работы только «на средства, которые выделены Наркомтяжпромом», а рост своей программы по городу с 20 до 50 млн руб. считал предельным. Все прочее городское строительство (30 млн 1936 г. и в перспективе 65% вложений) он предлагал передать Сталинскому горстройтресту, с тем, чтобы «все строительство по линии ведомственных наркоматов велось конторой Горсовета», поскольку «было бы неплохо, если бы город строился двумя организациями» (ГАНО 1935а: 42).

Однако против роста строительной программы горстройтреста до 30 млн руб. категорически возражал Крайисполком. Его представители указывали на крайне бедственное положение горстройтреста, на то, что годовая план 1934 г. по жилстроительству, «тот маленький план, который имел Горсовет, выполнен всего на 5%». Поэтому без сильной стройорганизации и крепкого аппарата в области коммунального хозяйства Сталинский горсовет «не в состоянии справиться с такими крупными работами», а значит, «нельзя делать такого прыжка, чтобы увеличивать программу сразу в 10 раз» (ГАНО 1935а: 48, 51).

Представители Крайисполкома считали: «Пусть главным образом строит промышленность, и она же несет и ответственность». Напротив, горсоветам надо сосредоточиться на эксплуатации построенных промышленностью городских коммунальных сооружений и организации общественного контроля за качеством строительства (ГАНО 1935а: 48–51).

Чем было вызвано нежелание промышленных стройуправлений и краевых организаций увеличивать объемы своих строительных программ? Обозначившийся в годы первой пятилетки резкий отрыв потребностей городского строительства от возможностей городской строительной базы в 1930-е гг. так и не был ликвидирован. В этих условиях механическое увеличение вложений оказалось неэффективным.

К началу индустриализации в Западной Сибири была слабо развита местная промышленность стройматериалов: производство арматуры, метиза, скобья, красок, стекла и т.п. (ГАНО 1935а: 41–42).

Подсобные цеха промышленных предприятий не предназначались для обеспечения полноценного гражданского строительства, имевшего свою специфику. Они не производили большую часть строительных материалов, конструкций и инженерно-технического оборудования, необходимых для жилых и культурно-бытовых зданий. При утверждении строительных смет предприятий подсобные производства к тому же служили резервом для уменьшения затрат и сокращались (ГАНО 1935а: 41–42).

Кроме того, у комбинатов-гигантов первой пятилетки, как правило, была очень узкая специализация общесоюзного масштаба, что крайне ограничивало их помощь местным новостройкам.

В абсурдной ситуации оказался гигант первой пятилетки – Кузнецкий металлургический комбинат: крупнейшее промышленное предприятие «несмотря на то, что оно находится в лесу, не имеет леса», а производя металл, «не имеет металла на строительство» (ГАНО 1935а: 42). Завод не мог эффективно помочь плану электрификации железных дорог Кузбасса, в котором был сам заинтересован. Железнодорожники планировали отказаться от установки неэкономичных деревянных мачт для контактной сети и перейти на металлические. Однако, как сообщил главный инженер комбината И.П. Бардин, тот выпускал только промышленные рельсы, хотя было очевидно, что при использовании металлического профиля «и металла меньше уйдет и будет более красивая мачта» (73–74).

Строительные суррогаты, те же рельсы, широко применялись и в гражданском строительстве. В отчетах по обследованию Сталинска в 1937 г. отмечалось, что «без доказательств экономичности на всех постройках деревянные балки перекрытий заменены железными, железокирпичные перемычки заменены рельсами и балками» (ГАНО 1937: 76). В то время эти факты рассматривались как очевидное вредительство.

Низкие темпы освоения капиталовложений в 1930-е гг. были связаны также с отсутствием механизации на строительстве новых городов. Из-за этого «само строительство велось такими методами, которыми большой город построить невозможно» (ГАНО 1935а: 47).

Несмотря на намечавшийся во второй половине 1930-х гг. рост капиталовложений в городское строительство, центральные планирующие организации не смогли выделить крупные ассигнования на соответствующее расширение городской строительной базы. Это обнаружилось на совещании по строительству Южного Кузбасса в 1935 г. В угольных районах механизация планировалась только в области угледобычи и капитального промышленного строительства. Новые под-

собные предприятия для обеспечения городскихстроек даже не проектировались (ГАНО 1935б: 11, 13–14). Только ставился вопрос о строительстве первого (!) стекольного завода для Кузбасса и т.д. (32).

Без соответствующей строительной базы годовые планы по жилищно-коммунальному и культурно-бытовому строительству регулярно не выполнялись. Средний процент выполнения таких планов, например, в Сталинске, составлял в середине 1930-х гг. только 42,6%, а это был наиболее благополучный город Кузбасса. В качестве причин срыва программ жилищного строительства назывались отсутствие рабочей силы, гужевого транспорта и подъездных путей к строящимся зданиям, а также недостаточное снабжение строительными материалами и изделиями: стеклом, гвоздями, санитарно-техническим оборудованием, лесом, известью, цементом и т.д. (ГАНО 1933–1934: 47, 48, 73).

В отчетах местных властей 1930-х гг. постоянно говорилось о незавершенности возведенного жилья: «...не доведении строительства зданий и сооружений до полной их технической и эксплуатационной готовности». В заселяемых домах отсутствовали санитарно-техническое и инженерное оборудование, отделка и т.п. (ГАНО 1933–1934: 5, 6, 37, 71).

Ситуация первой половины 1930-х гг., когда было «очень много переходящего строительства, которое тянется не два, а три и больше лет», сохранялась и во второй половине десятилетия. Это становилось единственным способом «выполнения» программ гражданского строительства. Например, в Сталинске на 1937 г. планировалось ввести в эксплуатацию только 30 тыс. квадратных метров жилья, а 55 тыс. оставить в качестве так называемого переходящего, т.е. неоконченного, строительства (ГАНО 1935а: 54).

Отставание гражданского строительства ударило по развитию городов и с другой стороны. Резко обострилась проблема рабочей силы. Спецификой Западной Сибири были общая малочисленность населения и крайне редкая сеть сельскохозяйственных поселений, которые почти отсутствовали в Кузбассе. Соответственно, значительный контингент рабочей силы на промышленные новостройки привлекался в Западную Сибирь из европейской части страны. Эти люди не имели бытовых навыков выживания в суровых сибирских условиях и вследствие крайне короткого здесь строительного сезона (около трех месяцев) нуждались в немедленном обеспечении жильем.

Между тем города в годы первой пятилетки так и не были построенны, а без жилого и культурно-бытового фонда промышленные стройуправления и горсоветы не могли закрепить для строительства тех же городов необходимое число строительных рабочих. Так, представитель Кузнецкстроя докладывал в июле 1935 г., что «в части рабочей силы только по линии комбината требуется 9 500 чел. при наличии сейчас около 3 тыс. чел., то есть нам придется эту рабочую силу где-то

изыскивать, так как мы сейчас имеем меньше, чем требуется по плану этого года» (ГАНО 1935а: 40).

Высокая текучесть рабочей силы не позволяла планомерно повышать ее квалификацию. В отчетах горсоветов Западной Сибири 1930-х гг. регулярно отмечалось, что «частным явлением» на стройках было крайне низкое качество работ: «...сырое и рассыхающееся дерево в переплетах, дверях и полах; протекающие кровли, неровная штукатурка и грубая затирка, потеки на стенах» (ГАНО 1937: 76).

Выводы

Подводя итог, можно говорить о том, что существование в Западной Сибири 1930-х гг. так называемых недостроенных городов было закономерным явлением. Незавершенное строительство прямо вытекало из неподъемного объема задач, фактически выпавшего исполнителям планов индустриализации в Западной Сибири. Лишь за счет предельного напряжения всех сил и средств удалось построить промышленные предприятия первой пятилетки. Но чтобы создать при них полноценные социалистические города, требовались, как становится теперь очевидным, новые, почти вдвое большие затраты и усилия. При этом концепция расселения 1930-х гг., направленная на разрыв исторической преемственности, только заострила целый ряд неблагоприятных факторов.

Западносибирские условия первых пятилеток сами по себе создавали большие трудности для крупного строительства (суровый климат с коротким строительным сезоном, слабая заселенность, редкая сеть путей сообщения, удаленность от европейской части страны и т.д.). Однако адаптационные мероприятия не были проработаны. В пределах края не только добывающие, но и крупнейшие металлургические и машиностроительные предприятия были размещены вблизи месторождений. Это были самые неосвоенные места, где предстояло с нуля создавать не только комбинаты-гиганты, но и всю среду жизнедеятельности человека: сеть сельскохозяйственных поселений для снабжения, транспортную и строительную инфраструктуру и главное – города.

Стоимость строительства последних, как правило, превышала стоимость строительства градообразующих предприятий. Между тем вложения в жилищно-коммунальную сферу новостроек были многократно преуменьшены. Каждый город требовал миллиардных затрат, однако на гражданское строительство в предвоенное десятилетие ежегодно выделялись суммы лишь в 10–20 млн руб. Оказавшиеся в новых районах единственными крупными застройщиками строительные управления промышленных предприятий физически, вследствие своих мощностей и специфики, не могли быстро освоить необходимые вложения. Новые города остались недостроенными, а развитие исторических за-

медлилось. Красивые идеи «совершенно новых» поселений на практике обернулись «распылением» средств.

Литература

- Бурумов А., Харит Я., Лебединский Д., Семейкин В. и др. Западная Сибирь за пятнадцать лет существования советской власти // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 9. С. 3–31.
- Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 1866. Постановления СНК РСФСР, Наркомата комхоза РСФСР и переписка с крайисполкомом о пересмотре генерального проекта планирования г. Сталинска. 1933–1935. 50 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1517. Докладная записка о перспективах расширения г. Томска (1929–1930 г.). 1929а. 17 л. а.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1528. Заключение комиссии по выявлению подходящего места для постройки Вагоностроительного завода. 1929б. 13 л. б.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 2059. Протокол совещания при ЗСКСНХ комиссии по определению места для стройки завода горного оборудования, постановления промсекции и Президиума Запсибкрайисполкома о строительстве завода горного оборудования в г. Новосибирске. 1930. 36 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 86. Проект строительства Второго кузнечного металлургического завода. 1933. 320 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 267. Постановления, планы, отчеты, доклады, докладные записки по жилищно-культурному и социально-бытовому строительству г. Сталинска. 1933–1934. 209 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 269. Постановление президиума Запсибкрайисполкома о социально-культурном обслуживании населения г. Прокопьевска; доклад о развитии народного хозяйства в Прокопьевском районе; выписка из отчета о работе Прокопьевской гидрологической партии на площадке «Углеград». 1932. 62 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 719. Основные показатели жилищного, коммунального хозяйства, здравоохранения и просвещения по Зырянскому, Анжеро-Судженскому районам, городам: Кемерово, Новосибирску, Омску, Томску, Таре и Ойротской автономной области на 1935 год. 1934. 139 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1011. Стенограмма совещания о строительстве Южного Кузбасса. 1935а. 97 л. а.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1012. Стенограмма о развитии Южных районов Кузбасса. 1935б. 47 л. б.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1153. Контрольные цифры развития промышленности города Томска, его благоустройства, жилищного хозяйства, народного образования и здравоохранения. 1935в. 103 л. в.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1154. Контрольные цифры развития коммунального хозяйства, транспорта и сельского хозяйства Томского района и заводов г. Томска. 1935г. 186 л. г.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1173. Материалы по борьбе с малярией (планы работ на 1936 г., докладные записки, постановления). 1936а. 263 л. а.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1191. Конъюнктурные обзоры по коммунальному хозяйству и жилищному строительству. 1936б. 214 л. б.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1431. Постановления, протоколы совещаний, докладные записки, предварительные проекты планировки городов Запсибкрая. 1936–1937. 121 л.
- ГАО. Ф. Р-12. Оп. 3. Д. 1491. Справки, ведомости, доклады о строительстве в гор. Сталинске. 1937. 119 л.
- ГАО. Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 27. Доклад профессора Б.А. Коршунова о росте и планировке г. Новосибирска на общегородском собрании инженеров и техников. 1926. 56 л.

- ГАНО. Ф. Р-917. Оп. 1. Д. 50. Перспективный план развития коммунального хозяйства и жилищного строительства городов и рабочих поселков Кузнецкого округа на 1928–1932 гг. 1928–1929. 89 л.
- ГАНО. Ф. Р-1980. Оп. 1. Д. 334. Материалы о строительстве завода горного оборудования в г. Новосибирске (экономическое обоснование, чертежи, смета, переписка). 1930–1932. 35 л.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7451. Дело о планировке г. Барнаула. Том III. 1937. 109 л.
- ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7757. Дело о планировке г. Омска. Том III. 1935–1936. 114 л.
- ГАРФ. Ф. А-314. Оп. 1. Д. 7796. Дело о планировке г. Прокопьевска. Том III. 1933. 229 л.
- Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 283 с.
- Зельманович И. Стройматериалы Большому Кузбассу // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1934. № 4-5. С. 35–44.
- Косенкова Ю.Л. Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов. От творческих поисков к практике строительства. 2-е изд., доп. М.: ЛИБРОКОМ, 2009а. 440 с.
- Косенкова Ю.Л. Советская архитектура в поисках средств создания благоприятной среды // Academia. Архитектура и строительство. 2009б. № 5. С. 15–19.
- Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: Сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. М.: УРСС, 2010. С. 335–351.
- Косенкова Ю.Л. Проблемы становления районной планировки в СССР. 1920–1930-е годы // Academia. Архитектура и строительство. 2011. № 2. С. 68–77.
- Меерович М.Г. Концепция социалистического расселения [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2008. № 3 (23). URL: http://archvuz.ru/2008_3/7 (дата обращения: 08.09.2014).
- Меерович М.Г. Административно-хозяйственное районирование страны в 1920–1930-х годах – основа градостроительной политики советского государства // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: Новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: УРСС, 2010. С. 8–28.
- Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С. Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР, 1928–1932 гг. М.а: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 268 с.
- Меерович М.Г. «Генетики» и «телеологи» – дискуссия о районировании СССР [Электронный ресурс] // Архитектон: известия вузов. 2012. № 4 (40). URL: http://archvuz.ru/2012_4/8 (дата обращения: 08.09.2014).
- Рыженко В.Г. Интеллигенция в культуре крупного сибирского города в 1920-е годы: вопросы теории, истории, историографии, методов исследования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Омск: Омск. гос. ун-т, 2003. 370 с.
- Трелин И. Размещение промышленности края во втором пятилетии // Социалистическое хозяйство Западной Сибири. 1932. № 5. С. 12–22.

Статья поступила в редакцию 25 января 2017 г.

Dukhanov Sergey S.

PROBLEMS OF WESTERN SIBERIA'S "UNFINISHED CITIES" IN THE 1930S*

Abstract. This article discusses the causes of the crisis in urban planning in Western Siberia in the 1930s. The author analyzes economic problems of urban development and identifies financial expenses needed to establish new settlements, actual investments made in urban construction, as well as factors that limited the allocation of funds. The conclusion drawn is that, contrary to the concept of socialist resettlement implemented under the first five-year plans (pyatiletki), the actual cost of building new cities was higher than that of city-forming

enterprises, and this was one of the main causes of the crisis. Investments in housing and communal services were insufficient for the building of full-fledged cities. The capacity of building infrastructures put in place lagged well behind the actual needs of civil engineering, and the erection of new buildings in completely undeveloped areas only exacerbated the shortage of funds. The study is based on archival sources.

Keywords: industrialization of Western Siberia, socialist city, “unfinished city”, history of Soviet urban planning

* The research is done with financial support from the Russian Ministry of Education and Science as part of a research project under the programme, titled ‘The statement of state tasks for higher education institutions to conduct research’. State Task № 2014/137.

References

- Burumov A., Kharit Ia., Lebedinskii D., Semeikin V. et al. Zapadnaia Sibir' za piatnadsat' let sushchestvovaniia Sovetskoi vlasti [Western Siberia in the fifteen-year period of Soviet power], *Sotsialisticheskoe khoziaistvo Zapadnoi Sibiri*, 1932, no. 9, pp. 3-31.
- Gosudarstvennyi arkhiv Novosibirskoi oblasti (GANO)* [The State Archives of Novosibirsk Region (SANR)], F. R-47, in. 1, c. 1866.
- GANO*, F. R-12, in. 1, c. 1517.
- GANO*, F. R-12, in. 1, c. 1528.
- GANO*, F. R-12, in. 1, c. 2059.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 86.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 267.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 269.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 719.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1011.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1012.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1153.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1154.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1173.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1191.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1431.
- GANO*, F. R-12, in. 3, c. 1491.
- GANO*, F. R-531, in. 1, c. 27.
- GANO*, F. R-917, in. 1, c. 50.
- GANO*, F. R-1980, in. 1, c. 334.
- Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GARF)* [The State Archives of the Russian Federation (SARF)], F. A-314, in. 1, c. 7451.
- GARF*, F. A-314, in. 1, c. 7757.
- GARF*, F. A-314, in. 1, c. 7796.
- Dmitrienko N.M. *Sibirskii gorod Tomsk v XIX – pervoi treti XX veka: upravlenie, ekonomika, naselenie* [The Siberian city of Tomsk in the XIX to the early XX century: management, economy, population]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000. 283 p.
- Zel'manovich I. Stroimaterialy Bol'shomu Kuzbassu [Construction materials for Greater Kuzbass], *Sotsialisticheskoe khoziaistvo Zapadnoi Sibiri*, 1934, no. 4-5, pp. 35-44.
- Kosenkova Yu.L. *Sovetskii gorod 1940-kh – pervoi poloviny 1950-kh godov. Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva* [The Soviet city in the 1940s to the first half of the 1950s. From creative search to the practice of building]. Moscow: «LIBROKOM», 2009. 440 p.
- Kosenkova Yu.L. Sovetskaya arkhitektura v poiskakh sredstv sozdaniya blagopriyatnoi sredy [Soviet architecture in search of means of creating enabling environment], *Academia. Architecture and Construction*, 2009, no. 5, pp. 15-19.

- Kosenkova Yu.L. Opyt formirovaniya pravovoi osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920–1930-e gg. [The formation of the legal basis of Soviet city-planning. 1920–1930-s], *Gradostroitel'noe iskusstvo. Nove materialy i issledovaniia. Sb. nauch. trudov NIITIAG RAASN* [The art of urban planning. New materials and research. A collection of research writings. Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, Russian Academy of Architecture and Construction Sciences (NIITIAG RAASN)], Moscow: URSS, 2010, pp. 335–351.
- Kosenkova Yu.L. Problemy stanovleniya raionnoi planirovki v SSSR. 1920–1930-e gody [Problems of regional planning in the USSR. 1920–1930-s], *Academia. Architecture and Construction*, 2011, no. 2, pp. 68–77.
- Meerovich M.G. Kontsepsiya sotsialisticheskogo rasseleniya [The concept of socialist resettlement], *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2008, no. 3 (23). Available at: http://archvuz.ru/2008_3/7 (Accesses 8 September 2014).
- Meerovich M.G. Administrativno-khozyaistvennoe raionirovanie strany v 1920–1930-kh godakh – osnova gradostroitel'noi politiki sovetskogo gosudarstva [The country's administrative-and-economic zoning in the 1920s and the 1930s as a basis of Soviet urban planning policy], *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920–1930-kh godov: Nove issledovaniia i materialy* [Soviet urban planning in the 1920s and 1930s: New research and materials]. Ed. by Yu.L. Kosenkova. Moscow: URSS, 2010, pp. 8–28.
- Meerovich M.G., Konysheva E.V., Khmel'nitskii D.S. *Kladbishche sotsgorodov: gradostroitel'naya politika v SSSR, 1928–1932 gg.* [A cemetery of socialist cities: urban planning policies in the USSR, 1928–1932]. Moscow: ROSSPEN; Fund «Presidential Center B.N. Yeltsin», 2011. 268 p.
- Meerovich M.G. «Genetiki» i «teleologi» – diskussiia o raionirovanii SSSR [“Geneticists” and “teleologists”: a discussion about the zoning of the USSR], *Architecton: Proceedings of Higher Education*, 2012, no. 4 (40). Available at: http://archvuz.ru/2012_4/8 (Accessed 8 September 2014).
- Ryzenko V.G. *Intelligentsiya v kul'ture krupnogo sibirskogo goroda v 1920-e gody: voprosy teorii, istorii, istoriografii, metodov issledovaniya: monografiya* [Intellectuals in the culture of a big Siberian city in the 1920s: theory, history, historiography, and research methods: a monograph]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta; Omsk: Omsky gos. un-t, 2003. 370 p.
- Trelin I. Razmeshchenie promyshlennosti kraia vo vtorom pyatiletii [Industry of the region in the second five-year plan], *Sotsialisticheskoe khozyaistvo Zapadnoi Sibiri*, 1932, no. 5, pp. 12–22.

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ПРОЕКТ КАК ФОРМА ВОСПРИЯТИЯ СОВЕТСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА 1920–1930-х гг.: ОПЫТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ГОРОДОВ*

Михаил Сергеевич Ильченко

Аннотация. Анализируется оправданность использования понятия «незавершенный проект» в применении к советской градостроительной практике 1920–1930-х гг. Обращаясь к опыту социалистических городов, автор показывает, что сама попытка оценки процесса их строительства в жесткой нормативной логике «соответствия плану» оказывается малопродуктивной. Это объясняется тем, что проектирование большинства новых поселений в Советском Союзе на рубеже 1920–1930-х гг. осуществлялось при постоянной смене установок и корректировке градостроительных стандартов, что приводило к появлению многочисленных промежуточных «планов» и «проектов», определявшихся ситуативными факторами строительного процесса – имеющейся ресурсной базой, организационными условиями и пр. В таком контексте понятие незавершенности оказывается формальной характеристикой строительного процесса, пытающейся зафиксировать степень реализации градостроительного проекта в отсутствие четких критериев его оценки. Более того, использование понятия незавершенности в нормативном ключе мешает разглядеть уникальность и своеобразие регионального опыта советского градостроительства, дающего многочисленные примеры появления оригинальных градостроительных решений в результате работы архитекторов в экстремальных условиях и вынужденного использования нестандартных приемов и технологий. Автор полагает, что такая ситуация является следствием утверждения в публичном дискурсе нарратива «нереализованной утопии», рассматривающего советскую архитектурную традицию в символических категориях «неовплощенного проекта» и «несостоявшегося будущего». В его рамках незавершенность оказывается не столько аналитической характеристикой и четким критерием оценки, сколько метафорой и фигурой речи, которая формирует особый ракурс восприятия советского архитектурного опыта и влияет на характер и направленность его анализа.

Ключевые слова: советское градостроительство, советский город, социалистический город, незавершенный проект, утопия, нарратив, история советской архитектуры

Незавершенность можно по праву считать одним из ключевых понятий, через которые сегодня мыслится советское градостроительство 1920–1930-х гг. Нереализованные и незавершенные проекты советских

* Материал подготовлен при финансовой поддержке гранта Президента РФ (МК-8766.2016.6).

архитекторов традиционно являются предметом пристального разбора и анализа (Обермаир, Шапиро-Обермаир 2008; Чепкунова 2014), развитие многих городов советского периода нередко рассматривается через призму неосуществленных замыслов их реконструкции (Яковлева 2015; Косенкова 2010), «незавершенным» признается «авангардный» проект советской архитектуры (Паперный 2011), а в некоторой степени – и весь советский архитектурный проект в целом (Paper Architecture 1990: 7–9). Одним словом, незавершенность признается если не сущностной чертой советского градостроительства, то его отличительной особенностью и неотъемлемым символическим атрибутом.

Значимость фактора незавершенности всегда определяется масштабом нереализованного проекта. Чем претенциознее замысел, тем ощутимее символический эффект от того, что он не был воплощен. Советская архитектура в этом смысле полностью соответствует такой логике. Само ее существование в 1920–1930-е гг. во многом определялось утверждением бесконечных планов и постановкой всевозможных целей разного уровня и масштаба – инфраструктурных, социальных, идеологических.

Между тем, исследования советских градостроительных реалий, проводимые в последнее время, все чаще указывают на то, что «плановое» начало далеко не всегда в состоянии объяснить логику возведения как отдельных архитектурных объектов, так и крупных городских поселений советского периода (см. напр.: Косенкова 2009; Советское градостроительство 2010; Конышева, Меерович 2012; Постфордизм 2015: 202–222). Более того, само использование понятия «план» в приложении к архитектурной ситуации 1920–1930-х гг. во многих случаях следует трактовать, скорее, как метафору, нежели реальную установку в градостроительной практике (Косенкова 2009: 12).

Какое смысловое значение в таком контексте приобретает понятие «незавершенности»? Насколько корректным оказывается его использование в жесткой нормативной логике «проект–реализация»? Оправдано ли его применение вне этой схемы? И какую роль понятие «незавершенности» играет для формирования современного восприятия советского градостроительного наследия 1920–1930-х гг.?

Эти вопросы предполагается рассмотреть на примере проектирования и строительства «социалистических городов» – одного из наиболее масштабных и радикальных проектов советской архитектуры 1920–1930-х гг.

Соцгород как воплощение советского градостроительства 1920–1930-х гг.: замысел, риторика, практика

Идею создания так называемых социалистических городов можно считать едва ли не эталонным воплощением планового начала в совет-

ском градостроительстве. Новые поселения вблизи крупных промышленных предприятий предполагалось строить по единому плану, в короткий срок и в жестком соответствии всем социальным и идеологическим стандартам. Их проектирование с самого начала было призвано демонстрировать торжество рационального мышления в последовательном созидании «новой реальности» (Сабсович 1929; Милютин 1930; Черня 1930). Акцентирование способности «механистически» сконструировать новый город для советских идеологов в этом смысле было гораздо важнее многих практических моментов. Соцгорода получали новую символическую точку отсчета, утверждаясь «отказом от прошлого» и любых существующих традиций – культурных, социальных или архитектурных, а также мыслились в «пустом» пространстве – возведение новых городов нередко начиналось в голой степи или глухом лесу (см. напр.: Черня 1930; Гречуха 1933; О социалистических городах 1934; Попов 1934).

Вместе с тем реальные условия и обстоятельства проектирования социалистических городов слабо соответствуют этим постулатам. Вся история их строительства наглядно демонстрирует, что само понятие «градостроительного проекта» в применении к соцгородам оказывается весьма размытым и условным. А значит, и использование категории «незавершенности» в таком контексте становится весьма неоднозначным.

Во-первых, социалистические города с самого начала были вынуждены существовать в разрыве между риторикой о новых «городах будущего» и реальной градостроительной практикой, слабо соотносившейся с призывами, манифестами и архитектурными программами. Ситуацию несоответствия между «декларируемым» и «реальным» можно считать типичной для всей системы социального строительства первых советских десятилетий. Однако для социалистических городов она имела особое значение. Само понятие соцгорода возникло в конце 1920-х гг. как сугубо теоретический конструкт, не имевший прямых аналогов в архитектурной практике. Соцгород являлся предметом оживленных обсуждений с участием специалистов и широкой публики, разделял дискутировавшие стороны на «лагеря», выступал ориентиром в составлении многочисленных планов и проектов, формировал профессиональные стимулы, определял мировоззрение молодого поколения архитекторов, но при этом в реальной практике градостроительства долгое время существовал скорее в виде желанной цели, нежели четко го механизма организации поселения. В этом смысле знаменитая дискуссия «о социалистическом расселении», широко развернувшаяся на страницах советской печати в 1929–1930 гг. (см. напр.: Охитович 1930а; Барщ и Гинзбург 1930; Барщ и др. 1930; Сабсович 1930; Охитович 1930b; Пузис 1930; Верезухов 1930; Заславский 1930), служила не столько информационным сопровождением строительства новых посе-

лений, сколько утверждала сам образ нового социалистического города, определяя его функциональную роль и символическое значение (Меерович, Конышева, Хмельницкий 2011).

В сущности, риторика и способ разговора о социалистических городах выполняли функцию полноценного регулятора, они задавали символические границы новых территорий, формировали образ места, закрепляли в восприятии новые пространственные структуры. Декларации, манифесты, программные статьи, официальные речи, стенограммы выступлений, призывы и обращения – все это не просто было символическим довеском к процессу строительства, а представляло собой одну из форм существования новых городских образований. Не случайно поселения, которые в реальности находились либо на начальной стадии строительства, либо вовсе лишь намечались в проекте, нередко подавались на страницах печати как уже существующие и функционирующие городские организмы (см. напр.: Викторов 1930; СССР на стройке 1932; О социалистических городах 1934). Во многом именно это определяло характер их восприятия и пространственный образ.

Соцгорода в этом смысле существовали как бы в двух измерениях. В одном они представляли собой новый самостоятельный городской организм, идеально воплощающий принципы функционирования социалистического общества (Милютин 1930). В другом – являлись не более чем приложением к крупным промышленным объектам, призванным решить сиюминутные задачи по расселению большого числа новых работников (Конышева, Меерович 2012: 8–25).

Такая «двойственность» обуславливала неоднозначность вопроса о том, что стоит считать проектом социалистического города, на реализацию которого была ориентирована вся градостроительная отрасль, и, как следствие, чем мерить степень его воплощенности. Идеальным образом, рисуемым архитекторами? Общими нормативными предписаниями власти? Или многочисленными проектами по созданию новых поселений, разрабатываемыми непосредственно на местах?

В этой связи неудивительно, что в условиях разговоров о «новых советских поселках» как центрах формирования «нового, социалистического, коллективного быта» (Милютин 1930: 8) соцгорода мыслились в качестве естественной составляющей системы переустройства общества в целом, т.е. далеко вне собственно градостроительных рамок. По большому счету, в сознании советских идеологов они представляли собой своеобразный социальный инструмент, приводимый в действие набором установленных и выверенных механизмов (см.: Конышева, Меерович 2012: 8–25). Количество населения новых городов, его состав, характер и степень досуговой занятости, уровень вовлеченности в работу общественных учреждений – все это подчинялось строгим формулам и расчетам (см. напр.: Барщ и др. 1930; Милютин 1930; Пу-

зис 1931; Предпосылки реконструкции жилых районов Москвы 1933; Покшишевский 1934; а также анализ методов исчисления количества населения соцгородов в Меерович и др. 2011: 58–73).

Проект строительства соцгородов оказывался измеряем не столько градостроительными критериями, сколько успехами социалистического строительства в целом. А это делало любую оценку их развития предельно размытой, давая возможность архитекторам оправдывать неудачи в процессе строительства отсылками к «глобальным целям». «Незавершенность», или «незаконченность», в этом смысле оказывалась как бы изначально присущей градостроительному проекту в силу его ориентированности на решение масштабных социальных задач.

Уязвимость такого подхода стала очевидна уже по прошествии первых лет строительства новых поселений. Начиная с 1933 г. со страниц советской печати стали раздаваться призывы к градостроителям не прятаться при решении вопросов «архитектурной организации города» за «общие разговоры о мировых проблемах» и «не братья за дело технoэкономических расчетов» (Попов 1933: 16). При этом все больше скепсиса стали вызывать и сам «рационально-технический» подход к проектированию. Новой актуальной установкой в работе стали необходимость избегать «абсурдно механической» планировки «на все случаи жизни» и стремление к «стандартизации только элементов, частных, но не целого» (Гречухо 1933: 10).

Впрочем, эти изменения в риторике не могли скрыть главного. Опыт первой пятилетки явственно показал, что основная проблема строительства социалистических городов заключалась не столько в несоответствии изначальным планам и задумкам, сколько в отсутствии четкого плана их проектирования как такового. В начале 1933 г. идеологи градостроительной кампании были вынуждены констатировать: «Целый ряд новых городов мы фактически построили без утвержденных проектов планировки» (Ефремов 1933: 10). И при этом вполне откровенно признавали, что никакой «единой методологии в работе проектирующие органы не имеют», а «проработка проектов планировки ведется, как это ни странно, отдельными специалистами-планировщиками не по единой системе планировочных нормативов, а на основе ими же разработанных норм, в лучшем случае одобренных отдельными проектирующими организациями» (Там же).

Иными словами, реальный процесс проектирования соцгородов осуществлялся на местах, зависел от конкретных условий строительства и нередко проходил весьма стихийно. По сути, единственным, что скрепляло воедино многочисленные стройки новых поселений в различных уголках страны, были набор общих градостроительных предписаний и мечта о «городе будущего». В остальном все зависело от конкретных обстоятельств, имеющихся ресурсов и способности опера-

тивно решить задачи по обеспечению промышленных объектов «жилой зоной». Потому в ситуации, когда оказывалось, «что до окончания составления проектов планировки города фактически построены и построены совершенно не так, как это предполагалось по проекту планировки», не было ничего удивительного (Попов 1933: 16).

Получалось, что строительство соцгородов определяли не столько «проект» или «следование изначальному замыслу», сколько набор ситуативных факторов и обстоятельств. При этом к 1933–1934 гг. значительное число соцгородов было либо уже построено, либо находилось на завершающих стадиях строительства, когда их пространственные структуры были четко заданы и уже не могли подвергнуться кардинальным изменениям. Безусловно, многие из них производили впечатление «незаконченных» и «незавершенных», требующих дальнейших работ по благоустройству и строительству. Но можно ли считать эти проекты незавершенными с точки зрения степени реализации задуманного и мерить по жесткой нормативной шкале, если, во-первых, четких критериев для такой оценки фактически не существовало, а во-вторых, во многих случаях архитекторы, наоборот, демонстрировали пример максимальной реализации имеющихся ресурсов, а созданные ими проекты в некотором смысле превосходили изначальные задумки и ожидания? Для того чтобы более обстоятельно разобраться в этом вопросе, имеет смысл обратиться к анализу конкретного примера строительства социалистического города и логики его проектирования. Таким примером может стать один из крупнейших градостроительных проектов первой пятилетки – соцгород Уральского завода тяжелого машиностроения в Свердловске.

«УЗТМ – соцгород!»: опыт проектирования новых рабочих поселений

И организационно, и функционально, и символически строительство Уральского завода тяжелого машиностроения и прилегающего к нему поселения было призвано демонстрировать торжество «планового» начала и принципов предельного рационализма в проектировании. Завод исходно мыслился одним из крупнейших в стране индустриальных предприятий, которому была уготована роль «детища первой пятилетки» (Макаров 1960). Его первый проект, разработанный Гипромезом (Государственным институтом по проектированию новых металлзаводов) г. Ленинграда в 1927 г., служил своего рода эталонным образцом для планировки аналогичных предприятий, был издан многотысячным тиражом и распространялся едва ли не по всем крупным учреждениям и библиотекам страны (Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект) 1928). При этом сам рабочий поселок должен был

воплощать идею «города будущего», вырастающего в «дремучем уральском лесу на громадной “просеке”, тем самым символизируя победу над природой, всемогущество человеческой воли и преодоление времени» (СССР на стройке 1932: 23).

Главной отличительной особенностью соцгорода Уралмаша традиционно принято считать то, что его удалось построить по единому плану и в рекордно короткие сроки (см. напр.: Екатеринбург: история города в архитектуре 2008: 226). С этим мнением действительно трудно поспорить, если под «единым планом» иметь в виду наличие концептуальной архитектурной идеи, а под короткими сроками – значимость ее реализации в динамике и развертывание во временном, темпоральном контексте. Однако видеть за этим поэтапное воплощение глобального замысла, которое, несмотря на относительно короткий исторический отрезок, по сути, вобрало в себя сразу несколько архитектурных эпох, было бы как минимум серьезным упрощением, а как максимум – ошибкой, не позволяющей разглядеть крайне важные черты в особенностях и характере развития соцгорода.

Показательно, что строительство рабочего поселения Уралмаша изначально было целиком и полностью подчинено логике проектирования самого завода. Его роль мыслилась исключительно в качестве функционального приложения к общему производственному процессу, которое решало вполне конкретную задачу – обеспечение рабочих жильем. А потому все усилия по организации «жилой зоны» были так или иначе ориентированы на достижение главной цели – скорейшего пуска завода. Не случайно первый проект поселения появляется лишь в виде составной части общего проекта всего завода, составленного Гипромезом.

Такая ситуация имела двойственный и противоречивый характер. С одной стороны, поскольку проектирование было изначально привязано к проекту завода и соизмерялось с темпами его строительства, успешный ввод предприятия в действие должен был автоматически означать и «успех» в строительстве прилегающего поселения. В этом смысле соцгород оказывался как бы естественной составляющей «общей победы» в «борьбе за индустриализацию» (Унпелев 1960: 173). С другой стороны, само городское строительство в таких условиях фактически лишалось каких-либо четких критериев оценки. В стремлении достичь «общей цели» и уложиться в сроки градостроители были вынуждены ориентироваться на текущую ситуацию и меняющиеся обстоятельства, по сути, работая без четкого утвержденного плана. В этом смысле критерий, позволяющий судить о «завершенности» и степени реализованности проекта застройки соцгорода, с самого начала оказывался весьма размытым.

В проекте ленинградского Гипромеза 1927 г. рабочий поселок Уралмаша представлял типичным поселением для рабочих завода своего

времени. Поселок предполагалось строить в непосредственной близости от заводской территории, ограждая от нее жилые кварталы линией зеленых насаждений. При производительности завода в 18 тыс. тонн в год население поселка должно было составить около 24 тыс. жителей, в целом вполне соответствуя говардовским стандартам города-сада. В 1928 г. проект дорабатывается и пересоставляется уже непосредственно на месте сотрудниками технического отдела самого Уралмашиностроя. При этом к работе над ним привлекается «свежая кровь» – молодые представители новообразованного Свердловского отделения Объединения современных архитекторов (ОСА), которыми вовлечение в процесс проектирования завода, его цехов и отдельных зданий воспринимается как несомненный успех в идеологической борьбе с «враждебной стороной», представителями «старой архитектуры» (см.: Первая конференция общества современных архитекторов в Москве 1928: 120–122). Основные технические показатели проекта остаются прежними, формально мало что меняется, однако уже на этом этапе сама его идейная направленность постепенно становится несколько иной.

Молодой архитектор Петр Оранский, приглашенный из Ленинграда для работы в архитектурно-строительном отделе Уралмашиностроя, выдвигает несколько предложений по планировке, которые, по сути, в корне меняют идеологию проектирования городского поселения. Город предполагается вплотную приблизить к заводу, центральную площадь превратить в связующее звено между жилой зоной и заводской территорией, а в количестве жителей ориентироваться на цифру в 60 тыс. человек. Так постепенно обретает свои очертания идея превращения завода и города в единый пространственный организм с помощью лучевой системы планирования. Отныне именно эта концепция – главный ориентир в строительстве соцгорода: она получает одобрение коллег и начальства, фактически воспринимается как руководство к действию и стимулирует новые архитектурные решения. Вместе с тем сам проект оказывается обречен на постоянные пересмотры, корректировки и изменения в течение нескольких лет, т.е., по сути, на весь период наиболее интенсивного строительства соцгорода.

Весьма характерно, что в схожих условиях осуществляется процесс строительства и самого завода, призванный символизировать выполнение первого пятилетнего плана и следование срокам, установленным руководством страны. К 1930 г., т.е. по истечении более чем половины намеченного срока пуска предприятия, крупный завод тяжелого машиностроения даже на уровне проекта еще не обретает своих основных характеристик, масштаба и содержания. В условиях слабого финансирования его строительство в эти годы идет крайне неравномерно, а будущее остается весьма неопределенным (см.: Толоконцев 1933: 4). Вполне естественно, что при наличии таких проблем вопросы город-

ского строительства отходят на задний план. Лишь летом 1931 г. Всесоюзное объединение тяжелого машиностроения (ВОМТ) принимает окончательное решение об увеличении производительности завода до 100 000–150 000 тыс. тонн в год, что дает мощный импульс к усилению темпов строительства и одновременно к очередному пересмотру проекта соцгорода. Существующий проект вновь подвергается корректировкам и дополнениям, проходя многочисленные инстанции и проверки (см.: УЗТМ – Соцгород 1933: 17–21). И только в конце 1932 г. утверждается новый проект поселения, составленный Уралмашинстроем и Гипрогором на 170 000 жителей, соответствующий ключевым принципам проектирования социалистических городов (Уральский завод тяжелого машиностроения 1933: 118–126).

Важно подчеркнуть, что к этому моменту практически все ключевые постройки социальной городской инфраструктуры на Уралмаше либо уже функционируют, либо находятся на стадии строительства. Иными словами, те здания, которые до сих пор определяют облик центральной части соцгорода и фактически формируют его лицо, получают свои основные очертания еще до утверждения окончательного проекта городского строительства. В этом смысле красноречивее всего состояние общего архитектурного оформления соцгорода и организации работ в этой сфере отражает формулировка заключения, сделанного правительственной комиссией по приемке УЗТМ весной 1933 г., т.е. буквально за пару месяцев до пуска завода. Раздел соответствующего сборника документов, посвященный темпам жилищного и социально-бытового строительства, завершает емкая и лаконичная характеристика: «Архитектурное оформление поселка, в особенности центральной площади перед заводом, находится в неудовлетворительном состоянии. До сего времени Заводуправление не имеет даже соответствующего проекта» (Акт XVII. Жилищное строительство 1933: 6).

Впрочем, предметом более пристального разбора состояние строительства соцгорода становится уже после пуска завода. Когда главная цель – введение в действие предприятия – оказывается выполненной, основное внимание сосредоточивается на том, что ранее имело периферийное значение, – на уровне развития городской территории. В статье, опубликованной в 1934 г. в одном из всесоюзных журналов и предметно посвященной состоянию соцгорода Уралмаша («города завода заводов»), автором подводятся итоги непосредственно самого городского строительства. Одно из заключений констатирует: «Несмотря на то, что в городе Уралмаша уже сейчас живет около 80 тысяч рабочих и членов их семей, мы все же находимся только в начале строительства города, освоив лишь 14% средств, необходимых для застройки всего города» (Крекшин 1934: 63). Так, в частности, оказывается, что «имеющаяся на заводе жилплощадь ни в какой степени не может удовлетворить по-

требности в жилье 80-тысячного населения» (Крекшин 1934: 63), а сама планировка города «оставляет желать лучшего» (64). Основной вывод по итогам разбора звучит весьма категорично: «Дальнейшее строительство города нужно проводить по плану, между тем, плана строительства города у нас до сих пор нет» (65).

Если к концу 1932 г. при отсутствии четкого проекта поселения были заданы общие контуры его архитектурного лица, то к концу 1934 г. это лицо было уже полностью сформировано. Также были сформированы его пространственная структура и общие территориальные очертания. Иными словами, соцгород Уралмаша существовал как самостоятельно функционирующий городской организм фактически при отсутствии плана строительства. Да, многие его сооружения еще находились в процессе возведения и выглядели незаконченными, по-прежнему остро стояла проблема с объемами ввода нового жилья, ожидаемо требовалось расширение городской территории. Все это давало обоснованные поводы для критики городского строительства и его отставания от «производственных темпов», как, впрочем, и любого другого строящегося города страны (см. напр.: Гречухо 1933). Однако давало ли это повод говорить о «незавершенности» и «нереализованности» проекта строительства городского поселения? При том что самого этого проекта как такового не существовало, а критериями успешности нередко становились эмоциональные и конъюнктурные оценки.

Показательно, что в завершение своего критического рассмотрения автор в эмоциональном порыве подчеркивал: «Количество выстроенных зданий, быстрота стройки и ее качество – вот показатели, по которым мы будем мерить работу строителей города Уралмаша» (Крекшин 1934: 65). Сам характер этой фразы лишний раз указывает на то, что никаких внятных инструментов оценки степени «готовности» и «успешности развития» соцгородов в начале 1930-х гг. не существовало. Те города, которые к этому моменту уже успели обрести свои очертания, являлись результатом не столько следования плану, сколько совокупности ситуативных, нестандартных решений самих проектировщиков, вызванных постоянно меняющимися обстоятельствами и условиями их работы. Нередко выглядя «недостроенными», «незавершенными» и «архитектурно не до конца оформленными», в действительности они демонстрировали пример предельно эффективного использования имеющихся ресурсов и реализации уникальных градостроительных задумок в максимально короткие сроки. Их становление и развитие было подчинено особой логике и потому требует особой системы оценок, отличной от привычных нормативных представлений.

Незавершенный проект как принцип формирования застройки соцгорода

На фоне дискуссий о «бессистемности» городского строительства в 1930-е гг. довольно широкое распространение получило мнение о том, что если сам город нередко строился вне всякого плана, то его отдельные части – районы, жилкомбинаты, здания – напротив, демонстрировали пример поэтапного и выверенного воплощения утвержденных замыслов. Иными словами, «неудачи» в созидании целостного городского пространства совершенно не отменяли «успехов» в строительстве отдельных архитектурных объектов. Не случайно автор критического материала о соцгороде Уралмаша сетовал на то, что «мы строим отдельные здания и комплексы зданий, а не город как единое целое» (Крекшин 1934: 65).

В действительности пример Уралмаша наглядно показывает, что процесс строительства отдельных зданий и сооружений соцгорода был подвергнут «вольностям» и «неожиданностям» в неменьшей степени, чем проектирование всего поселения в целом. Более того, не будет преувеличением сказать, что история строительства большинства знаковых построек Уралмаша представляла собой историю неожиданных решений, творческих импровизаций и постоянной корректировки целей. В этом смысле критерии оценки этих сооружений на предмет «завершенности» и «соответствия изначальному замыслу» оказывались еще более размытыми, чем в случае с проектом всего поселения. Так, в частности, целый ряд значимых городских объектов на Уралмаше строился, в принципе, вне какого бы то ни было плана – даже промежуточного. По воспоминаниям Моисея Рейшера, одного из ключевых архитекторов в истории соцгорода, это оказывалось вынужденной мерой вследствие ограниченности в ресурсах и необходимости «построить больше при минимуме затрат» (С чего он начинался 1974).

Конечно, тенденции такого рода характеризовали практически любую крупную стройку того времени, однако в случае с Уралмашем они получили особый размах и обуславливались совокупностью целого ряда факторов.

Прежде всего, процесс строительства ключевых объектов соцгорода совпал с периодом наиболее жарких архитектурных дискуссий рубежа первых советских десятилетий и при этом в значительной степени пришелся именно на начало 1930-х гг., т.е. период доминирования авангардных течений и, в частности, конструктивизма. В такой ситуации одни творческие приемы и установки насаивались на другие, что формировало особый характер и динамику строительного процесса. Во-вторых, даже по сравнению с другими стройками первой пятилетки на Уралмаше этот процесс отличался особой интенсивностью – большин-

ство ключевых сооружений в соцгороде было возведено буквально за два-три года. И, в-третьих, проектирование архитектурных объектов на Уралмаше осуществлялось группой молодых архитекторов, шло в закрытом рабочем режиме и не сопровождалось публичными обсуждениями, характерными для многих других крупных строек страны, в которых принимали участие именитые советские архитекторы или специалисты из-за рубежа. Большинство работников проектного отдела Уралмашстроя не имели соответствующего профессионального опыта, что уже само по себе предполагало использование нестандартных решений и приемов. Как вспоминал Моисей Рейшер, из-за молодого возраста архитекторов руководители завода нередко в шутку называли проектный отдел «детским садом», при этом сама деятельность его сотрудников состояла в непрерывной круглосуточной разработке чертежей при отсутствии каких бы то ни было нормативов и образцов (Рейшер 2001–2002: 59). В итоге проекты городских сооружений претерпевали постоянные изменения, а существенные коррективы зачастую вносились в уже утвержденные и одобренные высшим руководством варианты. Как следствие, изначальный проект здания крайне редко соответствовал конечному результату.

В большинстве случаев решение об изменении облика здания вынужденно принималось уже по ходу самого строительства. Причиной этому могли стать нехватка ресурсов, ограничения в финансировании или непредвиденные обстоятельства. Обычно такая ситуация касалась типовой жилой застройки, но нередко она определяла художественный образ и знаковых общественных сооружений. Так, например, первый в соцгороде кинотеатр «Темп» был изначально запланирован как двухэтажное здание с несколькими кинозалами. По проекту он должен был определять облик улицы, на которой предполагалось сосредоточить основные культурно-досуговые учреждения соцгорода. Однако из-за случившейся аварии здание оказалось под угрозой разрушения (Анфилов 1984: 78–79). Благодаря восстановительным работам его удалось спасти, но от строительства второго этажа при этом пришлось отказаться. Получившееся в итоге здание не соответствовало первоначальной задумке и с полным правом могло попасть в категорию «незавершенных проектов» – даже внешне его одноэтажный объем плохо сочетался с непропорционально широкой двускатной крышей. Между тем именно эта нескладность и неказистость предопределили его узнаваемость и со временем превратили сооружение кинотеатра в одну из визитных карточек всего района.

Точно так же знаменитый жилой комплекс, известный среди жителей района как «дом-пила», обрел свой образ лишь на самом финальном этапе проектирования в результате неожиданного предложения Петра Оранского расположить шесть каменных жилых корпусов не в

стандартном линейном плане по отношению к центральной – Осевой – улице, а под прямым углом друг к другу (Маллер 1982: 4; Анфимов 1979–1984: 109–110). В общем плане структура здания стала напоминать зигзаг, а сведенные друг к другу корпуса – своеобразные «зубья». В итоге типовой стандартный жилой проект приобрел яркий индивидуальный облик, а получившийся результат превзошел изначальные ожидания. Жилой комплекс не только демонстрировал внешнюю эффектность, но и выгодно вписывался в формирующееся пространство соцгорода, определяя облик целого квартала и центральной улицы, что не было предусмотрено исходным проектом. А самое главное – со временем приобрел статус особого символического места на карте района.

Даже проект знаменитой Белой Башни – архитектурного символа Уралмаша и сооружения, которое, казалось бы, самым своим обликом призвано демонстрировать торжество рациональности и цельности, – претерпел в процессе обсуждения значительные трансформации. Причиной изменений стал опять же «производственный» момент: в ходе рассмотрения проекта Башни, предложенного Моисеем Рейшером и предполагавшего использование двух колонн в качестве опоры для бака с водой, главный инженер завода Владимир Фидлер, сомневаясь в прочности конструкции, предложил добавить в рабочие чертежи еще две железобетонные стойки. В результате это сугубо инженерное, «техническое» решение существенно повлияло на формирование архитектурного образа сооружения, в чем можно легко убедиться, сравнив первоначальный и итоговый проекты постройки (см. напр.: Токменинова 2011).

Если ориентироваться на первые проекты городского поселения Уралмаша, то в соответствии с ними архитектурный облик соцгорода можно было бы считать законченным и «завершенным» при условии постройки всего стандартного перечня упоминавшихся в них обслуживающих учреждений и сооружений (см.: Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект) 1928; Уральский завод тяжелого машиностроения 1933). Практически все эти значимые сооружения в итоге удалось ввести в действие если не точно в срок, то лишь с небольшими задержками.

Однако и здесь сложно говорить о какой-либо определенности, поскольку во многих случаях по ходу проектирования здания меняли не только свой внешний облик, но и функцию.

Так, например, здание Дома технической учебы – одного из ключевых административных сооружений района, во многом определивших облик его центральной площади, – изначально проектировалось как жилой дом-коммуна. Решение разместить в нем конторские помещения и учебные аудитории было принято с учетом удобного расположения (напротив проходной завода) и внушительного для строящегося города масштаба.

Еще более сложной оказалась судьба комплекса «старого» дворца культуры Уралмаша. История знакового для района сооружения началась со строительства в 1929 г. корпуса фабрики-кухни, призванной обеспечить питанием работников завода и жителей строящегося города. В 1933 г., пытаясь решить проблему отсутствия в соцгороде полноценного дворца культуры, руководство завода в целях экономии средств решает объединить его в едином здании с фабрикой-кухней и строит для этого отдельный торговый корпус. Позже оба корпуса соединяются системой переходов, а само здание в течение десятилетия переживает сразу несколько реконструкций.

Результатом становится появление сложного многофункционального и уникального по своей композиции и структуре комплекса, объединяющего в себе приметы различных архитектурных направлений, градостроительных приемов, а также следы творчества сразу целой группы архитекторов (см.: Баухауз на Урале 2010; Ильченко 2014).

Вполне естественно, что оценивать процесс строительства подобных сооружений в логике «выполнения плана» малоэффективно: такой подход не дает возможности понять ни историческую логику их формирования, ни их значение для развития пространственной структуры соцгорода, ни динамику городского развития в целом. «Незаконченные» и «недостроенные» на каждом отдельном этапе, именно такие сооружения в итоге воплощали собой полноту архитектурного облика новых городских образований, демонстрировали эффективное использование новаторских техник и приемов, а также определяли пространственное развитие новых территорий на десятилетия вперед.

Незавершенность в логике «утопического» прочтения истории советского градостроительства

Тем не менее в постсоветский период категория незавершенности в явном или скрытом виде превратилась в неотъемлемый атрибут разговора о социалистических городах. Указание на нереализованность или невоплощенность проекта соцгородов неизменно сопутствует обращению к рассмотрению их опыта в научной литературе, художественных практиках и публицистических статьях. Пространства, представляющие советский градостроительный эксперимент в наиболее цельном и законченном виде, все чаще предстают проектами, которые «не состоялись», «не случились» или «не получились» (см. напр.: Прогулки за искусством 2008; Коммунальный авангард 2011; Города мечты 2016).

«Незавершенность» в данном случае – характеристика не столько самого градостроительного проекта, сколько стоящего за ним социального замысла, при этом скорее образная и символическая, нежели предлагающая какие-либо четкие аналитические рамки. Однако именно

она является важнейшей составляющей нарратива, который сегодня формирует доминирующий взгляд на архитектурные процессы советского периода и в значительной степени предопределяет направленность их анализа.

С ростом публичного интереса к советской архитектуре районы комплексной застройки 1920–1930-х гг. стали все чаще попадать в фокус внимания проектов, где основным предметом рассмотрения оказывались не столько их градостроительные или стилистические особенности, сколько время, которое они символизируют. В полуразрушенных кварталах и скупых фасадах обветшалых зданий исследователи, художники, дизайнеры и журналисты стремились уловить очертания ушедшего времени, почувствовать его дух и атмосферу. Пространства социалистических городов превратились в своего рода способ заглянуть в прошлое и поймать ощущение эпохи строительства «нового мира». Главной особенностью такого подхода, одновременно придававшей ему определенный символический эффект, стала попытка говорить о советском градостроительном наследии как о части огромного нереализованного проекта, т.е., говоря образно, о будущем, которое не наступило.

Именно так постепенно формировался дискурс «нереализованной утопии», предложивший качественно новый способ разговора о советском градостроительстве. Его характерные особенности и символический посыл наиболее ярко проявили себя в художественных проектах и разнообразных «полевых исследованиях», организованных творческими группами в пространствах бывших социалистических городов.

Так, в 2006 г. Уралмаш наряду с двумя другими районами раннесоветской застройки Москвы и Санкт-Петербурга становится площадкой проекта «Прогулки за искусством» (см.: Прогулки за искусством 2008). Целью проекта стала попытка «найти в советском опыте художественную традицию» (Там же). Завод Уралмаш предстал взору его участников в виде «фрагментов, руин, остовов некогда интенсивнейшей жизни, канувшей в прошлое советской цивилизации», которые до сих пор сохраняют в себе «сверхчеловеческий натиск, мощь, взлет в несостоявшееся будущее» (75). А сам район соцгорода – «руиной, одичавшей окраиной, вороньей слободкой», местом, где советское прошлое переживается по-особому, как «то, что таит в себе силу будущего» (77).

Такое прочтение меняло сам ракурс рассмотрения соцгорода. Уралмаш оказывался ценен уже не столько самой уникальной застройкой, сколько скрытым указанием на эпоху, которую эта застройка символизировала. За многочисленными конструктивистскими комплексами теперь угадывались не только «смелые градостроительные эксперименты», а очертания настоящего «города мечты» – замысла грандиозной утопии, контуры которой, как оказалось, вполне различимы в город-

ском пространстве и по сей день. Кварталы типовой застройки, многочисленные авангардные сооружения обнаруживали в себе особую символику и выступали своеобразными метками времени. В такой логике то, что не было построенным, реализованным и завершенным, оказывалось еще более привлекательным и интересным, чем воплощенные проекты и сохранившаяся застройка. «Утопическое» прочтение добавляло пространству соцгорода определенное сентиментальное звучание, одновременно превращая предмет исследования в источник вдохновения и материал для творческих интерпретаций.

Это, в частности, хорошо демонстрирует другой художественный проект, посвященный Уралмашу, – «Коммунальный авангард» (Коммунальный авангард 2011). В предисловии к путеводителю по соцгороду в специально изданном каталоге проекта говорилось: «Сегодня Уралмаш – завораживающая руина, где сложно отличить следы реального и утопического. Данная статья призвана помочь отыскать основные объекты соцгорода <...> но вам, уважаемый читатель, придется соблюдать одно базовое правило: добавляйте слово «возможно» к каждой нашей рекомендации. Например, на правой стороне улицы вы [возможно!] увидите то-то или вам [возможно!] стоит свернуть в такой-то переулок. Возможно, вы отправляетесь на прогулку по месту, которого не существует, но тени и отзвуки которого вам, возможно, удастся отыскать» (35). Уралмаш здесь – пространство, не просто рассматриваемое, созерцаемое или анализируемое, но, прежде всего, создаваемое и конструируемое воображением. «Остатки советской цивилизации» в виде полуразрушенных зданий – не столько предмет археологического изучения, сколько повод помыслить «неслучившееся будущее». Каждая постройка – знак и символ. Потому в описании «руин и развалин» прочитывается скорее скрытое наслаждение образом, чем стремление определить уникальность сооружения, «классифицировать» его и использовать как материал исторического исследования.

«Утопический» дискурс был инспирирован художественными поисками и потому изначально расширял границы самого предмета рассмотрения – вместо «стиля» и «объекта охраны» им становилось время, его дух и атмосфера. А заодно предлагал новые возможности интерпретации – художественные образы оказывались не менее значимыми, чем поиск новых исторических свидетельств.

В таких условиях новое звучание приобретали те части застройки, которые, даже имея статус архитектурно-градостроительного памятника, ранее оставались в тени. Жилые комплексы коммунального типа обычно привлекали внимание городскими историями и рассказами о «первых лифтах», «двухъярусных квартирах» и «необычно светлых помещениях». Теперь эти истории обрели связный нарратив, мифологию и дополнительную эмоциональную подпитку. В повествовании о

соцгороде и репрезентациях его истории появился новый предмет для описания – то самое «возможное», «несостоявшееся», «неслучившееся». Одно дело говорить о неприглядной с виду серой двухэтажной коробке, оперируя сведениями о революционном новаторском типе жилья «из учебника», и совсем другое – представить ее частью огромного не реализованного замысла, несбывшейся мечты своего времени.

Само пространство района в таком ракурсе наполнялось совершенно новыми смыслами – все элементы его исторической застройки стали восприниматься частью грандиозного проекта, нереализованного, незавершенного, но от того еще более привлекательного. Теперь значение приобрело то, что раньше находилось на периферии интереса даже для специалистов. Любая ветхая полуразрушенная постройка репрезентировалась как часть новаторского градостроительного замысла, участок зеленых насаждений – как элемент «зеленой утопии», а запущенные дворовые пространства – как составляющая огромной системы социальных коммуникаций. В процессе такого смыслового конструирования район Уралмаша вновь обретал цельность и символические границы, а у зрителя складывалась особая оптика его восприятия. Прогулка по индустриальному социалистическому городу из простого знакомства с «градостроительным памятником» превращалась в «путешествие во времени», где за каждой руинной и полуразрушенным зданием угадывался след ушедшей эпохи.

«Утопический» дискурс и его символическая логика оказали большое влияние на исследования соцгородов. Они определили новое предметное поле их анализа, сформировали новый ракурс рассмотрения и существенно расширили дисциплинарные рамки. Образ того Уралмаша, который сегодня вновь стал предметом живого исследовательского интереса и многочисленных художественных проектов, сформировался во многом благодаря именно такому прочтению. Вместе с тем в стимулируемых этим дискурсом новых исследованиях и творческих поисках исходный посыл и символический пафос нередко доминируют над аналитическим содержанием и если не определяют его результаты, то существенно довлеют над самой их формулировкой. В этом смысле неудивительно, что «незавершенность» из образной характеристики эпохи может плавно превращаться в критерий и способ оценки вполне конкретных градостроительных проектов, а исторический материал, как следствие, – получать различные варианты аналитических интерпретаций.

Советское градостроительство продолжает оставаться мифологизированным феноменом, рассмотрение которого почти неизбежно сопровождается работой с многочисленными идеологемами, символами и метафорами. В исследовательской практике это вызывает двоякую реакцию.

Одна часть специалистов следует логике «развенчания мифа», пытается противопоставить заявлениям и декларациям советской эпохи суровую реальность, резко отличающуюся от провозглашенных лозунгов. Другая – стремится предложить альтернативные описания советской архитектурной истории, по-новому выстраивающие ее глобальный нарратив, но нередко лишь усиливающие ее мифологизацию. И то и другое является методологической крайностью. Эта ситуация во многом обусловлена тем, что история советского градостроительства до сих пор воспринимается преимущественно через призму столичного опыта и от силы двух-трех крупных городов Советского Союза. Вехами архитектурной истории считается строительство знаковых сооружений Москвы и Ленинграда, законодателями архитектурной моды – признанные столичные мастера, а критериями градостроительного успеха – резонанс в общесоюзной прессе. Значимость архитектурного развития крупнейших советских городов не вызывает сомнений, однако автоматическая ретрансляция его особенностей на опыт регионов является серьезной методологической ошибкой. При ближайшем рассмотрении региональный опыт градостроительства рубежа 1920–1930-х гг. оказывается настолько многообразным и вариативным, что его крайне трудно свести к какому-либо единому стандарту или принципу. Пример социалистических городов является ярким тому свидетельством. Попытка мерить их развитие устоявшимися категориями не только упрощает общую картину, но и мешает разглядеть их уникальность и своеобразие.

Использование категории «незавершенности» в этом смысле – своего рода квинтэссенция подобного искажения. Те критерии, которые оказываются применимыми на уровне масштабных столичных градостроительных проектов и официальных программ, фактически перестают работать на уровне анализа региональных процессов. Обусловленные различными обстоятельствами проектирования, имеющимися ресурсами и организационными условиями, соцгорода демонстрировали совершенно разные траектории своего строительства и последующую логику развития, преодолевая любые устоявшиеся нормативные представления «выполнения плана» и степени его реализации. В таком контексте «незавершенность» – это либо формальная и в целом бесполезная характеристика степени реализации градостроительного плана, который в большинстве случаев был крайне размытым или попросту отсутствовал, либо фигура речи, скорее навязывающая дополнительные смыслы и коннотации, нежели способствующая раскрытию реальной динамики строительства.

Однако, пожалуй, самое главное: использование подобной нормативной шкалы существенно затрудняет понимание того, что уникальность советской архитектуры 1920–1930-х гг. обнаруживает себя не только и не столько в проектных задумках и отдельных знаковых со-

оружениях, сколько в экстремальных условиях реализации большинства градостроительных проектов. Декларативно соответствуя программным требованиям и установкам руководства страны, новые социалистические города при этом в значительной степени являлись результатом использования архитекторами нестандартных приемов, творческих импровизаций и новых технологических решений, способствуя появлению оригинальных подходов и способов осмысления городского строительства. Как представляется, этот опыт советского градостроительства требует сегодня обстоятельного разбора и критического анализа.

Литература

- Акт XVII.* Жилищное строительство // Сборник актов и заключений правительственной комиссии по приемке УЗТМ. Апрель–май 1933 г. Свердловск: Изд. УЗТМ, 1933.
- Анфимов В.Н.* Соцгород Уральского завода тяжелого машиностроения. 1929–1975 гг. Ч. 1. Свердловск–Уралмаш, 1979–1984. [Рукопись из фонда музея Истории Уралмашзавода].
- Анфимов В.Н.* Истории строительства улиц, некоторых сооружений и событий в соцгороде Уралмашзавода. 1929–1975 гг. Ч. 2. Свердловск–Уралмаш, 1984. [Рукопись из фонда музея Истории Уралмашзавода].
- Верезубов И.К.* К вопросу о проблеме социалистического города // Строительство Москвы, 1930. № 1. С. 13–16.
- Вікторів Б.* Соціалістичні міста Донбасу. Харків: Шляхи Індустріалізації, 1930.
- Бариц М.О., Гинзбург М.Я.* Зеленый город // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 20–37.
- Бариц М., Владимиров В., Охитович М., Соколов Н.* Магнитогорье. К проблеме генплана // Современная архитектура. 1930. № 1–2. С. 38–56.
- Баухауз на Урале.* Сохранение наследия: Материалы международного научного семинара, 22–24 августа 2008 г., Екатеринбург / Науч. ред. Л.И. Токменинова. Екатеринбург: Вебстер, 2010.
- Города мечты, которые не получились* // Neobychno.com. URL: <http://neobychno.com/21941/goroda-mechty/> (дата обращения: 30.11.2016).
- Гречуха В.* За четкий архитектурный облик социалистических городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 1. С. 9–10.
- Екатеринбург:* история города в архитектуре. Екатеринбург: Сократ, 2008.
- Ефремов Н.Д.* О нормах планировки городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 2. С. 10–12.
- Заславский А.* Против искривления классовой линии в строительстве социалистических городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 24–25.
- Ильченко М.С.* Советская авангардная архитектура глазами постсоветского человека: судьба ДК УЗТМ // Будущее прошлого: футурология ДК УЗТМ. Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2014.
- Коммунальный авангард:* каталог-путеводитель / Ред.-сост. Е. Белова, А. Савицкая. Н. Новгород, 2011.
- Коньшиева Е.В., Меерович М.Г.* Эрнст Май и проектирование соцгородов в годы первых пятилеток (на примере Магнитогорска). М.: ЛЕНАНД, 2012.
- Косенкова Ю.Л.* Работа над проектами планировки Новосибирска в 1920–1930-е годы // Советское градостроительство 1920–1930-х годов: новые исследования и материалы / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. С. 202–229.

- Косенкова Ю.Л.* Советский город 1940-х – первой половины 1950-х годов: от творческих поисков к практике строительства. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
- Крекшин Е.* Город завода заводов // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5. С. 63–66.
- Макаров Е.М.* Отец заводов. Очерки из истории Уралмашзавода. М.: Советская Россия, 1960.
- Маллер С.* Дом-пила // За тяжелое машиностроение. 1982. 16 июня.
- Меерович М.Г., Коньшева Е.В., Хмельницкий Д.С.* Кладбище соцгородов: градостроительная политика в СССР (1928–1932 гг.). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
- Милютин Н.А.* Проблема строительства социалистических городов. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.
- Обермаир В., Шапиро-Обермаир Е.* Большая Москва, которой не было. Здания советского авангарда в современной Москве. Вена: SCHLEBRÜGGE.EDITOR, 2008.
- О социалистических городах* // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 5. С. 1–6.
- Охитович М.* Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930а. № 1–2. С. 7–16.
- Охитович М.* Отчего гибнет город? // Строительство Москвы. 1930b. № 1. С. 9–11.
- Паперный В.* Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2011.
- Первая конференция общества современных архитекторов в Москве: Информационные доклады делегатов с мест* // Современная архитектура. 1928. № 4. С. 120–122.
- Покишевский З.Н.* За компактный город // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 6. С. 26–29.
- Попов Ф.* К вопросу о планировке городов // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 5. С. 14–16.
- Попов Ф.* Генеральный проект Большого Запорожья // За социалистическую реконструкцию городов. 1934. № 6. С. 11–15.
- Постфордизм: концепции, институты, практики* / Под ред. М.С. Ильченко, В.С. Мартыанова. М.: Политическая энциклопедия, 2015.
- Предпосылки реконструкции жилых районов Москвы* // За социалистическую реконструкцию городов. 1933. № 4. С. 35–38.
- Прогулки за искусством: Ленинград – Москва – Свердловск.* СПб.: Институт ПРО АРТЕ, 2008.
- Пузис Г.* О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. № 3. С. 4–7.
- Пузис Г.* Пути нового расселения // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 11–14.
- Рейшер М.В.* Жизнь, посвященная городу // Стройкомплекс Среднего Урала. 2001–2002. Декабрь–январь.
- Сабсович Л.М.* Города будущего и организация социалистического быта. М., 1929.
- Сабсович Л.М.* Новые пути в строительстве городов // Строительство Москвы. 1930. № 1. С. 3–5.
- Советское градостроительство 1920–1930-х годов: новые исследования и материалы* / Сост. и отв. ред. Ю.Л. Косенкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
- СССР на стройке.* 1932. Июль. № 7.
- Токменинова Л.* Водонапорная башня УЗТМ. Екатеринбург: TATLIN, 2011.
- Толоконцев А.Ф.* Детище пятилетки // Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск: Урал. обл. гос. изд-во; Москва, 1933.
- С чего он начинался* // За тяжелое машиностроение. 1974. 22 октября.
- УЗТМ – Соцгород!* // УЗТМ. Производственно-технический журнал Уральского завода тяжелого машиностроения. 1933. № 3. Июль–август. С. 17–21.
- Унделев Г.* Рождение Уралмаша (1928–1933 гг.). М.: Изд-во соц.-экон. литературы, 1960.

- Уральский завод тяжелого машиностроения. 1928–1933. Свердловск: Урал. обл. гос. изд-во; Москва, 1933.
- Уральский машиностроительный завод в Свердловске (проект). Л.: Изд. гос. Ин-та по проектированию новых металлзаводов, 1928.
- Чепкунова И. Кузница большой архитектуры. Советские конкурсы 1920–1950-х. М.: Искусство XXI век, 2014.
- Черня И. Города социализма // Революция и культура. 1930. № 1. С. 11–16.
- Яковлева Г.Н. Концепция центра в генеральном плане Москвы 1935 г. // Хан-Магомедовские чтения: [материалы междунар. науч. конф., 18–20 января 2012 г. / Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ; сост.: Ю.П. Волчок, А.Н. Селиванова; отв. ред.: И.А. Бондаренко]. М.; СПб.: Коло, 2015. С. 322–332.
- Paper Architecture. New Projects from the Soviet Union* / Ed. by H. Klotz. New York: Rizzoli, 1990.

Статья поступила в редакцию 20 марта 2017 г.

Ilichenko Mikhail S.

UNFINISHED PROJECT AS A WAY TO CONCEIVE SOVIET URBAN PLANNING IN THE 1920S AND THE 1930S: THE CASE OF SOCIALIST CITIES*

Abstract. The article examines the appropriateness of using the concept of ‘unfinished project’ in relation to the practice of Soviet urban planning in the 1920s and 1930s. Drawing on the case of socialist cities, the author shows that the very attempt to evaluate the process of their construction following the strict normative logic of ‘consistency with the plan’ appears to be ineffective. That could be explained by the fact that the most Soviet settlements of the 1920s–1930s were designed in the context of constantly changing urban planning principles and standards, and that resulted in the emergence of various interim ‘plans’ and ‘projects’ influenced by situational factors, particularly, by the current recourse base, organizational conditions, etc. In this context, the notion of ‘unfinished project’ becomes nothing more than a formal characteristic of the building process in an attempt to describe the current stage of project implementation in the absence of any clear evaluation criteria. Moreover, the normative use of this notion does not allow see Soviet urban planning as it was done in the regions, with its unique city-planning solutions produced and original methods and technologies developed by Soviet architects under extreme working conditions. The author suggests that such a strategy sprang from the adoption by public discourse of the ‘unrealized utopia’ narrative which saw the Soviet architectural tradition in the symbolic categories of ‘unimplemented project’ and ‘unrealized future’. According to this narrative, ‘unfinishness’ is not so much of an analytical characteristic or evaluation criterion but is primarily a metaphor and a figure of speech that shape a certain perspective of the Soviet architecture and determine the character of its analysis.

Keywords: Soviet urban planning, Soviet city, socialist city, unfinished project, utopia, narrative, history of the Soviet architecture

* The research is supported by the Grant of the President of the Russian Federation (МК-8766.2016.6)

DOI: 10.17223/2312461X/16/5

References

Akt XVII. Zhilishhnoe stroitel'stvo [Housing construction], *Sbornik aktov i zakljuchenij pravitel'stvennoj komissii po prijomke UZTM* [A collection of acts and conclusions by the

- governmental commission on technical acceptance of the Ural heavy Machine Building Plant]. Aprel'-maj 1933. Sverdlovsk: UZTM Publishing, 1933.
- Anfimov V.N. *Socgorod Ural'skogo zavoda tjazhjologo mashinostroenija*. 1929-1975 gg. Chast' 1. [The socialist city associated with Ural Heavy Machine Building Plant. 1929-1975. Part 1]. Sverdlovsk–Uralmash. 1979-1984. Rukopis' iz fonda muzeja Istorii Uralmashzavoda.
- Anfimov V.N. *Istorii stroitel'stva ulic, nekotoryh sooruzhenij i sobytij v socgorode Uralmashzavoda* 1929-1975. Chast' 2 [The history of construction of some streets, buildings, and events in the socialist city associated with Ural Heavy Machine Building Plant. 1929-1975. Part 2]. Sverdlovsk–Uralmash. Rukopis' iz fonda muzeja Istorii Uralmashzavoda, 1984.
- Verezubov I.K. K voprosu o probleme socialisticheskogo goroda [On the issue of socialist cities], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 13-16.
- Viktorov B. *Socialisticheski mista Donbasu* [Socialist cities of Donbas]. Harkiv: «Shljahi Industrializacii», 1930.
- Barshh M.O., Ginzburg M.Ja. Zelenyj gorod [The Green City], *Sovremennaja arhitektura*, 1930, no. 1-2, pp. 20-37.
- Barshh M., Vladimirov V., Ohitovich M., Sokolov N. Magnitogor'e. K probleme genplana [On the issue of master plan], *Sovremennaja arhitektura*, 1930, no. 1-2, pp. 38-56.
- Bauhaus na Urale. Sohranenie nasledija: materialy mezhdunarodnogo nauchnogo seminara* [Bauhaus in the Ural region. The preservation of heritage: international research seminar proceedings], 22-24 avgusta 2008 g., Ekaterinburg. Ed. by L.I. Tokmeninova. Ekaterinburg: Vebster, 2010.
- Goroda mechty, kotorye ne poluchilis'* [Dream cities that failed]. Available at: <http://neobychno.com/21941/goroda-mechty/> (Accessed 30 November 2016)
- Grechuhov V. Za chjotkij arhitekturnyj oblik socialisticheskikh gorodov [For a clear architectural look of socialist cities], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 1, pp. 9-10.
- Ekaterinburg: istorija goroda v arhitekture* [Yekaterinburg: the city history in architecture]. Ekaterinburg: «Sokrat», 2008.
- Efremov N.D. O normah planirovki gorodov [On urban planning norms], *Za socialisticheskiju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 2, pp. 10-12.
- Zaslavskij A. Protiv iskrivlenija klassovoj linii v stroitel'stve socialisticheskikh gorodov [Countering the distortion of class policy in the building of socialist cities], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 24-25.
- Il'chenko M.S. Sovetskaja avangardnaja arhitektura glazami postsovetskogo cheloveka: sud'ba DK UZTM [The Soviet avant-garde architecture through the eyes of post-Soviet man: the fate of Palace of Culture of Ural Heavy Machine Building Plant]. *Budushhee proshlogo: futurologija* DK UZTM [The future of the past: futurology of Palace of Culture of Ural Heavy Machine Building Plant]. Ekaterinburg: Ekaterinburgskaja akademija sovremenogo iskusstva, 2014.
- Kommunal'nyj avangard: kat.-putevoditel'* [Communal avant-garde: a catalogue-guidebook]. Ed. by Elena Belova, Alisa Savickaja. Nizhnij Novgorod, 2011.
- Konysheva E.V., Meerovich M.G. *Ernst Mai i proektirovanie sotsgorodov v gody pervykh piatiletok (na primere Magnitogorska)* [Ernst May and the planning of socialist cities during the first five-year plans (the case of Magnitogorsk)]. Moscow: LENAND, 2012.
- Kosenkova Ju.L. Rabota nad proektami planirovki Novosibirskaja v 1920-1930-e gody [The work on Novosibirsk planning projects in the 1920s-1930s], *Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920-1930-h godov: Novye issledovanija i materialy* [Soviet urban planning in the 1920s-1930s: new research and materials]. Ed. by Ju.L. Kosenkova. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2010, pp. 202-229.
- Kosenkova Ju.L. *Sovetskij gorod 1940-h-pervoj poloviny 1950-h godov: Ot tvorcheskih poiskov k praktike stroitel'stva* [The Soviet city in the 1940s to the first half of the 1950s: from

- creative search to the practice of building]. Moscow: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2009.
- Krekshin E. Gorod zavoda zavodov [A city associated with the plant of all plants], *Za socialisticheskuju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 5, pp. 63-66.
- Makarov E.M. *Otec zavodov. Oчерki iz istorii Uralmashzavoda*. [The father of all plants. Essays from the history of Uralmash]. Moscow: Sovetskaja Rossija, 1960.
- Maller S. Dom-pila [The saw house], *Za tzhzhjoloje mashinostroenie*, 1982, June 16.
- Meerovich M.G., Konyshева E.V., Hmel'nickij D.S. *Kladbishhe socgorodov: gradostroitel'naja politika v SSSR (1928-1932 gg.)* [A cemetery of socialist cities: urban planning policy in the USSR (1928-1932)]. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPEN), 2011.
- Miljutin N.A. *Problema stroitel'stva socialisticheskikh gorodov* [The problem of socialist cities' construction]. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930.
- Obermair V., Shapiro-Obermair E. *Bol'shaja Moskva, kotoroj ne bylo. Zdanija sovetskogo avangarda v sovremennoj Moskve* [The big Moscow which didn't exist. Soviet avant-garde buildings in contemporary Moscow]. Vienna: SCHLEBRÜGGE.EDITOR, 2008.
- O socialisticheskikh gorodah [On socialist cities], *Za socialisticheskuju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 5, pp. 1-6.
- Ohitovich M. Zametki po teorii rasselenija [Notes on the theory of resettlement], *Sovremennaja arhitektura*, 1930a, no. 1-2, pp. 7-16.
- Ohitovich M. Otchego gibnet gorod? [What causes the city's death?], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930b, no. 1, pp. 9-11.
- Papernyj V. *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Pervaja konferencija obshhestva sovremennykh arhitektorov v Moskve. Informacionnye doklady delegatov s mest [The first contemporary architects society conference in Moscow. Presentations by delegates from the regions], *Sovremennaja arhitektura*, 1928, no. 4, pp. 120-122.
- Pokshishevskij Z.N. Za kompaktnyj gorod [For a compact city], *Za socialisticheskuju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 6, pp. 26-29.
- Popov F. K voprosu o planirovke gorodov [On the question of urban planning], *Za socialisticheskuju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 5, pp. 14-16.
- Popov F. General'nij proekt Bol'shogo Zaporozh'ja [The master project of Big Zaporozhye], *Za socialisticheskuju rekonstrukciju gorodov*, 1934, no. 6, pp. 11-15.
- Post-Fordizm: koncepcii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: concepts, institutions, and practices]. Ed. by M.S. Il'chenko, V.S. Mart'janov. Moscow: ROSSPEN, 2015.
- Predposylki rekonstrukcii zhilykh rajonov Moskvy [Preconditions for the reconstruction of Moscow's residential areas], *Za socialisticheskuju rekonstrukciju gorodov*, 1933, no. 4, pp. 35-38.
- Progulki za iskusstvom: Leningrad – Moskva – Sverdlovsk* [Walks for art: Leningrad-Moscow-Sverdlovsk]. Saint-Petersburg: «Institut PRO ARTE», 2008.
- Puzis G. O metodah ischislenija naselenija v planirovke naselemykh mest [On the methods of calculating population in the planning of settlements], *Sovetskaja arhitektura*, 1931, no. 3, pp. 4-7.
- Puzis G. Puti novogo rasselenija [The ways of new resettlement], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 11-14.
- Rejsher M.V. Zhizn', posvjashhonnaja gorodu [A life devoted to the city], *Strojkompleks Srednego Urala*. 2001-2002. December-January.
- Sabsovich L.M. *Goroda budushhego i organizacija socialisticheskogo byta* [Cities of the future and the organization of socialist life]. Moscow, 1929.
- Sabsovich L.M. Novye puti v stroitel'stve gorodov [New ways of building cities], *Stroitel'stvo Moskvy*, 1930, no. 1, pp. 3-5.
- Sovetskoe gradostroitel'stvo 1920-1930-h godov: Noveye issledovanija i materialy* [Soviet urban planning in the 1920s to the 1930s: New research and materials]. Ed. by Ju.L. Kosenkova. Moscow: publishing house «LIBROKOM», 2010.

- SSSR na strojke [The USSR at the construction site], 1932, July, no. 7.
- Tokmeninova L. *Vodonapornaja bashnja UZTM* [The Uralmash water tower]. Ekaterinburg: TATLIN, 2011.
- Tolokoncev A.F. *Detishhe pjatiletki* [The brainchild of the five-year plan period], Ural'skij zavod tjazhjologo mashinostroenija [Ural Heavy Machine Building Plant]. 1928-1933. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo; Moscow, 1933.
- S chego on nachinal'sja [What it began from], *Za tjazhjoloe mashinostroenie*. 22 October 1974.
- UZTM – Socgorod! [Ural Heavy Machine Building Plant is a socialist city!], *UZTM. Proizvodstvenno-tehnicheskij zhurnal Ural'skogo zavoda tjazhjologo mashinostroenija*, 1933, no. 3, July-August, pp. 17-21.
- Unpelev G. *Rozhdenie Uralmasha (1928-1933 gg.)* [The birth of the Uralmash (1928-1933)]. Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoj literatury, 1960.
- Ural'skij zavod tjazhjologo mashinostroenija* [Ural Heavy Machine Building Plant]. 1928-1933. Sverdlovsk: Ural'skoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel'stvo; Moscow, 1933.
- Ural'skij mashinostroitel'nyj zavod v Sverdlovске (proekt)* [Ural Heavy Machine Building Plant in Sverdlovsk (a design)]. Leningrad: Izd-e gos. Ins-ta po proektirovaniju novyh metallozavodov, 1928.
- Chepkunova I. *Kuznica bol'shoj arhitektury. Sovetskie konkursy 1920-1950-h* [Creating great architecture. Soviet architecture competitions in the 1920 to the 1950s]. Moscow: Iskustvo XXI vek, 2014.
- Chernja I. *Goroda socializma* [Cities of socialism], *Revoljucija i kul'tura*, 1930, no. 1, pp. 11-16.
- Jakovleva G.N. *Koncepcija centra v general'nom plane Moskvy 1935 g.* [The concept of centre in the 1935 master plan of Moscow], *Han-Magomedovskie chtenija : [materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 18-20 janvarja 2012 g.]* [Han-Magomedov Readings: the scientific conference proceedings, 18-20 January 2012]. Filial FGBU «CNIIP Ministroja Rossii» NIITIAG; sost.: Ju.P. Volchok, A.N. Selivanova; otv. red.: I.A. Bondarenko. Moscow, St. Petersburg: Kolo, 2015, pp. 322-332.
- Paper Architecture. New Projects from the Soviet Union*. Ed. by H. Klotz. New York: Rizzoli, 1990.

УРБАНИЗАЦИЯ САМОСТРОЯ: ТРУЩОБЫ В НЕФТЕДОБЫВАЮЩИХ РАЙОНАХ СОВЕТСКОЙ СИБИРИ (1960–1980-е гг.)*

Игорь Николаевич Стась

Аннотация. Исследуется формирование трущоб в нефтедобывающих районах Сибири в советский период на основе анализа архивных документов из двух главных архивов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – Государственного архива Тюменской области и Государственного архива социально-политической истории Тюменской области. Автор проводил полевые исследования в трущобах городов нефтедобывающих районов Сибири и брал интервью у экспертов по градостроительству в регионе. Оригинальность работы заключается в том, что несмотря на современную критику советской урбанизации, в российской и зарубежной историографии практически не было исследований, посвященных формированию трущоб в процессе урбанизации Советского Союза. В данной статье автор пытается показать механизмы создания трущоб в городах СССР на примере нефтегазового освоения Сибири в 1960–1980-е гг. Исследование доказывает, что появление трущоб было следствием политики Советского правительства, министерств и ведомств – геологов, нефтяников и строителей, которые осуществляли эксплуатацию нефтяного региона Сибири. Урбанизация происходила бесконтрольно из-за стихийной и хаотичной миграции огромного количества рабочих, которых ведомства призывали приезжать на строительство нефтедобывающего комплекса, но для них не хватало благоустроенного жилья. Тогда трущобы выступали социальным механизмом решения жилищной проблемы. Ведомства сами централизованно возводили трущобное неблагоустроенное жилье для своих рабочих, становившееся в конечном итоге важнейшим источником общегородской и ведомственной идентификации многих городских жителей нефтедобывающих районов Сибири. Трущобы как основа самоидентификации стали выступать социальным фильтром, оставляющим в нефтяном регионе психологически и физически сильнейших, связывающих свое будущее с Сибирью.

Ключевые слова: трущобы, урбанизация, ведомства, нефтегазовое освоение, Сибирь

Вопрос о ложной урбанизации

Интерпретация российской и советской урбанизации является актуальной научной проблемой в современных российских исследованиях

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-31-01014 «Становление исторической урбанистики России: теория и историография советской урбанизации».

социальной и культурной истории XX в. Центральная тема в современных дискуссиях об урбанизации – жилищная проблема и ее решение в СССР. Советская историография отказывалась признавать появление и существование трущоб в процессе социалистической урбанизации. Трущобы рассматривались только как продукт капитализма, которого не может быть в Советском Союзе. Считалось, что социалистическая урбанизация была процессом планируемым и регулируемым, поэтому ей удавалось избегать появления трущоб (Connor 1971: 559).

В 1990-х гг., когда пали идеологические цепи, в социально-гуманитарной науке сформировался кардинально иной – критический – подход к сущности урбанизационного процесса в СССР, который, в том числе, признал формирование в российских городах ареалов стихийного неблагоустроенного временного жилья, что обуславливало поселковый и деревенский характер советской урбанизации. Некоторые исследователи в рамках этого подхода стали рассматривать урбанизацию в СССР как неполноценную и ложную: «псевдоурбанизация» (А.С. Ахиезер), «квазиурбанизация» (В.А. Исупов), «слободизация» (В.Л. Глазычев), «искусственно-принудительная ускоренная урбанизация» (М.Г. Меерович).

Современные российские и зарубежные исследователи отмечают, что в Советском Союзе наиболее быстро трущобы возникали в социалистических моногородах (*socialist company towns*), которые зависели от одной промышленной отрасли (Davis 2006: 24). Однако сегодня во многих социалистических моногородах России происходит централизованная ликвидация трущоб, формируется полноценная городская культура среди населения. Российское общество с большими задержками, но все же развивается в рамках этой схемы урбанизации. Поселковая и деревенская идентичность сменяется общегородской, происходят перевод социокультурного и жилого пространства на качественно новый уровень городской среды и появление поколений горожан, абсолютно не связанных с пасторальными традициями и культурой.

Этот механизм перехода сегодня становится объектом исследований российской социокультурной антропологии, поскольку советский временный жилой самострой постепенно уходит в прошлое. В частности, в бывших социалистических моногородах Западной Сибири становится все меньше трущоб – следов нефтегазового освоения в 1960–1980-е гг. С одной стороны, это положительный процесс – люди перебираются в благоустроенные квартиры, но с другой – теряется сформированное еще советской мобилизационной системой пограничное и маргинальное культурное пространство в городах, которое практически так и не было изучено социально-гуманитарной наукой. В российской исторической литературе наблюдается та же тенденция, что и в историографии Индии: несмотря на наличие в стране больших ареалов трущоб,

практически отсутствуют исследования об истории государственной политики в отношении трущоб и становления незаконных поселений (squatter settlements) (Spodek 1980: 287). Учитывая актуальность данной проблемы, целью статьи является раскрытие эволюции трущоб в процессе урбанизации и промышленного освоения нефтедобывающих районов Западной Сибири в 1960–1980-е гг.

Статья написана на основе делопроизводственных документов, хранящихся в двух архивах Тюмени – Государственном архиве Тюменской области и Государственном архиве социально-политической истории Тюменской области. Также в рамках исследования автор проводил полевые работы в трущобах городов нефтедобывающих районов Сибири, брал интервью у экспертов в области градостроительного развития нефтяного региона Сибири.

Трущобы и нефтегазовое освоение

Жилое пространство в строящихся новых городах в нефтедобывающих районах Сибири изначально организовывалось из временного самостроя, что обуславливалось стихийностью нефтегазового освоения, которое осуществляли различные ведомства: геологические, нефтедобывающие и строительные. Государство в лице ведомств и министерств в первую очередь любыми средствами стремилось решить производственные задачи: сначала рабочая сила, которая осуществляла выполнение директив (в данном случае планы по добыче нефти), и только потом создание нормальных условий жизни.

До нефтегазового освоения, которое началось в первой половине 1960-х гг., жилое пространство в населенных пунктах северных территорий Западной Сибири наполнялось только индивидуальными домами деревенского типа и брусчатыми двухэтажками. Массово самострой стал появляться в регионе только с приходом геологов, открывших западно-сибирскую нефтяную провинцию, которым необходимо было где-то жить. Первое время, в начале 1960-х гг., геологи застраивали свои населенные пункты землянками и палатками, а вскоре и брусчатыми двухэтажными домами, разработанными институтом «Гипролеспром» для строительства временных поселков лесников (ГАТО, б.д.: 3). К этой двухэтажной застройке стали примыкать балки, землянки и палатки. Балки – это деревянные, металлические или из разного подручного материала маленькие невысокие кривые домики с небольшими огороженными участками, которые до конца 1960-х гг. были главным элементом застройки и личной жизненной среды первооткрывателей нефти. Сегодня местные жители под балком понимают любое временное неблагоустроенное жилье в нефтедобывающих районах Сибири. Такие поселки геологов расположились в городах Сургут, Нефтеюганск и Мегион.

В 1964 г. вслед за геологами в нефтедобывающий регион прибыли нефтяники объединения «Тюменнефтегаз». Они действовали по той же схеме: воздвигался брусчатый двухэтажный поселок, а рядом хаотично ставились одноэтажные дома на одну-две квартиры, балки, землянки, бараки и палатки. Так, возле поселка нефтяников в г. Сургуте образовалось поселение из неблагоустроенного жилья Таратыновка, получившее такое имя в честь заместителя начальника нефтепромыслового управления «Сургутнефть» Б.Н. Таратынова. Согласно воспоминаниям одного из жителей, такие же явления были характерны и в Нефтеюганске: «... город состоял из законченных четвертого и пятого микрорайонов и недостроенного шестого микрорайона с двухэтажными деревянными домами. Вокруг этих микрорайонов сгрудились частные строения из балков, вагончиков и приспособленных – чуть ли не картонных – домиков на территории первого, второго и третьего микрорайонов, а также в сторону речки Акопас» (Нефтеюганск... 1997: 49). Таким путем появлялись первые трущобы в создаваемых городах нефтедобывающих районов Сибири. Исследователи точно подметили образ тогдашнего города Сургута, характерный для всех строящихся городов округа: «...был похож на многолюдный табор. Вагончики, палатки, полевые кухни, вечерние костры на берегу реки, тысячи людей, занятых строительством и размещением, – так рождался новый город» (Тюменская... 1981: 32).

Люди стремились самостоятельно улучшить жилищные условия: днем работали на производстве, а вечером строили индивидуальные засыпные дома. Об этом ярко свидетельствуют воспоминания первых жителей Нефтеюганска. Вот одно из них: «Когда приехали в Нефтеюганск в 1962 г., то жить было негде. Вместе с семьями Гусевых, Чвановых, Вилковых мы стали строить засыпные дома. Старшие дети помогали нам – ходили на болото, драли мох, которым потом утепляли стены. А болото было рядом, теперь там первый микрорайон. Когда отстроили две квартиры, то тянули жребий – кому первому достанется, работали ведь все одинаково» (Нефтеюганск... 2004: 33).

Балки не имели какой-то стандартной формы – все зависело от фантазии строителей. Возводились и деревянные балки большого размера, на несколько комнат. В таких домах часто жила не одна семья: «К весне 1965 г. стали думать о жилье – как дом построить. В апреле выбрали место в “копай-городе” (сейчас это третий микрорайон). Рядом были контора бурения, общежитие и балки. Деревья рубили там, где сейчас седьмой микрорайон. Построили один большой дом, разделили его на три части – всем по одному окну – и в июне уже перешли в свой дом, а в июле братья привезли свои семьи. Потом построили веранды, баньку рядом. Жили дружно, были довольны и счастливы. Так мы прожили 5 лет» (Нефтеюганск... 1997:

128). Следует добавить, что «копай-город» – это овраг, застроенный в основном землянками и бараками.

Естественно, условия жизни в таких домах были тяжелыми. Житель Нефтеюганска А.В. Рябов рассказывал о суровых условиях жизни в балках в 1966 г.: «В балке не было ни окон, ни двери, зато было по колесу снега. Выгребли снег, достали рамы, дверь, поставили печку-буржуйку, 6 ноября справили новоселье и праздник Великого Октября. Вместо стола был ящик из-под папирос, а стульями служили ящики поменьше. С буржуйкой было много горя, она “ела” много дров. С вечера натопишь – жарко, а утром вода в умывальнике замерзала. Вот так жили всю зиму. Дрова я не успел завезти, и приходилось каждый вечер носить то доску, то бревнышко с пилорамы...» (Нефтеюганск... 1997: 62). Балки не стояли долго. Разливами Оби и Юганской Оби их часто сносило или затапливало. Первооткрыватель западносибирской нефти геолог Ф.К. Салманов писал, что в начале 1960-х гг. в Нефтеюганске «балки, конечно, были не такие, как сейчас. Холодные, темные, тесные, они служили временным пристанищем, и большинство первопроходцев мирились с бытовыми трудностями. Но даже балков не хватало» (Салманов 1988: 199).

В небольших новых городах на 15–30 тыс. чел. строилось катастрофически много балков: на 1 января 1968 г. в Сургуте насчитывалось 1 000 балков, в Нефтеюганске – 1 400, в Урае – 700, в Нижневартовске – 400 (Государственный... 1968: 31). Такие точные цифры являются ценным источником, потому что очень сложно проследить изменения в количестве балков и вагончиков на протяжении изучаемого периода, поскольку советская статистика не учитывала самострой – он не проходил в отчетах в графе «жилищный фонд» и не считался ни индивидуальным деревенским, ни ведомственным жильем. В целом проблема советских трущоб, конечно, всегда была засекреченной (Matthews 1986: 69).

Другим важнейшим элементом организации жилого пространства становились вагончики или вагон-дома. Сегодня в обыденном сознании местных жителей региона вагон-дома рассматриваются тоже как балки, что неверно. Историк В.П. Карпов так описывает жизненное пространство в вагончике: «...из двух по шесть квадратных метров отсеков, разделенных коридорчиком. В каждом отсеке – по четыре холостяка или семья. <...> На шести квадратах – их спальня, на других шести – кухня, столовая, детская...» (Карпов 2012: 22). В 1960-х гг. вагончики были не только местом для жилья, но и сооружениями, где располагались столовые, магазины, помещения больниц и поликлиник.

Горожанин, проживающий в вагончике, не имел личного жизненного пространства, ему приходилось разделять его с другими. Вагончики, произведенные на Ухтинском, Рижском или Вышневолоцком деревообрабатывающих комбинатах, рассчитывались на 6–8 человек. Обычный

вагон-дом состоял из небольшого тамбура (площадью 2,5–3,3 кв. м), двух жилых отделений (8,8–8,8 кв. м), объем каждого – 18,7–18,9 куб. м. Нередко в одной половине вагончика вместо положенных 4 человека проживали 5–6. В вагончике имелось два небольших окна, стены были покрыты пластиком, теплоизолирующий слой пенопласта заполнял пространство между деревянными стенками. Снаружи вагончики обшивались железом или рейкой. Отапливались помещения самодельными электронагревателями, реже – газовыми печами (Гурьев 1977: 89).

Из таких вагончиков создавались целые городки. В конце 1962 г. в Нефтеюганске в Усть-Балыкской нефтеразведочной экспедиции имелось 70 вагон-домов, из которых 21 вагон использовался под общежития, в 45 размещались семьи рабочих и служащих, 4 вагона были заняты под санитарные и другие помещения (Нефтеюганск... 2004: 31). В 1967 г. в Нефтеюганске имелось уже 795 жилых вагончиков: на Усть-Балыкскую нефтеразведочную экспедицию приходилось 248, на нефтепромысловое управление «Юганскнефть» – 199, строительное управление № 10 – 41, на другие организации – 307 (Государственный... 1967: 106). Условия жизни в вагончике были не лучше, чем в балке: «Вскоре получили долгожданное гнездо – привезли пару вагончиков, установили в городке “разведчиков” и стали жить-поживать в вагончике по восемь человек – койки в два яруса, в тамбуре буржуйка, которую нужно топить всю ночь, но утром одеяла и подушки все-таки примерзали к стенкам вагончика» (Нефтеюганск... 1997: 72–73).

Помимо балков и вагончиков элементами трущобного пространства также выступали бараки, дома-цилиндры, или бочки. Тип временной застройки зависел от ведомства. Энергетики, например, расселились в поселке из домиков ПДУ (передвижной дом-универсал). Железнодорожные строители преимущественно располагались в линейных домах сборно-разборного типа серии «БАМ» (передвижные домики, которые использовались на строительстве Байкало-Амурской магистрали) (Авимская 2006: 118). Однако такого «разнообразия» временного жилья было не так много, и у всех ведомств большинство временного жилищного фонда приходилось на балки и вагончики.

К концу 1960-х гг. в городах нефтедобывающих районов Сибири началось капитальное типовое строительство. Многие горожане смогли переехать из балков в благоустроенные квартиры в пятиэтажках. Однако количество временного жилья не сокращалось. Конечно, капитальное строительство уменьшало долю неблагоустроенного жилья в городах. Но с ростом населения на эту уменьшающуюся долю приходилось все больше и больше балков, вагончиков и другого неблагоустроенного жилья, так как миграция в регион только нарастала, и тысячам приезжающих нужно было где-то жить. В абсолютных цифрах людей, проживающих во временном жилье, и самих временок становилось все больше.

Если в 1960-х гг. временный жилой фонд создавался в сердце рождающего города, был его архитектурно-планировочным базисом, то в 1970-е гг. стесненные капитальным строительством балки стихийно разрастались на периферии городов в виде ведомственных поселков. На 1 января 1975 г. более 20 тыс. жителей Сургута, Нижневартовска и Нефтеюганска проживали в вагончиках и балках: в Нижневартовске насчитывалось 2 212 балков и 228 вагончиков, а в Сургуте 1 300 балков и вагончиков (ГАТО 1975: 30, 71, 73). В рабочих и вахтовых поселках – Мегионе, Пойковском, Мамонтово – временки стали основным элементом застройки, их насчитывалось тысячи.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. региональное правительство разработало первые планы по сносу временного жилья. 21 июня 1968 г. вышло постановление бюро Тюменского обкома КПСС «О ходе строительства социальных и культурно-бытовых учреждений в нефтегазодобывающих районах области» (Государственный... 1968: 13–19). Постановление запрещало строительство в городах временного нетипового жилья, а ведомствам предписывалась ликвидация в течение 1968–1969 гг. всех приспособленных под жилье временных зданий. Однако на это постановление ведомства не обратили никакого внимания.

30 июня 1970 г. Тюменским облисполкомом было принято решение «О сносе аварийного жилого фонда по городам и районам области в 1971–1975 годах» (ГАТО 1971: 54, 446–453). План сноса бараков и аварийного жилого фонда предусматривал снести: Главтюменнефтегазу (нефтяники) – 3 565 балков (53 475 кв. м), Главтюменнефтегазстрою (строителям) – 166 (7 684 кв. м) и Главтюменгеологии (геологам) – 12 (720 кв. м) (447, 453). Решение Тюменского облисполкома «О мерах по дальнейшему улучшению жилищного и культурно-бытового обслуживания трудящихся городов Нижневартовска, Сургута, Нефтеюганска и Надыма» от 21 мая 1975 г. обязывало горисполкомам обеспечить в течение 1975–1978 гг. переселение семей, проживающих в балках, вагончиках и бараках, в благоустроенные жилые дома, а также способствовать прекращению самовольного строительства временок, запрещало всем организациям и предприятиям дальнейшую установку вагончиков на городской территории (1975: 34).

Но городские власти были не в состоянии исполнить эти решения, поскольку все ресурсы и механизмы жилищного строительства находились в ведомственных руках. Принимаемые решения ведомства попросту игнорировали и возводили новые вагон-городки, заселяли их или потворствовали возведению балков. По воспоминаниям энергетика и архитектора Ю.В. Дворникова, Сургутский горисполком и горком сами способствовали появлению балков: «Если где-то какая-то задержка была с освоением земельного участка под строительство балков, любому руководителю предприятия шею свернули бы запросто. Даже по этому

поводу» (Интервью с Дворниковым... 2015). Однако, по мнению В.Ю. Дворникова, нельзя сказать, что власти поощряли возведение балков: «Ну как поощряли, все понимали, что это убожество, это неправильно, но какой выход другой есть?» (Интервью с Дворниковым... 2015). Поскольку другого жилья не было, городским властям приходилось осуществлять регистрацию населения в балках и вагончиках, по факту – в незаконных строениях. В целом в 1970-е гг. количество семей, проживающих в балках, увеличилось. Так, по данным советского академика А.Г. Аганбегяна, в 1979 г. в балках и вагончиках главного нефтяного ведомства региона – Главтюменнефтегазе – проживали более 18 тыс. семей, что было вдвое больше, чем 5 лет назад (ГАСПИТО 1979: 118).

Единственным городом в 1970-е гг., где количество временного жилья сокращалось, был Урай. Этому способствовали стабилизация роста населения и спад миграции в город. К 1971 г. в Урае были снесены все землянки, но 740 семей продолжали жить в балках, 165 – в вагончиках, 88 – в пришедших в негодность бараках, 216 – во временных каркасно-засыпных домах. В 1973 г. в Урае были ликвидированы все вагончики, оставалось 310 балков из 1 700, насчитывающихся в конце 1960-х гг. (ГАСПИТО 1972: 55; 1973: 14).

В отличие от балков и вагончиков, проблему бараков и подвальных жилых помещений удалось решить относительно быстро. В Тюменской области в 1975 г. их имелось на 55,3 тыс. кв. м общей площади. В 1980 г. их площадь уменьшилась до 24,5 тыс. кв. м, а в 1983 г. они были практически ликвидированы – 0,7 тыс. кв. м (ГАСПИТО 1984: 75).

В 1980-х гг. проблема трущоб резко усилилась. Связанно это было с новой программой нефтегазового освоения, утвержденной постановлениями ЦК КПСС и Совета министров СССР в 1978 и 1980 гг. Масштабное строительство и новая волна стихийной миграции привели к тому, что в крупных городах округа – Сургуте, Нижневартовске, Нефтеюганске – появились настоящие трущобы из балков и вагончиков. По данным Главтюменнефтегаза, в 1982 г. в Нижневартовске 18,3% нефтяников и их семей проживали в балках и вагончиках, в Сургуте – 34,5%, в Нефтеюганске – 9,6%, в Урае – 0,5%, в новых рабочих поселках – 48,5% (Гапонова 1986: 146). Согласно социологическим паспортам городов округа, в 1982 г. в Нижневартовске насчитывалось 4 663 балков и 1 685 вагончиков, в Нефтеюганске – 200 и 1 500, в Мегионе – 1 582 и 981, в Нягани – 56 и 1150, в Радужном – 596 и 609. В 1982 г. меньше всего временного жилья насчитывалось в Урае (42 балка) и Ханты-Мансийске (39 балков) (ГАСПИТО 1982: 5–48).

Если учесть, что в среднем в одном балке жило 2–3 человека, а в вагончике 6–8 человек, то станут понятны масштабы проблемы. По подсчетам разных исследователей, в Нижневартовске в середине 1980-х гг.

свыше 40 тыс. человек проживали в балках и вагон-домах (Аверин, Антропов 1988: 40; Хромов, Корнев 1988: 39). Столько же неблагоустроенного жилья было в Сургуте. Учитывая, что население Сургута и Нижневартовска к этому времени достигло 200 тыс. чел., то получается, что в балке или вагончике проживал каждый пятый горожанин. Сургутский градоначальник Н.Г. Аникин вспоминал: «Когда я работал председателем горисполкома (1979–1981 гг.), по инвентаризации насчитывалось 36 тысяч балков!» (Аникин 2005: 123). Скорее всего, это преувеличенная цифра, но она характеризует ощущение масштабности, возникавшее от распространившихся трущоб. Основная масса людей, проживавших в балках в 1990-х гг. и сегодня, заселилась в них в 1980-е гг. По данным горисполкома, в Сургуте в сентябре 1990 г. насчитывалось 562 семьи, проживавших во временном жилье 10 лет, 2 208 семьи – более 7 лет, 2 105 заселились до 1986 г., а 1 074 – в последние три года (Зорин, Трутнев 1993: 112). По данным института ЛенЗНИИЭП, на 1 января 1986 г. доля временного жилья с низкой степенью благоустройства в районе Среднего Приобья составляла около 20% от общего объема (Миленина, Морозова, Смирнов 1988: 12). То есть около 20% жителей городов нефтедобывающих районов Западной Сибири жили во временном жилье.

В пространственном отношении города нефтедобывающих районов Сибири полностью окружались трущобами. Временные поселки, вагон-городки, балки, склады и гаражи размещались на территориях, предназначенных для капитальной застройки и общегородского центра, набережных и зеленых массивов городов. В 1980-х гг. в северо-восточной части Нефтеюганска образовался обширный ареал индивидуальной жилой застройки (микрорайон 11А), к которому с южной стороны прилегал 11-й микрорайон, состоявший из хаотично построенных двухэтажных брусчатых домов. Трущобы Нефтеюганска были отделены от капитальных микрорайонов промышленной зоной. Самые большие трущобы были в Нижневартовске. Вокруг капитальных районов Нижневартовска – Западного и Центрального – образовалось три ареала временного и неблагоустроенного жилого фонда: 1) самый большой располагался на территории западной промышленной площадки; 2) с востока чуть меньше по занимаемой площади и количеству временного жилья – район Старого Вартовска; 3) юго-западная часть города вдоль реки Большая Рязанка (Клевакин 2008: 51). Корреспонденты центральной советской газеты «Правда», прибывшие в 1986 г. в нефтегазодобывающие районы Западной Сибири, отмечали в своих репортажах: «Где еще можно увидеть целые районы балков (жилых сарайчиков) с населением в десятки тысяч человек? Пожалуй, только в Нижневартовске, Новом Уренгое и других молодых городах Тюменского Севера» (Кузьмищев, Лисин, Овчаренко 10 декабря 1986).

Представляется, что было три причины появления трущоб и роста временного жилого фонда в 1980-х гг. Первая причина, самая главная, была связана с нерешенностью жилищного вопроса в обстановке массовой миграции в регион. Страшный дефицит благоустроенного жилья ставил тех, кому это жилье не досталось, перед выбором: либо возвращаться назад – на «большую землю», либо заселяться в балок (который часто приходилось самому строить) или вагончик. Во-вторых, увеличение временного жилищного фонда было прямо пропорционально росту капитального строительства: строителям приходилось где-то жить, поэтому при больших стройках возводились временные балки и вагонгородки, которые становились постоянными. Третья причина была следствием директив Постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР от 20 марта 1980 г., в котором особое значение придавалось созданию вахтовых пунктов расселения и, в силу этого, поставке ведомствам деревянных домов, передвижных вагон-домов и помещений контейнерного типа (6, 9, 13 тыс. штук соответственно в 1981–1983 гг.). Ведомства не только строили из них вахтовые поселки, но и ставили в городах. Кроме того, города, созданные в 1980-х гг. (Лангепас, Пыть-Ях, Радужный, Нягань, Покачи и другие), формировались на базе вахтовых поселков, которые строились в основном из временного жилфонда, поэтому и в этих городах наличие неблагоустроенного жилья было неизбежным (в Нягани в балках и вагончиках жили более 8 тыс. чел., в Покачи – свыше 4 тыс. чел.).

Региональные власти в лице Тюменских обкома и облисполкома к концу 1980-х гг. вновь принялись за реализацию программ по сносу временного жилья. Во второй половине 1980-х гг. балки и вагончики стали сноситься в большем объеме, чем прежде, а семьи, живущие в них, переселялись в капитальное жилье. При снижении миграционного потока эта мера дала некоторые положительные результаты. Так, за 1986–1990-е гг. в Сургуте было переселено из временного жилья 5 007 семей. Однако это были локальные достижения. В целом жилищная проблема не решалась, на месте снесенного временного жилья постоянно ставились новые балки.

Трущобы как решение жилищной проблемы

Каковы были социальные и технические механизмы создания балков? Ведомства видели в балках своеобразную социальную гарантию на жилье для приезжающих рабочих. В отличие от развивающихся стран и стран третьего мира, в нефтедобывающих районах советской Сибири трущобы создавались не нищими и не выступали пространствами бедноты. Как правило, в трущобы селились квалифицированные рабочие и инженеры, которым попросту не хватило государственного благоустроенного жилья, и они становились в очередь на его получе-

ние. У промышленных организаций в нефтедобывающих районах Сибири часто вообще отсутствовало какое-либо жилье для новых рабочих, которые только-только приехали с «большой земли». Получение государственной или ведомственной квартиры затягивалось не на один год. По этой причине связь между бедностью и возникновением трущоб (slum-dwelling), столь характерная для капиталистических стран, в Советском Союзе была ослаблена (Matthews 1986: 68).

Таким образом, трущобы при отсутствии благоустроенного жилья становились социальным инструментом, который способствовал закреплению рабочих за организацией. Предприятия выдавали принятому на работу готовый балок, но чаще работодатели выделяли рабочему инструменты и материалы для его строительства. Сценарий действий работодателей и рабочих был следующим: «Люди нужны, квартир нету. Вот приезжает человек, говорит: “Хочу работать”, – ему говорят: “Вот на тебе машину опилок, машину обрези и за жилье не спрашивай”. Хочет человек: сам построил, засыпал опилки, живет и работает» (Интервью с Дворниковым... 2015). Если ведомство не могло предоставить жилье или необходимые для возведения балка материалы, благодаря которым рабочий смог бы построить себе временку, то это выступало весомым основанием отказа в приеме на работу. Либо, наоборот, наличие материалов для возведения балка способствовало получению работы: «Я уже в 80-х годах работал, прорабом был, вот также поступал, приходит работяга, говорит: “Хочу работать”, – ну я говорю: “Ну иди там” [имеется в виду к руководству. – И.С.]. Они говорят: “Они хотят у тебя спросить, нужен ли я как специалист здесь”, – я говорю: “Ну, нужен”. А жилья нету. Звонит начальник или главный инженер: “Машину опилок найдешь?” – “Найду”. “Машину досок найдешь?” – “Ну, найду”. – “Все, принимаем на работу»» (2015). Так действовали на всех предприятиях, в силу чего этот процесс принимал хаотичные и стихийные формы.

Часто материалы и инструменты для постройки балка просто воровались с предприятий: «Вот так жители балков, подходит работяга: “Дай доску?” – “В этом месяце не могу, в следующем дам”. – “Мне щас надо”. – “На щас, но потом украдешь где-нибудь, мне принесешь”. Вот и все. Ну, он также подойдет к другому начальнику цеха: “Ну, дай доску”. – “Ну на”» (2015). От количества найденного материала зависели комфорт и размер балка: «Кто на что горазд был. Я украл десять досок – одна комната, удалось двадцать украсть – у меня две комнаты будет, а тридцать – и кухня будет с тамбуром» (2015). В 1972 г. прокурор Тюменской области Б.И. Рыбников заявлял: «В городах Тюмени, Сургуте, Нижневартовске в результате самовольного строительства появлялись целые поселки. Своевременных мер к пресечению этих фактов со стороны административных органов и местных Советов не прини-

малось. <...> Даже руководители некоторых предприятий, общественных организаций факты мелких хищений рассматривают как нечто обычное, без чего не обойдешься» (ГАТО 1972: 33). Поселки из балков становились вне рамок социалистической законности: воздвигнутые самовольно на государственной земле без учета всяких норм и правил, чаще всего они строились из похищенных материалов.

Процесс строительства балка был относительно простым: «Вот самый простой фундамент, берешь четыре ската, засыпаешь туда щебень, чтобы твердо было, – и все. И обвязку из бревна или из бруса делаешь понизу, потом стойки ставишь, потом верхнюю обвязку делаешь, одну сторону обшиваешь доской, а вторую сторону параллельно доской и засыпаешь, и засыпаешь, и засыпаешь [между досками засыпались опилки, которые выступали утеплителем стен. – *И.С.*], потом делаешь завалинку, чтобы в полах не было опилок, это дефицит был опилки, делаешь просто завалинку, чтобы не дуло. Ну и крышу. Потом обвели это дело рубероидом, или толью, или кто че нашел, чтобы не продувало и не выдувало опилки, – и все. Больше ничего не было» (Интервью с Дворниковым... 2015). Балок обычно помогали строить коллеги по новой работе либо друзья. В зависимости от количества помощников возведение балка занимало 2–3 дня, особенно если человек устраивался на работу, а ему спать было негде.

Помимо индивидуального строительства балков одним или несколькими работниками, нередко поселки из балков возводились ведомствами централизованно. Вспоминает архитектор В.И. Унжаков: «Вы знаете, как появлялся балок? Я вам сейчас расскажу. Вот есть улица Мира, идет. По улице Мира должен был проходить водовод. Не было еще никакой улицы Мира. Марчук был председателем горисполкома. Вот ничего не было – будет водовод здесь. Марчук приехал, посмотрел, ну, все нормально, все строить будем. Через неделю на этом водоводе стояло сотня-полторы балков. На водоводе. И для того, чтобы его построить, надо было все эти балки снести. И всем дать квартиры. <...> Он [имеется в виду строитель-житель балка. – *И.С.*] его сбивает где-то в стороне, ставит на салазки, по темноте трактором или чем-то приносит, ставит, быстро уезжает, он заселяется и живет, как будто он там всю жизнь живет. Все» (Интервью с Унжаковым... 2015). Благодаря такому методу переброски балков мгновенно осуществлялось ведомственное расселение вновь прибывших партий рабочих и их семей в пределах городского пространства.

Понятно, что в таких трущобах о какой-либо предметной роскоши или богатстве интерьера можно было и не мечтать: «Минимальное все было, по минимуму, потому что большой дом быстро не построишь, его же и топить еще надо, а чем больше дом, тем больше тепла надо, тем больше забот. Также из досок кровати сбивали, шифоньеры сбива-

ли» (Интервью с Дворниковым... 2015). В экспозициях региональных музеев внутреннее убранство балка представлено простой железной кроватью, керосиновой лампой, телогрейкой на гвоздике (Карпов, Гаврилова 2011: 86).

Значительной проблемой для городских властей было благоустройство временных поселков. Канализация представляла собой дворовые санузлы. В вагон-городках и районах индивидуальной застройки сброс стоков иногда производился прямо под вагоны и дома. Ассенизационные обозы при этом часто не создавались, не организовывался регулярный вывоз нечистот. В итоге это вело к ухудшению санитарного состояния населенных пунктов.

Балки отапливались дровяной печкой из кирпича. Складывались маленькие топочки, от которых на улицу выводили трубу. В начале 1980-х гг. стали проводить централизованное отопление. Электричество в балках появлялось практически сразу, потому что его провести было не так сложно. Воду к балкам подвозили в определенное время, по графику.

Тротуарная и дорожная сеть внутри таких трущоб практически всегда имела хаотичную структуру. Дороги были преимущественно грунтовыми, а где-то и вовсе отсутствовали. Жители Сургута до сих пор вспоминают о временном поселке Таратыновка, состоявшем из хаотично возведенных домиков, между которыми были грязь и болото, а также пролежала деревянная дорожка: «Когда нефтяники сносили ее, Таратыновку, – это была гора вот такая мусора, бульдозером столкнутая. А Таратыновка – это был район, где даже при температуре +30°C в июле месяце, если оступился с мунстров, можно было по колено утонуть в грязи. На болоте стоял» (Интервью с Унжаковым... 2015).

Трущобы из балков и вагончиков не имели статичной зафиксированной структуры, а постоянно меняли свои очертания, особенно это касалось границ временной застройки, которая тяготела к расширению. Хаотичная застройка обуславливала и хаотичное распределение номерами на домах. Рядом могли стоять балки под номерами 2 и 98. В силу этого незнакомцу невозможно было найти нужный дом. Среди жителей трущоб это вызывало серьезные недовольства. Например, в 1979 г. во время социологического исследования среди работников объединения «Сургутнефтегаз» опрошенные неоднократно указывали на разбросанность и хаотичность вагончиков, из-за чего почта не может найти адресата, а «скорая помощь» – отыскать источник вызова (Гапонова 1986: 144–145).

Изменения в архитектуру балков вносились постоянно. Однако пристройки к домикам стали характерны для более позднего периода – в 1980-е гг.: «Просто потом, со временем, кто долго живет, кому не светит квартира, начали пристраивать себе что-то, какой-то комфорт создавать уже» (Интервью с Дворниковым... 2015). В целом в мировой науке отмечается стадиальность возведения и эволюции самостроя:

первоначально застройщики чаще и охотнее используют относительно примитивные технологии прошлого времени или «суррогатные» материалы, из-за чего размер построек оказывается минимальным, а впоследствии, при определенном уровне развития производства, более применяются конструкции заводского изготовления, постройки становятся значительно крупнее, появляется современная инфраструктура (Бурцев 2014). Трущобы в городах нефтедобывающих районов Сибири также прошли эти стадии развития. В постсоветское время в некоторых временных поселках были проложены инженерные сети, проведены дороги, улучшилась планировка домов. Однако это были единичные случаи, которые в совокупности не способствовали трансформации трущоб в благоустроенные районы.

Заключение

Исследования последних лет свидетельствуют о большой значимости «самостоятельно выстроенного жилья для формирования социальной идентичности субъектов, процессов социального воспроизводства, о том, что архитектура этого жилища является своеобразным текстом, отражающим стиль жизни его владельцев» (Бурцев 2014). Само понятие «балок» в общественном дискурсе 1960–1980-х гг. применялось только для обозначения самостроя на нефтегазовом Севере Западной Сибири, в редких случаях так называли временки в других регионах страны. Таким образом, балки были особенностью нефтегазового Севера Западной Сибири, выступали типичным элементом вернакулярной архитектуры, которая характеризовалась народными постройками, отражающими специфику определенной местности – климат, материалы, многолетние традиции, социальную идентичность.

Балки становились важнейшим источником общегородской и ведомственной идентификации многих жителей нефтедобывающих районов Западной Сибири. Корреспондентов газеты «Правда» в 1986 г. возмутил один случай: «Год назад один нижевартовский семиклассник написал в сочинении: “Я очень люблю свой город. Когда я отслужу в армии, обязательно вернусь в Нижневартовск и построю свой балок”» (Кузьмищев и др. 15 декабря 1986). Корреспонденты задавались вопросом: «Почему они [юные горожане. – И.С.] вынуждены свои планы связывать не с благоустроенными квартирами, а с балками?» (15 декабря 1986). На страницах «Правды» ответ на этот вопрос связывался с неудовлетворительным ведомственным руководством строительства Западно-Сибирского нефтегазового комплекса, когда на первый план ставились производственные планы, а по остаточному признаку – возведение жилья и социокультурных объектов. Однако это была лишь «экономическая» причина, о которой вряд ли задумывался семиклассник.

Скорее, балок для школьника виделся уже как родной дом, в котором живут его семья, друзья, проходит его детство. С такой внутренней позиции балок и трущобы виделась «малой родиной», «кровным пространством», «объектом любви», а для повзрослевших поколений – очагом воспоминаний, ушедшей романтикой и основой самоидентификации. За 30 лет, с 1960-х гг., появились тысячи семей, связавших с балком значительную часть своей жизни, зачастую лучшую – молодость. Балок выступал социальным фильтром, который оставлял в регионе психологически и физически сильнейших, видевших здесь свое будущее, а тех, кто не справлялся с тяжелыми жилищными условиями и не был готов к Северу, возвращал домой на «большую землю». Но в целом плохое жилье продолжало оставаться главной причиной оставления рабочими нефтедобывающих районов Сибири и возвращения на прежние места проживания (Hausladen 1990: 39).

Учитывая такую форму социальной и городской идентичности, местные жители хоть и были недовольны временным жильем, в общественном и обыденном дискурсе того периода балки и вагончики не вызывали ярко выраженную отрицательную коннотацию, потому что временки и были родным домом, и выступали хоть каким-то средством решения жилищного вопроса. По мнению некоторых современников, трущоб в Сургуте не было: «Вот для постороннего человека, наверное, были, а поскольку это все у меня на глазах, я считаю, что нет. Потому что это вынужденная временная мера, ну как на партийных съездах говорят, без пафоса сказать, это вынужденная была мера временная. Она затянулась. Затянулась только потому, что воли наших руководителей не хватило ее решать» (Интервью с Дворниковым... 2015). Однако есть и современники, не стесняющиеся говорить о том, что в Сургуте были трущобы. Например, архитектор В.И. Унжаков указывал, что известная Таратыновка была трущобами. Но надо иметь в виду, что те, кто делает акцент на трущобности городского пространства Севера Западной Сибири только в отрицательной коннотации, зачастую не имеет опыта жизни в балках и вагончиках – они просто по-человечески не полюбили их.

Таким образом, нефтегазовое освоение Западной Сибири в 1960–1980-е гг. осуществлялось в том числе посредством стихийного и хаотичного строительства жилого пространства в форме временных поселков и трущоб, состоящих в основном из балков и вагончиков. Министерства и ведомства либо сами возводили трущобы, либо способствовали их строительству для своих рабочих. Трущобы становились временным решением жилищной проблемы для многих рабочих и инженеров, прибывающих трудиться в нефтедобывающей промышленности Сибири. Показанный самострой жилья дает основания говорить о псевдо- или квазиурбанизационных процессах в советской Сибири. Однако

в сравнении с трущобами развивающихся стран – Индии, Бразилии и Китая – самострой в Советском Союзе не обладал такими грандиозными масштабами. Вместе с тем балки и вагончики формировали городскую идентичность, в категориях которой выросло не одно поколение советских граждан с особой культурой и социальностью.

Литература

- Аверин А.Н., Антропов Е.П.* Западная Сибирь: социальная инфраструктура районов освоения. М.: Сов. Россия, 1988. 112 с.
- Авимская М.А.* Строительство железнодорожной магистрали Тюмень–Сургут–Нижневартовск–Уренгой и его социокультурное обеспечение (сер. 1960-х – сер. 1980-х гг.): дис. ... канд. ист. наук. Сургут, 2006. 236 с.
- Аникин Н.Г.* Живи, любимый город! // Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 121–123.
- Бурцев А.Г.* К теоретическим основаниям изучения истории самодеятельного строительства жилья в России // Архитектон: известия вузов. 2014. № 47. URL: http://archvuz.ru/2014_3/4 (дата обращения: 23.09.2015).
- Гапонова Т.Г.* Жилищные условия на Тюменском Севере // Социологические исследования проблем города и жилища (1970–1980 гг.). Новосибирск: Наука, 1986. С. 142–147.
- Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО).* Ф. 124. Оп. 1. Д. 4917. Документы к протоколу № 6 заседания бюро обкома КПСС (повестка дня, проекты постановлений, справки) за 1968 г.
- ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 6879. Переписка обкома КПСС с министерствами, ведомствами, центральными учреждениями и организациями о развитии нефтяной, газовой промышленности и геологии за 1979 г.
- ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7610. Социологические паспорта городов, районов, рабочих поселков Тюменской области за 1982 г.
- ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 1. Д. 7955. Письма обкома КПСС в Совет Министров СССР, РСФСР, Госплан СССР о развитии государственного, хозяйственного и культурного строительства за 1984 г.
- ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2272. Квартальные планы работы отдела, информации, справки партийных комитетов по выполнению постановлений окружкома КПСС по вопросам промышленности, строительства и транспорта за 1972 г.
- ГАСПИТО. Ф. П107. Оп. 1. Д. 2288. Годовой план работы отдела, информации партийных комитетов о выполнении постановлений ЦК, обкома, окружкома КПСС, Совета Министров СССР по вопросам работы промышленности, строительства, транспорта за 1973 г.
- Государственный архив Тюменской области (ГАТО).* Ф. 814. Оп. 1. Д. 4525. Документы (решения исполкомов, протоколы, планы, бюджеты, схемы, карты, справки) по административно-территориальному делению области за 1967 г.
- ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5041. Протокол № 11 заседания облисполкома (решения № 384–428) за 1971 г.
- ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5156. Протокол VII сессии XIII созыва Тюменского областного Совета депутатов трудящихся за 1972 г.
- ГАТО. Ф. 814. Оп. 1. Д. 5545. Протокол № 9 заседания исполкома, решения № 306–330 исполкома, документы к ним за 1975 г.
- ГАТО. Ф. 1933. Оп. 1. Д. 15. Документы Госстроя СССР и переписка с ним по вопросам строительства и архитектуры. Б.д.
- Гурьев В.И.* Санитарно-гигиеническая характеристика условий труда и быта рабочих предприятий Главтюменгеологии при глубоком разведочном бурении в условиях Крайнего

- Севера и Среднего Приобья Тюменской области // Медико-биологические проблемы вахтенного труда в условиях Тюменского Севера. Новосибирск, 1977. С. 87–89.
- Зорин Л.З., Трутнев А.Н.* Сургутский вариант. М.: Недра, 1993. 176 с.
- Интервью с Дворниковым Владимиром Юрьевичем* – заместителем директора департамента архитектуры и градостроительства Администрации г. Сургута в 2002–2012 гг. 23.03.2015 г. Личный архив автора.
- Интервью с Унжаковым Виктором Ивановичем* – заместителем директора филиала ЛенЗНИИЭП в г. Сургуте в 1975–1989 гг., главным архитектором г. Сургута (1989–2000 гг.). 26.03.2015 г. Личный архив автора.
- Карпов В.П.* Анатомия Тюменского подвига // Родина. 2012. № 8. С. 20–23.
- Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю.* Повседневность Тюменского Севера в 1960–1980-е годы // Горные ведомости. 2011. № 1 (80). С. 84–96.
- Клевакин А.Н.* Сибирский город в эпоху перемен. Новосибирск: Наука, 2008. 116 с.
- Кузьмищев В., Лисин В., Овчаренко Г.* Контрольная для исполкома. Экспедиция «Правды» в Западную Сибирь // Правда. 1986. 15 декабря.
- Кузьмищев В., Лисин В., Овчаренко Г.* Надежен ли тыл? // Правда. 1986. 10 декабря.
- Миленина Э.А., Морозова К.И., Смирнов В.И.* Проблемы реализации градостроительных предложений в проектировании и строительстве городов и вахтовых поселков // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сб. науч. трудов. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. С. 11–22.
- Нефтеюганск: воспоминания, документы, публикации.* Екатеринбург: Архитектон, 1997. 131 с.
- Нефтеюганск: Усть-Балыкская нефтеразведочная экспедиция (1958–1972 гг.).* Нефтеюганск, 2004. 84 с.
- Салманов Ф.К.* Сибирь – судьба моя. М.: Мол. гвардия, 1988. 318 с.
- Тюменская стройка.* М.: Недра, 1981. 175 с.
- Хромов Ю.Б., Корнев В.И.* поэтапное формирование северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // Вопросы реализации градостроительных предложений в Западной Сибири: Сб. науч. трудов. Л.: ЛенЗНИИЭП, 1988. С. 31–46.
- Connor W.D.* Deviant Behavior in Capitalist Society – The Soviet Image // The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science. 1971. Vol. 61, is. 4. P. 554–564.
- Davis D.* Planet of Slums. London, New York: Verso. 2006. 228 p.
- Hausladen G.* Siberian Urbanization since Stalin. Final report to National Council for Soviet and East European research. University of Nevada, Reno, 1990. 111 p.
- Matthews M.* Poverty in the Soviet Union: The Life-styles of the Underprivileged in Recent Years. New York: Cambridge University Press, 1986. 227 p.
- Spodek H.* Studying the History of Urbanization in India // Journal of Urban History. 1980. Vol. 6, № 3. P. 251–295.

Статья поступила в редакцию 4 февраля 2017 г.

Stas Igor N.

URBANIZATION THROUGH SAMOSTROY: SLUMS IN OIL-PRODUCING REGIONS OF SOVIET SIBERIA IN THE 1960S TO THE 1980S*

Abstract. The article explores the formation of slums in oil-producing regions of Siberia in the Soviet period. The work is based on the analysis of archival documents from the two main archives of the West Siberian oil and gas complex – the State archives of the Tyumen region and the State archives of socio-political history of the Tyumen region. The author conducted field research in the slums of cities in oil-producing regions of Siberia and interviewed experts on urban planning in the region. The novelty of the work lies in the fact that in Russian

and foreign historiography there was virtually no research devoted to the formation of slums in the process of urbanization of the Soviet Union. In this article the author tries to show the mechanisms of creation of slums in the USSR cities through the example of oil and gas development in Siberia from the 1960s to the 1980s. The study shows that the emergence of slums resulted from the policy of the Soviet government, ministries, and departments (geologists, oilmen, and builders) that operated the oil region of Siberia. The urbanization developed uncontrollably here due to spontaneous and chaotic migration of huge numbers of workers whom the departments prompted to come and build the oil production complex in Siberia, whereas there was not enough decent housing available for everyone. Slums constituted a social mechanism of dealing with the housing problem. The departments themselves often built slums for their workers, and the slums would ultimately become the most important source of citywide and departmental identification for many city residents in the oil-producing areas of Siberia. Slums as a basis for self-identification acted as a social filter which ensured that only those who were best prepared, both psychologically and physically, and who linked their future with Siberia, would stay in the oil region.

Keywords: slums, urbanization, departments, oil and gas development, Siberia

* The article is written with financial support from Russian Foundation for the Humanities, project # 16-31-01014, titled 'The development of historical urban studies in Russia: theory and historiography of Soviet urbanization'.

DOI: 10.17223/2312461X/16/6

References

- Averin A.N., Antropov E.P. *Zapadnaia Sibir': sotsial'naiia infrastruktura raionov osvoeniia* [Western Siberia: the social infrastructure of development areas]. Moscow: Sov. Rossiia, 1988.
- Avimskaja M.A. *Stroitel'stvo zheleznodorozhnoi magistrali Tiumen' – Surgut – Nizhnevar-tovsk – Urengoi i ego sotsiokul'turnoe obespechenie (ser. 1960-kh – ser. 1980-kh gg.)* [The construction of the Tyumen - Surgut - Nizhnevartovsk - Urengoy railway and its social and cultural security (from the mid-1960s to the mid-1980s)]: dis. ... kand. ist. nauk [A dissertation for the 'Candidate of History' degree]. Surgut, 2006.
- Anikin N.G. Zhivi, liubimyi gorod! [Live, favourite city!], *Glavtiumenneftegaz: 40-letniaia istoriia Glavka v svidetel'stvakh ochevidtsev, vospominaniiakh, dokumentakh i fotografi- iakh* [Glavtiumenneftegaz: the 40-year history of the Chief Directorate through eyewitnesses' accounts, memoirs, documents, and photographs]. Tiumen': Mandr i Ka, 2005, pp. 121-123.
- Burcev A.G. K teoreticheskim osnovaniim izucheniia istorii samodeiatel'nogo stroitel'stva zhil'ia v Rossii [Towards the theoretical foundations of studying the history of self-help housing construction in Russia] // *Arhitekton: izvestiia vuzov*, 2014, no. 47. Available at: http://archvuz.ru/2014_3/4 (Accessed 21.04.2015).
- Gaponova T.G. Zhilishchnye usloviia na Tiemenskom Severe [Living conditions in the Tyu- men North] // *Sotsiologicheskie issledovaniia problem goroda i zhilishcha (1970-1980 gg.)* [Sociological research into the problems of cities and housing (1970-1980)]. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 142-147.
- Gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii Tiimenskoi oblasti* (GASPITO) [The state archives of socio-political history of the Tyumen region] F. 124, in. 1, c. 4917.
- GASPITO*. F. 124, in. 1, c. 6879.
- GASPITO*. F. 124, in. 1, c. 7610.
- GASPITO*. F. 124, in. 1, c. 7955.
- GASPITO*. F. P107, in. 1, c. 2272.
- GASPITO*. F. P107, in. 1, c. 2288.

- Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti (GATO)* [The state archives of the Tyumen region]. F. 814, in. 1, c. 4525.
- GATO. F. 814, in. 1, c. 5041.
- GATO. F. 814, in. 1, c. 5156.
- GATO. F. 814, in. 1, c. 5545.
- GATO. F. 1933, in. 1, c. 15.
- Gur'ev V.I. Sanitarno-gigienicheskaia kharakteristika uslovii truda i byta rabochikh predpriatii Glavtiumen'geologii pri glubokom razvedochnom burenii v usloviakh Krainego Severa i Srednego Priob'ia Tiumenskoj oblasti [The description of sanitary-hygienic conditions of work and life of workers at Glavtyumengeologia enterprises conducting deep exploratory drilling in the Far North and Middle Ob regions in the Tyumen region], *Mediko-biologicheskie problemy vakhtennogo truda v usloviakh Tiumenskogo Severa* [Medical-and-biological problems associated with shift work in the Tyumen North]. Novosibirsk, 1977, pp. 87-89.
- Zorin L.Z., Trutnev A.N. *Surgutskii variant* [The case of Surgut]. Moscow: Nedra, 1993.
- Interv'iu s Dvornikovym Vladimirom Iur'evichem* – zamestitelem direktora departamenta arkhitektury i gradostroitel'stva Administratsii g. Surguta v 2002–2012 gg. Data 23.03.2015 g. Lichnyi arkhiv avtora [An interview with Dvornikov Vladimir Yurievich, Deputy Director of the Department of architecture and urban planning at the Surgut administration office, held the post from 2002 to 2012. Dated 23 March 2015. Author's personal archive].
- Interv'iu s Unzhakovym Viktorom Ivanovichem* – zamestitelem direktora filiala LenZNIIEP v g. Surgute v 1975–1989 gg., glavnym arkhitekotorom g. Surguta (1989–2000 gg.). Data 26.03.2015 g. Lichnyi arkhiv avtora [An interview with Unzhakov Viktor Ivanovich, Deputy Director of LenZNIIEP branch in Surgut, held the post from 1975 to 1989, and Chief Architect of Surgut, held the post from 1989 to 2000. Dated 26 March 2015. Author's personal archive].
- Karpov V.P. Anatomiiia Tiumenskogo podviga [The anatomy of the Tyumen achievement], *Rodina*, 2012, no. 8, pp. 20-23.
- Karpov V.P., Gavrilova N.Ju. Povsednevnost' Tiumenskogo Severa v 1960–1980-e gody [Daily life in the Tyumen North in the 1960s to the 1980s], *Gornye vedomosti*, 2011, no. 1 (80), pp. 84-96.
- Klevakin A.N. *Sibirskii gorod v epokhu peremen* [The Siberian city in times of change]. Novosibirsk: Nauka, 2008.
- Kuz'mishhev V., Lisin V., Ovcharenko G. Kontrol'naia dlia ispolkoma. Ekspeditsiia "Pravdy" v Zapadnuui Sibir' [A test for the Executive Committee. The expedition of "Truth" to Western Siberia], *Pravda*, 1986, 15 December.
- Kuz'mishhev V., Lisin V., Ovcharenko G. Nadezhen li tyl? [Is our rearguard reliable?], *Pravda*, 1986, 10 December.
- Milenina Je.A., Morozova K.I., Smirnov V.I. Problemy realizatsii gradostroitel'nykh predlozhenii v proektirovanii i stroitel'stve gorodov i vakhtovykh poselkov [Issues in the implementation of urban development proposals for the design and construction of cities and shift workers settlements], *Voprosy realizatsii gradostroitel'nykh predlozhenii v Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [The issues of implementation of urban development proposals in Western Siberia]. Leningrad: LenZNIIEP, 1988, pp. 11-22.
- Nefteugansk: vospominaniia, dokumenty, publikatsii* [Nefteyugansk: memories, documents, and publications]. Ekaterinburg: Arhitekton, 1997.
- Nefteugansk: Ust'-Balykskaia nefterazvedochnaia ekspeditsiia (1958–1972 gg.)* [Nefteyugansk: the Ust-Balyk oil exploration expedition (1958-1972)]. Nefteyugansk, 2004.
- Salmanov F.K. *Sibir' – sud'ba moia* [Siberia, the destiny of mine]. Moscow: Mol. gvardija, 1988.
- Tiumenskaia stroika* [The Tyumen construction]. Moscow: Nedra, 1981.

- Khromov Iu.B., Korenev V.I. Poetapnoe formirovanie severnykh gorodov Zapadno-Sibirskogo neftegazovogo kompleksa [The phased formation of Northern cities of the West Siberian oil and gas complex], *Voprosy realizatsii gradostroitel'nykh predlozhenii v Zapadnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [The issues of implementation of urban development proposals in Western Siberia]. Leningrad: LenZNIIEP, 1988, pp. 31-46.
- Connor W.D. Deviant Behavior in Capitalist Society – The Soviet Image, *The Journal of Criminal Law, Criminology and Police Science*. 1971, Vol. 61, is. 4, pp. 554-564.
- Davis D. *Planet of Slums*. London, New York: Verso, 2006.
- Hausladen G. *Siberian Urbanization since Stalin. Final report to National Council for Soviet and East European research*. University of Nevada, Reno, 1990.
- Matthews M. *Poverty in the Soviet Union: The Life-styles of the Underprivileged in Recent Years*. New York: Cambridge University Press, 1986.
- Spodek H. Studying the History of Urbanization in India, *Journal of Urban History*, 1980, Vol. 6, no. 3, pp. 251-295.

MISCELLANEA

УДК 396.22

DOI: 10.17223/2312461X/16/7

АПРОПРИАЦИЯ ДИСКУРСОВ И ПРАКТИК: ЖЕНСКАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ РОССИИ В ГРЕЦИЮ (1990-е и 2000-е гг.)

Александр Николаевич Мануйлов

Аннотация. В статье рассматриваются трансформации в идентичности женщин как результат их миграции из России в Грецию и апроприация греческости. Концепт «апроприация» выдвигается в качестве ключевого в анализе и интерпретации мигрантского опыта. Позиция автора в отношении релевантности концепта «апроприация» основывается на понимании Полем Рикёром процесса интерпретации, а также на некоторых современных антропологических работах. В статье, сконцентрированной на двух историях миграции, представлены результаты полевых исследований автора в Греции. Эти истории сопоставляются с целью сравнения различных техник апроприации. В ходе обсуждения становится очевидным, каким образом идентичности могут манифестироваться и изменяться в ходе процесса апроприации. Аргумент автора состоит в том, что апроприация греческости может происходить (и использоваться) контрастными путями, причины чего укоренены в домигрантском опыте. Сделан вывод о том, что в одном случае в результате апроприации была принята греческая (сельская) идентичность, в другом – апроприация и ре-апроприация (городской) греческости дали эффект конструирования глобальной идентичности.

Ключевые слова: апроприация, ре-апроприация, идентичность, миграция, Греция, Россия

С тех пор как Мишель Фуко возобновил рассмотрение понятия биополитики, придав ему новые интеллектуальные импульсы, сформировались целые научные направления постфуколдианского анализа этого явления. Сам Фуко не оставил нам «теории биополитики». Следуя за изменениями, произошедшими в Европе XVII–XVIII вв., Фуко демонстрирует два полюса «власти над жизнью» (*pouvoir sur la vie*): один из них концентрируется на дисциплине тела, он относится к XVII в. и назван Фуко «анатомо-политикой [в отношении] человеческого тела» (*anatomo-politique du corps humain*), второй полюс, относящийся к середине XVIII в., сконцентрирован на регулятивном контроле за телом человеческого вида (*corps-espèce*) и назван Фуко «биополитикой [в отношении] населения» (*une bio-politique de la population*) (Foucault 1976:

183). Связав биополитику с ее объектом – населением, Фуко создал разметку для исследований форм государственного управления. Привнесение биологических категорий в среду социального, видимо, является неотъемлемой частью того поля, которое описывает биополитика. Посредством биополитики государство регулирует и контролирует свое население, не проявляя интереса к субъективности, отдельным случаям и частным историям. Такие концепты, как «гомогенизация», «натурализация», «ассимиляция» и даже «миграция», имеют естественнонаучные коннотации. Все они являются элементами государственных дискурсов о населении, но не дискурсов людей, рассказывающих о своем опыте.

Меня же в ходе моих полевых исследований в Греции в 2009–2011 гг. интересовали представления именно людей, людей, переживших миграцию из России в Грецию. И вышеупомянутые концепты никак не могли обогатить мой инструментарий для изучения их опыта, поскольку концепты эти есть продукты государственных дискурсов и соотнесены с ними. Поиски релевантного понятия, которое бы служило объяснительной моделью восприятия бывшими российскими гражданами греческих дискурсов и практик, привели меня к антропологической литературе, оперирующей термином «апроприация». В июне 2010 г. на ежегодном семинаре «Newer Anthropological Theory» в Университете Осло, где я докладывал об итогах моей работы по изучению дискурсов об идентичности греков-мигрантов, Арнд Шнайдер представил свою книгу об апроприации (Schneider 2006). Мне идея апроприации показалась важной для объяснения того, как мигранты воспринимают и принимают или отторгают элементы повседневности греческого общества, в котором они живут и постепенно все более его узнают. Брюс Капферер, руководивший семинаром, посоветовал мне попробовать применить концепт апроприации в изучении идентичности мигрантов как альтернативу государственному взгляду на мигрантов и миграцию.

Данная статья представляет собой попытку применения концепта «апроприация» к анализу двух женских историй миграции из России в Грецию. Сравнение этих историй дает свидетельства того, как идентичности могут быть манифестированы и изменены в ходе процесса апроприации. Я уже показывал, что миграция без капиталов (за исключением символического) – весьма распространенная форма миграции для выходцев из бывшего Советского Союза (Manuylov 2015); и представленные в данной статье женские истории являются свидетельствами именно такой миграции. Героини историй похожи: обе они – выходцы из России, примерно одного возраста, обе приняли решение уехать в Грецию и были успешны, каждая по-своему, в апроприации греческости. Различия же между ними весьма значительны: социальное

и этническое происхождение, отношение к семье, религии, карьере, горизонты общения, техники апроприации.

Основным аргументом настоящей статьи является то, что апроприация греческости, или греческой идентичности, может происходить и использоваться контрастирующими путями, причины чего коренятся в домигрантском опыте. Таким образом, цель статьи – показать, что происходит в ходе индивидуальной женской миграции с идентичностью¹, какие ее элементы являются неизменными, а какие формируются в процессе апроприации. Для достижения этой цели передо мной стоят следующие задачи: 1) обсудить возможность и релевантность применения концепта «апроприация» в изучении миграции; 2) кратко представить полевой материал, характеризующий две женские истории миграции, собранный мною в Греции в период с 2009 по 2011 г.²; проанализировать и позволить себе некоторую интерпретацию мигрантских историй; 3) сравнить две истории миграции с точки зрения техник апроприации; 4) продемонстрировать и дать оценку изменениям идентичности на примере этих двух историй. Основной проблемой, на решение которой нацелена данная статья, является неизученность либо очень слабая изученность трансформации идентичности в ходе миграции. Я стремлюсь восполнить этот пробел, опираясь на полевые данные, их анализ и интерпретацию.

Одним из источников для упомянутой работы Шнайдера в его формулировании апроприации послужила книга Поля Рикёра «Герменевтика и гуманитарные науки: эссе о языке, действии и интерпретации» (Ricoeur 2016 [1981]). Поэтому я вкратце остановлюсь на основных положениях теории Рикёра.

Рикёр, конечно, говорил не о мигрантах. Его интерес был сконцентрирован на восприятии текста читателем. Но кто есть (в семиотическом плане) вновь прибывший из России мигрант, как не читатель, читатель неизвестного ему текста под названием Греция? Рикёр говорит о том, что читатель апроприирует *значение* текста, и это есть «кульминация чтения в конкретном читателе» (144). Он рассматривает проблему интерпретации текста читателем как игру отношений дистанцирования и апроприации, заимствуя концепт игры у Гадамера. При этом Рикёр понимает чтение очень широко: как знакомство с вновь открываемым миром:

Если верно то, что интерпретация имеет существенное отношение к интенсивной работе по открыванию мира, тогда отношение читателя к тексту – это, по существу, его отношение к тому миру, который представляет текст (Ibid.).

Рикёр, таким образом, отождествляет мир и текст и ставит в один ряд понятия открывания мира, интерпретации и апроприации. В качестве оппозиции апроприации Рикёр предлагает термин «дистанцирова-

ние», который понимает как концепт, «связанный с любым объективным либо объективирующим исследованием текста» (145). По замыслу Рикёра, объективация мира-текста выражена в процессе дистанцирования, характерном, на мой взгляд, для биополитики государства; в то время как субъективное восприятие и понимание мира-текста выражены в процессе апроприации, недоступном для объективирующих дискурсов государства, но доступном для людей, способных к пониманию / чтению. Таким образом, апроприация является оппозицией не только для дистанцирования, но и для биополитики. Рикёр отмечает, что апроприация, помимо всего прочего, «дает субъекту новые способности познать себя» (154); и это замечание чрезвычайно важно для моей миграционной перспективы. Мигрант оказывается в другой стране, часто не понимает язык этой страны, сталкивается с незнакомым поведением, с иным пониманием приватности и публичности, иногда с агрессией и криминалом, ему или ей предстоит решить множество проблем, связанных с оформлением всех необходимых документов, поиском работы и пр. И все же, как говорит один мой знакомый, перебравшийся с семьей из России в Канаду: «Миграция дает тебе еще один шанс, шанс стать кем-то, кем ты уже не сможешь стать в своей родной стране. И этот шанс нужно использовать». Понимание апроприации как восприятия нового мира и одновременно новой способности и возможности работы над собой, и в итоге как формирования новой идентичности, наилучшим образом соответствует моим задачам и цели. Рикёр отмечает:

«Апроприация» – это мой перевод немецкого термина *Aneignung*. *Aneignen* значит 'делать своим собственным' то, что первоначально являлось «чужим»... Апроприация – это концепт, подходящий для актуализации значения как оно адресовано кому бы то ни было. Оно занимает место ответа в диалогической ситуации... (147).

В настоящее время «апроприация» как термин, используемый для описания процессов социального и культурного взаимодействия, имеет широкое распространение (Thomas 1991; Lattas 1998; Coleman 2005; Young 2010)³. Концепция апроприации Шнайдера (Schneider 2006) разработана им по результатам анализа артполя Буэнос-Айреса, связывающего воедино индигенные и европейские идеи. Процесс апроприации основан на игре в идентичность в артполе. Предложенная Рикёром идея апроприации и ее герменевтическая перспектива позволили Шнайдеру рассматривать глобализацию и культуральные процессы с позиций индивидуальных акторов, основной же его целью явилось обсуждение пересечений процессов коллективного и индивидуального конструирования идентичности (33, 169–170).

...Апроприация, в ее формальном смысле, означает изъятие из одного контекста и помещение в другой; кроме того, в расширенном значении, которое я здесь поддерживаю, апроприация при-

нимается в качестве герменевтической процедуры, дающей основания полагать не только то, что элементы культуры получают новые значения, но также и то, что трансформируются те, кто [вовлечен в процесс] апроприации, и в итоге [они] конструируют и принимают новые идентичности (29).

Шнайдер, таким образом, увязывает тему апроприации с темой новых идентичностей, и это исключительно важно для моего исследования, так как показывает разницу в позициях государства, видящего картину постепенной гомогенизации населения в связи с натурализацией мигрантов (или, по крайней мере, имеющего позицию видеть гомогенизацию), и мигранта, апроприирующего новую жизнь, становящегося «таким, каким еще не бывал» и принимающего новые идентичности. Для человека этот процесс – открытие мира и изменение себя (впрочем, не всегда успешное и не всегда происходящее в направлении, приемлемом для государства), для государства тот же процесс в лучшем случае выглядит как гомогенизация, в худшем – как формирование новых этнических и социальных групп со своими правилами, границами, политическими интересами.

Не менее привлекательна концепция апроприации Рожера Санси. Он изучает апроприацию в рамках истории кандомблэ, системы афробразильского колдовства в ее современных трансформациях. Он задается вопросом, каким образом запрещенные до середины XX в. магические практики кандомбле становятся «культурой» и даже «национальным достоянием» Бразилии (Sansi 2007: 2). Этот процесс, по мнению Санси, был вызван «исторической трансформацией практик, ценностей и дискурсов» (3). Бразильские интеллектуалы объективировали кандомбле в качестве афро-бразильской культуры, но это не было реификацией, так как объективация интеллектуалов была поддержана и апроприрована приверженцами кандомбле, которые «приняли дискурсы и практики афро-бразильской культуры как свои собственные» (Ibid.). Санси показывает три стадии этой большой трансформации: объективацию, апроприацию и ре-апроприацию (главы 2, 3, 8 и 9). Он поясняет это следующим образом:

Я использую «объективацию», чтобы описать процессы, в которых вещи, персоны и места распознаются как носители особенных и разных форм ценностей или качеств. Это понятие объективации всегда взаимосвязано с дополняющим его термином – апроприация, обозначающим процесс, благодаря которому чужое становится знакомым, становится частью своего [self] (4).

Санси сравнивает ситуацию в Бразилии с описанием апроприации в Океании, предпринятым Николасом Томасом (Thomas 1991), который демонстрирует параметры «индигенной апроприации европейских вещей» (83–124) и обратного процесса: «европейской апроприации индигенных вещей» (125–184). И если Томас показывает, как местное насе-

ление и пришлые европейцы апроприируют культуры друг друга (хотя и не симметрично), Санси не останавливается на вопросе взаимной апроприации, а идет дальше и демонстрирует, что две стороны обмена «во многом стали одним целым» (Sansi 2007: 4). Чтобы объяснить это, Санси вводит понятие ре-апроприации; он полагает, что посредством ре-апроприации люди

преодолевают и (невольно) сводят на нет и официальные, и критические дискурсы... Они создают свою собственную историю вокруг объектов... Они осуществляют нечто большее, чем простое «сопротивление», так как они не осознают свое сопротивление официальной интерпретации; они производят нечто большее, нечто новое, вписываемое в пространство и время (178).

В случае с Бразилией (Баия) объектом интереса являются дискурсы и практики наследников выходцев из Африки; в случае с Аргентиной – наследников индигенного (индейского) населения страны. Оба автора рассматривают в качестве субъектов апроприации персон или индивидуальных акторов, способность которых к апроприации определяет и их идентичность. Как отмечает Шнайдер, практики апроприации «тесно связаны со спорной областью конструирования идентичности» (Schneider 2006: 22).

Возвращаясь к греческой теме, следует отметить, что для экс-советских греков в 1990–2000-е гг. семейная миграция была наиболее характерна⁴. Греческие репатрианты уезжали всей семьей одновременно либо оставляли одного-двух человек для продажи оставшегося имущества и бизнеса. Индивидуальная миграция была редким явлением. На мой взгляд, в основе этого лежат две причины.

Первая причина в том, что семейные связи в СССР всегда были объектом конструирования и усиленной поддержки со стороны государства. Что касается советских греков, они по собственному опыту знали, что такое «семейный принцип», в соответствии с которым их семьи были подвергнуты насильственным переселениям и репрессиям в 1930–1950-е гг. Кроме того, для тех, кто принимал решение уехать в Грецию из постсоветских стран, существовали три наиболее распространенных источника формирования миграционного финансового капитала: недвижимость (которая рассматривалась греческими семьями с точки зрения их обычного права как совместная, семейная), частные бизнес-активы (которые также всегда рассматривались греками как семейные) и сбережения⁵. Многие из тех, кто уезжал, конвертировали всю собственность в финансовый капитал, другие, напротив, всячески старались сохранить собственность в России и других странах, не спешили «сжигать мосты». Выручаемые от продажи деньги и сбережения, как правило, тратились в Греции на аренду или покупку жилья⁶. Таким образом, семейные связи выступали своего рода гарантией стабильности в ходе миграции и начальной апроприации для экс-советских греков.

Второй причиной является то, что греческие семьи, выказавшие в советский период тенденцию к фрагментации⁷, сумели сохранить устойчивые связи среди своих членов и между родственными семьями благодаря иноэтничному окружению, в которое они попадали в ходе насильственных переселений и репрессий. Семейные связи оставались устойчивыми даже в случаях, когда молодые члены семьи уезжали в другие города на заработки или с целью учебы.

Независимая женская миграция из экс-советских стран в Европу, так называемое пост-коммунистическое перемещение (*post-communist transition*), рассматривается как одно из новых для Европы после падения Берлинской стены явлений (*post-wall phenomenon*) и характеризуется дополнительными возможностями для женщин, «стремящихся повернуться лицом к новым рыночным условиям или избежать воздействия доминирующих дискурсов националистических проектов в их странах» (Morokvasic 2004: 8).

Анна и Ирина: жизнь в России

Анна П. не замужем, живет в Афинах и работает в страховой компании. Родилась в СССР в 1971 г. в городе Ессентуки. Анна так описывает свою жизнь в России:

Ну, что было в России? Я выросла в нормальной семье. Папа был капитаном дальнего плавания, мама врачом. В какой-то момент, я думаю, мне было около пятнадцати, он бросил свою работу и устроился на мясокомбинат. Он был инженером по образованию, поэтому. В школе я хорошо училась и закончила ее с золотой медалью. Я родилась в Ессентуках, Кавказские Минеральные Воды. Там я училась, закончила музыкальную школу. В принципе, это была классическая советская семья, интеллигенция. Ну, папа получал, конечно, больше, чем мама. Мама была врачом, в советское время это была, конечно, престижная профессия, но получала она мало. В семье была очень добрая атмосфера.

Я училась хорошо и затем поступила в Фармацевтический институт в Пятигорске. Потом началась перестройка, перед окончанием института началась перестройка...

В этом и других фрагментах воспоминаний о своей семье Анна с теплотой говорит о жизни с родителями, используя такие выражения, как «классическая советская семья», «добрая атмосфера», «интеллигентность», и на этом фоне она демонстрирует свои успехи в образовании. В семье Анны вопрос об этничности не был существенным. Семья имела довольно слабые контакты с родственниками по материнской линии – греками, и после смерти матери Анны от рака в 1992 г. эти связи вообще прервались. В то же время дискурс об интеллигентности был для нее все еще важен в Греции в период наших встреч в 2009–2010 гг. и составлял, таким образом, существенный элемент ее идентичности.

Во время учебы в институте Анна сдала тест и была приглашена на работу в западную фармацевтическую компанию в Москву. Диплом она получила в 1993 г. и сразу же переехала в Москву, где начала работу в этой компании. Одновременно она поступила в аспирантуру, где со временем защитила кандидатскую диссертацию. В фармацевтической компании Анна проработала вплоть до своего отъезда в Грецию в 1999 г. Говоря о московском периоде своей жизни, Анна стремилась подчеркнуть, что она, провинциальная девушка, смогла сделать карьеру в Москве и сохранить свое место даже в турбулентный постперестроечный период. Успех, независимость и удача – ключевые категории ее рассказов о московском периоде своей жизни.

Решение Анны уехать в Грецию осталось мною так до конца и не понятным. С одной стороны, Анна имела хорошую работу и достаточно зарабатывала; с другой – она характеризовала ситуацию в стране как неустойчивую, с размытыми перспективами. Я как-то спросил ее напрямую: «Почему ты уехала из России?» Она ответила: «Хотелось чего-то нового. Хотелось понять, смогу ли я выжить в другой стране».

Это был такой период, когда я должна была принять решение, потому что в целом ситуация была сложной. Москва – жесткий город. Я думала о том, как и что я буду делать... В принципе, у меня были греческие корни. И, по крайней мере, у меня была возможность – я так думала – законно эмигрировать.

Отец Анны поддержал ее решение, более того, ее младшая сестра тоже изъявила желание уехать в Грецию, и они вместе стали готовить документы. Финансовое состояние Анны в то время также осталось не совсем для меня ясным: Анна приехала в Афины на автобусе, самом дешевом виде транспорта для подобных путешествий, располагая только пятьюстами долларов, которые дал ей отец. В то же время она не имела каких-либо собственных сбережений.

Когда Анна решила уехать, некая Мария, юрист и сотрудник местной организации греков, готовившая для Анны документы в греческое консульство, сослужила ей «великую службу». В ходе наших разговоров Анна вспоминала Марию неоднократно и всегда с теплотой и благодарностью. Интересно, что сестра покойной матери Анны работала в то время в паспортно-визовой службе, готовила документы для греков-репатриантов, однако она не оказала никакой помощи Анне, и когда узнала о том, что Анна готовит документы, скептически отнеслась к ее перспективе получить греческое гражданство. В свою очередь Мария подсказала Анне сменить свидетельство о рождении, где фигурировала национальность – русская, на новое с формулировкой «гречанка», чтобы отправиться в Грецию как гречанка и репатриант и не использовать туристическую визу для въезда. Анна, не понимая на тот момент различий в статусе, доверилась Марии, хотя этот путь был не самым де-

шевым – около 500 долларов, и сделала все, как она рекомендовала. Отец финансировал смену свидетельств о рождении и паспортов для обеих дочерей, так как Мария настаивала на том, что в Грецию надо ехать «не как туристка, а как дочь гречанки, и не просто как дочь, а чтобы и сама была гречанкой».

Все-таки судьба существует, наверно, – говорит Анна. – Мария советовала взять с собой свидетельство о рождении матери, а я взяла даже бабушкино, чтобы подтвердить, что они были греки. Мария же подсказала мне перевести эти свидетельства на греческий сразу, как только приеду. Я ей так благодарна!

Таким образом, Анна благодаря Марии значительно упростила себе процедуру получения греческого гражданства.

С начала массовой репатриации греков из России появились регулярные автобусные рейсы из разных городов России в Грецию. Одним из таких рейсов был тот, на котором Анна отправилась из Пятигорска в Афины. Маршрут автобуса пролегал через территорию Украины, Молдовы, Румынии и Болгарии. Требовались дополнительные визы. Кроме того, ситуация на таможенных постах, а их необходимо было преодолеть десять, всегда характеризовалась очередями и задержками в связи с досмотром. Наиболее эмоциональны воспоминания Анны как раз об этом автобусном путешествии.

Итак, Анна к моменту своего отъезда из России сформировалась как успешная женщина. Ее идентичность строилась на интеллигентности, этнической индифферентности (о чем говорит не только советский школьный интернационализм, но и невнимание к греческим диаспоральным делам⁸). Анна всерьез занималась своей карьерой, поэтому переехала в Москву и защитила там диссертацию, следовательно, карьерный рост – тоже элемент ее идентичности. К этому же дискурсу об идентичности можно отнести и «престижную профессию» матери, и школьную золотую медаль, и музыкальное образование. При совершенно условном финансовом капитале Анна имела значительный символический капитал. Вероятно, неопределенность и нестабильность постперестроечной России не позволяли Анне реализовывать свою идентичность, развивать карьеру, демонстрировать успех и интеллигентность, что может хотя бы отчасти служить объяснением ее отъезда.

Ирина Б. (1974 г.р.), замужем; на момент нашего знакомства у нее было девять детей и жила она в деревне недалеко от города Пиргос на Пелопоннесе. Она была домохозяйкой, однако брала на дом работу по пошиву занавесок для отелей в Патре. Воспоминания Ирины о ее жизни в СССР имеют несколько иную перспективу, чем воспоминания Анны. Родилась Ирина в Средней Азии, где и провела большую часть своего детства; там она жила с родителями в военном городке. Отец ее был офицером, мать домохозяйкой. Также у нее были старшая сестра и

младший брат. Начав учиться в школе, она вскоре стала лучшей ученицей в классе. Когда ей исполнилось тринадцать, отец Ирины получил новое назначение – в военную часть в Майкопе. Семье дали небольшой дом с участком на хуторе Предгорный близ Майкопа. С этого момента воспоминания Ирины становятся беспорядочными и противоречивыми. Неизвестно, что стало с ее отцом, но его фигура просто исчезает из ее рассказов. В Предгорном мать Ирины начинает быстро спиваться, как и ее сестра. Позднее и младший брат «превратился в алкоголика». Успеваемость Ирины в школе становилась все хуже и хуже. «Скатилась на двойки», – как она говорит. Так что она едва смогла закончить девять классов. После школы Ирина поступает в ПТУ в Майкопе и получает профессию швеи. В хуторе, где жила Ирина, и по сей день проживает множество греческих семей, в основном выходцев из Цалки, имевших тесные связи с Грецией. От них Ирина узнала об интенсивной миграции из России в Грецию.

Вскоре после окончания ПТУ она вышла замуж и в семнадцатилетнем возрасте родила первого сына. Еще до рождения сына ее муж оказался замешанным в грабеже и получил тюремный срок. Когда сыну исполнился год, Ирина оставила его на мать и отправилась в Грецию, где вместе с другими молодыми женщинами из России должна была работать на швейной фабрике в Патре. Она заключила этот контракт еще в России, в Новороссийске, благодаря своим греческим связям. Однако, прибыв в Грецию, она поняла, что будет работать в ночном клубе то ли как официантка, то ли как танцовщица.

Рассказывая о жизни своей семьи в Майкопе, Ирина не сообщала никаких подробностей. Почти ничего она не рассказывала о свотх брате, сестре или муже, а если и упоминала их, то всегда в негативном контексте. Единственный вопрос, интересовавший ее в России, – это тяжба с сестрой за наследство, оставшееся после смерти матери и брата. До отъезда из России она нигде не работала и не знала греческий язык.

Тем не менее Ирина сохраняла позитивное отношение к России и дала всем детям двойное гражданство. Я спросил ее как-то: «Зачем ты дала им российское гражданство?» Она ответила: «Чтобы они могли поехать на мою родину». Здесь необходимо упомянуть обстоятельства нашего знакомства и более чем месячного присутствия меня и моей семьи в домовладении Таноса. Когда Ирина жила в России, она дружила с моей двоюродной сестрой, которая помогала ей в различных бюрократических делах. Я познакомился с Ириной сначала по телефону. Она согласилась принять меня вместе с семьей, но попросила представиться ее двоюродным братом, с которым она не виделась долгое время. Я согласился. Таким образом я стал двоюродным братом Ирины не только для ее греческих родственников, но и для друзей, с которыми я встре-

чался благодаря ей. Танос и его родители мало что знали о российских родственниках Ирины, никто из них никогда не был в России, поэтому для нее не составило труда представить меня в качестве своего двоюродного брата. Таким образом, нас приняли как дальних родственников и поселили в небольшом, недавно построенном доме на территории домовладения, где жили четверо из их сыновей (которых временно отсюда выселили). Ирина объяснила эту мистификацию тем, что ее греческая семья никогда бы не приняла посторонних людей в качестве гостей и, кроме того, ей было бы трудно объяснить, кто мы и зачем едем к ним. Другая причина этого стала очевидна для меня лишь несколько позже, когда мы уже жили в их деревне. Представляя нас своими родственниками, она могла продемонстрировать, что она не одинока и что ее двоюродный брат и его жена – «приличные люди», и поднять таким образом свой статус в семье (особенно по отношению к младшей невестке родителей мужа – см. о ней ниже).

Таким образом, Ирина к своему отъезду в Грецию не имела практически никакого символического капитала, разве что умение шить, которое она использовала даже в дни нашего пребывания в ее семье, а также знакомство с сельскохозяйственным трудом. Немногие известные нам обстоятельства ее жизни в России свидетельствуют о том, что идентичность Ирины если и имела какие-то важные параметры, то вероятнее всего – это осколки государственных дискурсов: принадлежность к русским, которую она не слишком манифестирует (видимо, самым серьезным аргументом в пользу ее русскости для ее нынешней семьи было наше появление в качестве родственников) и даже не стремится обучать детей русскому языку; любовь к родине – России, при том что родилась и выросла она в Средней Азии, а затем переехала в Адыгею. Все, что касается ее семьи в России, сейчас представляется как преодоленный опыт, как негатив, от которого она строит новый апроприированный ею греческий мир (см. ниже об антиидентичности). Ирине нечего было взять с собой в Грецию, кроме скудного символического капитала (который, впрочем, сыграл существенную роль в ее технике апроприации греческости). Она не раз говорила, что ее всему научил Танос, ее муж, имея в виду земледелие и скотоводство, но также и местные правила жизни, а это значит, что она полностью отрицает свой российский опыт и его пригодность в Греции.

Первый опыт жизни в Греции

Анна помнит в мельчайших деталях свои первые дни в Греции. Она приехала в Афины ночью на автобусе. Одна из попутчиц посоветовала ей остановиться в отеле в Омонии (один из центральных районов Афин). Поэтому, сойдя с автобуса, Анна взяла такси и заплатила води-

телю внушительную сумму, за которую, как она говорит, «можно было бы несколько раз объехать все Афины». Добравшись до Омонии, находившейся в пяти минутах езды от остановки ее автобуса, Анна вышла из машины и услышала русскую речь в одном из баров. Она зашла в бар и поинтересовалась, где можно остановиться на ночь.

Хотя Анна до поездки в Грецию несколько раз была за рубежом и имела некоторое представление о том, как устроена жизнь в Греции, она не знала, что Омония был в то время одним из самых неблагополучных районов Афин. Несмотря на то что у нее были родственники в Греции, она не имела ни их адресов, ни номеров телефонов из-за плохих отношений с семьей матери. Все, что у нее было, – номер телефона кухни подруги ее сестры армянского происхождения, уже проживавшей несколько лет в Афинах. Но Анна решила не беспокоить ее ночью и попытаться найти ночлег самостоятельно. В том баре, куда она зашла, выйдя из такси, некий Жора из Грузии пообещал ей комфортабельный ночлег и отвел на квартиру. Войдя в квартиру, Анна обнаружила там пять спящих мужчин. «Я была в полном шоке», – говорит Анна. Наутро один из мужчин познакомился с Анной и уступил ей свою комнату, пока она не найдет, где ей остановиться. Мужчина оказался земляком Анны. Еще он посоветовал ей как можно скорее покинуть Жорину квартиру: «Это место не для вас», – добавил он. Однако Анна весь следующий день не могла дозвониться по единственному известному ей номеру, а Жора со своим другом сопровождал ее весь день, наблюдая за ее поведением. Бродя по Омонии, Анна удивлялась: «Господи! Неужели это правда Греция?! Неужели это правда центр города?! Обычно центральные районы – это престижные, ярко освещенные места, но это место выглядело, как притон». Наконец ее армянская знакомая откликнулась и отправила мужа на машине, чтобы забрать Анну и ее багаж.

История Анны представлена ею как череда удач и везений, и в то же время она ясно демонстрирует свою способность принимать решения, стремление изменить жизнь к лучшему. Ее единственная знакомая в Греции через бюро трудоустройства нашла ей место няни, так что на третий день жизни в Афинах Анна получила работу, включающую проживание и питание в семье. А семья оказалась весьма состоятельной. Анна работала не только как нянька, но и как домработница. В рассказах об этом периоде жизни в Афинах у Анны проявляется ее интеллигентская идентичность. Например, она говорит о том, как ее хозяева были изумлены ее способностью пользоваться приборами за столом, как они восторгались ее умением играть на пианино, как хозяин год спустя, когда он уже прощался с Анной, сказал, что, конечно, Анне нужна совсем другая работа, т.е. работа, которая удовлетворяла бы ее интеллектуальные запросы.

Эта семья, по словам Анны, существенно ей помогла. В течение года работы няней она овладела новогреческим благодаря внутрисемейной коммуникации и курсам греческого языка, куда она ходила с согласия хозяев. Таким образом, когда ей пришлось заполнять документы на получение греческого гражданства, она смогла своими словами описать историю своей семьи (семьи матери). Ее работодатели выступили гарантами при подачи Анной документов на греческое гражданство и представили свой адрес в качестве места ее регистрации в Греции. Более того, хозяйка нашла работу и для сестры Анны, которая прибыла в Грецию несколько позже. Хозяйка Анны устроила ее ухаживать за своей престарелой матерью. До настоящего времени Анна сохраняет с этой семьей дружеские отношения и навещает их по праздникам.

Когда Анна освоила греческий язык и получила гражданство, она решила искать работу по специальности (фармацевт) и отправила свой диплом для подтверждения в Центр признания дипломов иностранных университетов. Пока Анна ожидала подтверждения диплома, она сумела найти работу в небольшой частной аптеке на севере Афин. После года работы в этой аптеке, благодаря ее опыту и усилиям, доход хозяйки аптеки вырос в пять раз. Анна познакомилась со многими окрестными жителями, и это помогло ей без труда найти недорогую квартиру рядом с аптекой. В этой квартире она прожила семь лет. Анна снова и снова повторяет, что, пока она работала няней и провизором в небольшой аптеке, она не думала о размере своей зарплаты: «Есть какие-то деньги – и хорошо!» – говорит она. Всю энергию она направляла на изучение греческого языка, налаживание социальных связей, получение полного статуса гражданки Греции и подтверждение диплома. Когда она получила подтверждающие документы о фармацевтическом образовании, в достаточной степени овладела греческим и получила опыт работы по своей специальности, она решила перейти в другую аптеку, где вопрос зарплаты для нее уже стоял на первом месте. По ее собственной оценке, это был переломный момент в ее греческой биографии, завершивший процесс «открытия» Греции, а также процесс изменения себя для жизни в этой стране.

До отъезда из России у Анны был друг Марк, который мигрировал в Израиль в то же время, что и Анна. Они поддерживали связь друг с другом, и когда Анна получила гражданство, она решила навестить Марка в Израиле с намерением выйти за него замуж и остаться там жить. Свадебную церемонию они собирались устроить на Кипре. Однако, пробыв в Израиле месяц, Анна поняла, что миграция изменила и ее, и Марка. Они расстались, хотя продолжают поддерживать дружеские отношения. Говоря о Марке, Анна сравнивает свой и его миграционный опыт. Она считает, что государство Израиль заботится о своих репатриантах в гораздо большей степени, чем Греция. Так, проведя год в

Израиле, Марк уже работал одним из директоров крупной организации. Другими словами, он не растерял свой символический капитал, заработанный в России, не потерял время, необходимое для интеграции в новое общество. Как мы знаем, греческая репатриация приводит чаще всего к потере социального статуса и утрате навыков, необходимых в работе («declassing and deskilling», как отмечает Вутира) (Voutira 2004: 538).

Апроприация греческости для Анны началась в исключительно благоприятных условиях (по сравнению с Ириной и другими известными мне выходцами из России). На поиски источника существования и жилья у нее ушло три дня, а на возвращение в профессию – всего лишь год. Первый период жизни в Греции и упомянутые обстоятельства, которые сама Анна называет то везением, то судьбой, демонстрируют, что она не отказалась от значимых для себя элементов идентичности, даже профессиональная идентичность не пострадала. В то же время Анна не тяготится переходом «на греческие нравы», она использует гомологичность, эквивалентность социальных полей и легко осваивается на новых местах (на первом месте работы ей помогала ее интеллигентность, на втором – профессионализм, т.е. те символические капиталы, которые она приобрела еще в России и которые оказались востребованными и в Греции). Использование греческого происхождения матери, т.е. своего этнического символического капитала, обеспечило Анне получение греческого гражданства без особых проблем. Что можно отнести к сложностям апроприации, так это язык и бюрократические процедуры признания иностранных дипломов и прочих документов. Но и здесь у Анны все сложилось благополучно. Язык она освоила довольно быстро, так же быстро получила диплом. Многие греки-мигранты из России жаловались на свое плохое знание новогреческого, объясняя это тем, что из-за работы им просто не хватало ни времени, ни сил ходить на языковые курсы, а если они все-таки приходили на занятие, то от усталости засыпали⁹. Что же касается подтверждения дипломов, один мой знакомый, мигрант из Грузии, ожидал подтверждения своего диплома математика в течение 15 лет, после чего ему предложили сдать восемь квалификационных экзаменов; он отказался (см.: Мануилов 2015: 137–155). Благодаря тому, что Анна получила подтверждение своего образования, она смогла найти работу по специальности и, соответственно, использовать собственный образовательный капитал для доступа в фармацевтическое поле. Техника апроприации, которую демонстрирует Анна, позволила ей не ломать и не отрицать свою российскую идентичность, а использовать ее для карьерного роста и финансовой независимости в Греции (хотя она и ставит израильскую программу репатриации выше греческой). Ее греческая идентичность не этническая, а гражданская; Анна по-прежнему этниче-

ски индифферентна, осуждает греческий национализм, а быть гречанкой для нее – значит иметь полные гражданские права.

Ирина не стремится рассказывать о своих первых годах жизни в Греции. Из ее разрозненных фраз и случайных воспоминаний можно установить, что по приезде в Грецию у нее отобрали паспорт. Ее будущий (второй) муж Танос, решив взять ее в жены, долго пытался найти «этих плохих людей», которые отобрали у Ирины паспорт. Наконец он нашел их и выкупил паспорт за 300 евро. Затем он добился того, чтобы она получила новую греческую визу, хотя ее первая виза была давно просрочена. Получив новую визу, Ирина отправилась в Россию, чтобы развестись со своим первым мужем. Прибыв в свой хутор, она выяснила, что ее муж повторно находится в тюрьме уже за новое преступление; это облегчило ей бракоразводный процесс. Получив свидетельство о разводе, Ирина забрала сына и отправилась в Грецию, где вышла замуж за Таноса в одной из пелопонесских деревень.

Танос познакомился с Ириной в Патре, в ночном клубе, где она в то время работала. Он происходит из сельской семьи, его родители владеют большими участками земли, которые используют в качестве полей, огородов, бахчей и животноводческих ферм. Значительная часть их земель представляет собой старые оливковые рощи. Вся его семья (родители Таноса, его тетя и сам Танос как старший сын) проживает вместе, в одном домовладении в деревне, расположенной на равнине между Патрой и Пиргосом. Брат и сестра Таноса к моменту их с Ириной свадьбы уже проживали отдельно от родителей. Все в семье Таноса знали о том, что Ирина русская, и относились к ней с теплотой. Такое отношение объясняется тем, что эта семья разделяет общегреческий дискурс доброжелательного отношения к России и русским. Но кроме этого дискурса была еще одна частная семейная причина такого отношения. Дед Таноса купил большую часть своей земли, в основном оливковые рощи, у русского эмигранта, который знал о весьма ограниченных финансовых ресурсах семьи деда Таноса и поэтому продал ему землю по очень низкой цене.

Ирина и Танос поженились в 1996 г., через три с половиной года после того, как Ирина впервые приехала в Грецию.

Для Ирины первый период жизни в Греции так же связан с негативным опытом и так же остается в тени ее нынешних успехов, как и российский период ее жизни. Подробности начинаются с появления в ее рассказах Таноса. Благополучное вхождение в семью Таноса для Ирины было обусловлено ее небольшим аграрным капиталом, но самое главное – тем, что она стремилась к полной апроприации греческой идентичности (подробнее – ниже). Важно отметить, что ее этнический

капитал, ее русскость по-прежнему ни в какой форме не манифестируются Ириной. Возвращение в Россию, связанное с получением новой визы, необходимо лишь для того, чтобы иметь возможность выйти замуж и забрать с собой в Грецию старшего сына. Ирина не думает о возвращении и связывает свое будущее только с Грецией. И ее идентичность начинает конструироваться как греческая идентичность.

Быть или не быть гречанкой

Когда Анна уже более двух лет проработала в крупной афинской аптеке, она познакомилась с нашим общим другом Антониосом, который порекомендовал ее своему знакомому Одиссеусу, владельцу финансовой компании. Анна получила руководящую позицию в этой компании с большой зарплатой и стала экономистом. Кроме того, она закончила университетский курс по экономике без отрыва от производства. Дружба с Антониосом и начало работы в финансовой компании ознаменовали новый период в жизни Анны. Можно сказать, что в этот период ее идентичность, основанная на дискурсах интеллигентности, независимости и полноправия, формируется окончательно в ее греческой ипостаси. Антониос выступал в качестве ее рекомендателя не только в финансовую компанию, но и в российское посольство, в различные организации, и государственные, и неправительственные, вовлеченные в международные отношения Греции и России¹⁰.

Итак, Анна сменила не только свою профессию, но также и технику апроприации: в ходе первых двух этапов ее миграционной истории она не стремилась заводить знакомства с выходцами из России и строила свои социальные сети на основе взаимодействий с местными жителями. Однако с момента знакомства с Антониосом ее социальные сети значительно расширились благодаря новым контактам в сфере российско-греческих международных отношений. Используя терминологию П. Бурдьё (Bourdieu 1986), можно сказать, что она инвестирует, с одной стороны, свое двуязычие, с другой – символический капитал, сформированный в российском и греческом образовательных полях, в новые для нее поля – культуральное¹¹, экономическое¹², политическое¹³ и даже научное¹⁴.

После четырех лет работы на финансовую компанию Анна стала жертвой интриг своих коллег, внимательно следивших за развитием ее карьеры, и владелец компании вынужден был ее уволить. Оказавшись безработной, Анна ушла с арендуемой квартиры. Она решила больше не снимать жилье и купила квартиру в одном из афинских районов. Примерно через полгода она нашла работу страхового агента в известной в Европе медицинской страховой компании. Ей нравится ее новая работа, поскольку она удовлетворяет ее потребность в независимости в

большей степени, чем предыдущие. Кроме того, она продолжает сотрудничать с различными российско-греческими организациями.

В социальной перспективе Анна подчеркивает свою интеллигентность, выводя ее из семьи и образования. В этнической перспективе она позиционирует себя как гречанка, хотя обычно использует этот термин в смысле гражданства. Она говорит о греческих греках в основном в третьем лице, а о русских и русско-понтийцах¹⁵ – используя местоимение «мы». Анна критически настроена к греческому национализму, социальные параметры персоны всегда для нее важнее, чем этнические (как при описании ею дискриминации на школьных парадах, опубликованном в: Manuylov 2015: 145–146). Она редко касается вопросов этничности и формулирует свою идентичность, как уже отмечено, используя концепты интеллигентности, независимости и полноправия. То есть этническая идентичность для нее – лишь инструмент, позволивший ей стать полноправной в чужой стране и реализовать свою идентичность интеллигентной и независимой женщины. Анна сохраняет некоторую дистанцию от господствующих в греческом обществе националистических дискурсов, демонстрируя тем самым свою независимость и критикуя эти дискурсы с интеллектуальной точки зрения. Очень важным для нее является возможность отстаивания своих прав как полноправного члена греческого общества в ситуациях, когда она подвергается негативной стигматизации как иностранка, не-гречанка¹⁶.

Она голосует за кандидатов от маленьких партий, которые никогда не были у власти в Греции, но чьи программы соответствуют параметрам ее идентичности, например за Зеленую партию; она убеждает своих коллег по финансовой компании, что все языки и этничности равны и склоняет их нанять специалиста по русскому языку, чтобы общаться в офисе между собой по-русски. Конечно, эти ее действия и спонтанные акции могли быть реализованы только в крупном городе, таком как Афины или Фессалоники; трудно сказать, как на них отреагировало бы сельское сообщество, например то, в котором живет Ирина. Анна безразлична к религии и церкви, хотя и была крещена в России после рождения.

При анализе истории миграции Анны возможно отметить, что идея карьеры имеет для нее важное значение, и ее биография, выстроенная ретроспективно, представляет историю развития карьеры. Ее независимость обусловлена карьерой, и наоборот, т.е. независимость и карьера формируют один и тот же семантический фрейм в ее идентичности.

Брак Ирины и Таноса был зарегистрирован в деревенской церкви в 1996 г. Ирина родила еще восемь детей (таким образом, всего у нее было шесть мальчиков и три девочки; самому старшему на момент нашего знакомства исполнилось восемнадцать, самой младшей дочери было три года). Ирина много говорила о Церкви и Боге, хотя в период своей

жизни в России церковь она не посещала. Все ее дети крещены. Их имена выбраны по местным правилам в честь старших родственников ее мужа, за исключением двух сыновей: старшего, который получил свое имя еще в России, и одного из совместных с Таносом детей, который был назван в связи с клятвой, данной Ириной Пресвятой Богородице. К моменту нашего знакомства Ирина говорила по-русски с небольшим акцентом, подолгу вспоминая некоторые слова. Ни один из ее детей не говорит по-русски, включая старшего.

Ирина старается себя вести «как греческая женщина», полностью разделяя все семейные практики и дискурсы. Например, она негативно отреагировала вместе со всей остальной семьей на решение младшего брата Таноса жениться на девушке албанского происхождения. Ее стремление «быть гречанкой» выражается в том, что она полностью поддерживает практики, связанные со статусом невестки: одевается как сельская замужняя женщина, предпочитая темные цвета, готовит на всю семью еду, как повседневную «простую деревенскую пищу», так и праздничные блюда, за исключением хлеба, который печет свекровь Ирины каждую неделю (см. рис. 1), и т.д.

Рис. 1. Свекровь Ирины за выпечкой хлеба

Обычно Ирина говорит о греках, используя местоимение «мы». Ее русско-понтийские друзья считают, что она говорит по-гречески лучше, чем они, как «натуральная гречанка». Она никогда не стремилась к независимости. Ее стиль жизни устраивает ее полностью. Она испытывает большое уважение к своему мужу, по крайней мере, я никогда не наблюдал какого-либо неуважения с ее стороны по отношению к Таносу. Она также с неподдельным уважением говорит о родственниках мужа (исключая жену деверя албанского происхождения). Она посещает Россию раз в два-три года, но основной причиной ее поездок является вопрос недвижимости. После отъезда Ирины из России ее мать и брат умерли. Их домовладения стали предметом длительного спора между Ириной и ее сестрой. Ирина старается ездить в Россию без детей, но иногда вынуждена брать с собой самых младших.

Рис. 2. Семья Ирины в День имени ее свекра

Как уже было сказано, Ирина предпочитает хранить молчание о своей семье в России, и, на первый взгляд, этот режим тайны может быть охарактеризован ситуацией «не-идентичности» (non-identity), как это сформулировал один из информантов Шнайдера (Schneider 2006: 168). Однако я бы отметил, что режим тайны в сочетании с негативностью формирует определенный дискурс об идентичности, который служит референтом-антитезисом в поисках Ириной счастливой жизни. В этом

смысле почет и уважение, которые демонстрирует Ирина по отношению к родителям мужа, определяются не столько апроприацией греческости, сколько прямым воздействием дискурса о российской семье Ирины. Например, Ирина, имея в виду свою российскую семью как негативную модель, является инициатором запрета на употребление алкоголя, включая пиво, в ее греческой семье, и на мою семью также распространился этот запрет. Объясняет она это своим нежеланием того, чтобы ее дети стали алкоголиками. При этом она совершенно безразлична к тому, что взрослые члены ее семьи выпивают где-нибудь в таверне или в гостях. Интересно, что даже на праздновании Дня имени ее свекра на столе не было алкогольных напитков (рис. 2).

Тот факт, что Ирина имеет опыт жизни в России и именно в российском селе, сыграл позитивную роль в процессе ее принятия в греческую семью, также сельскую. То есть ее идентичность была сформирована на уровне дискурсов как анти-идентичность (о не-идентичности все же не стоит говорить), а на уровне практик она имела идентичность сельского жителя.

В идентичности Ирины за годы жизни в Греции произошли существенные изменения. Ее негативный российский опыт подтолкнул к интенсивной апроприации греческости, в результате чего Ирина стала уважаемой женщиной не только в семье, но и в деревне. Греческая идентичность включает в себя и религиозность. Ирина становится верующей христианкой, она регулярно посещает местную церковь, ежегодно с Таносом они совершают паломничества в различные святые места Греции. Незадолго до нашего приезда они совершили такое паломничество на один из островов, откуда специально для нас привезли местную икону, написанную на камне. Ирина много рассказывала о своей благотворительной деятельности, связанной с церковью. Отрицая российский опыт, Ирина рушит свою российскую семью ради создания семьи греческой. Я не имею возможности излагать здесь множество деталей моих наблюдений, но выразить их можно было бы так: Ирина сейчас в большей степени гречанка, чем ее греческие родственники. И все это – результат интенсивной апроприации греческих практик и дискурсов.

Сравнивая варианты апроприации греческой идентичности

Даже представленные в очень кратком виде эти женские истории выражают две тенденции, которые, в соответствии с изложенным выше обсуждением, могут быть охарактеризованы как две техники апроприации. Объект апроприации в нашем случае – это «греческость», т.е. комплекс практик и дискурсов, свойственных определенным местным сообществам, а также новогреческий язык, являющийся одновременно и объектом, и инструментом.

При сравнении двух историй и двух техник апроприации становится очевидным, что техника Ирины выражается в «полной» или «максимально возможной» апроприации греческости, в то время как Анна строит карьеру. Другими словами, Анна создает для себя нечто новое, воспринимая греческость как контекст и инструмент, но не как желаемый результат, которым она хотела бы обладать или стать. В этом смысле ее техника может быть определена, следуя Санси (Sansi 2008), как ре-апроприация. Анна создает собственный мир своей греческости на основе не-этнической идентичности, на основе интеллигентности, сочетающейся с персональной независимостью и греческим гражданством как главными дискурсами ее идентичности. Также важно и то, что Ирина мигрировала из деревни в деревню, а Анна – из города в город. Это еще раз подтверждает мой аргумент о том, что различные техники апроприации зависят от опыта, предшествующего миграции.

Иными словами, Ирина обрела греческую идентичность, она стала уважаемой греческой сельской женщиной, стоящей на страже местных практик и дискурсов. Анна, апроприируя греческую идентичность, восстановила ту позицию, которую занимала в России, а затем, через ре-апроприацию, двинулась дальше. При этом движение понимается ею как карьерный рост и обретение полноправия с возможностью критического интеллектуализма. Ее нынешняя идентичность – греческая, но основана она на прежней российской и могла бы стать израильской или какой-либо другой. Такого рода идентичность можно назвать глобальной, поскольку ее возможность обеспечивается сходством одних и тех же социальных полей в разных государствах и возможностью переноса символического капитала через границы.

Примечания

¹ См. подробный разбор концепта «идентичность» в: Manuylov 2015.

² Эти полевые исследования были бы невозможны без финансовой поддержки L. Meltzers Høyskolefond, Samfunnsvitenskapelige fakultet (Universitetet i Bergen) и Institutt for sosialantropologi (Universitetet i Bergen).

³ В настоящей статье я не рассматриваю весь спектр использования термина «апроприация» в русском, английском, романских языках. Происходит он от латинского *appropriare* – «присваивать, усваивать, делать своим собственным» (Ананьев, Яснецкий, Лебединский 1862: 78; Burtrill 1998 [1850]: 83; Lewis, Short 1879: 144). Наиболее широко данный термин сейчас используется в поле права, а также в таких дисциплинах, как правоведение и история права, в поле искусства и в поле экономики. Шнайдер, обсуждая возможность использования апроприации в антропологии, показывает, что значение этого термина следует вести от герменевтической трактовки Рикёра, где на апроприации основан процесс понимания, другие же значения следует оставить в стороне (Schneider 2006: 26, 199).

⁴ «Мы [экс-советские греки] уезжаем в Грецию целыми семьями в основном. Некоторые [семьи] сначала отправляют в Грецию разведчиков, одного-двух, другие семьи едут все вместе», – рассказывал мне мой афинский приятель, приехавший в Грецию из Абхазии.

⁵ В упомянутых здесь случаях формальное право собственности, подтвержденное государством, является лишь «символическим правом» для членов семьи, которые, в соответствии с обычноправовыми представлениями, могут рассматривать это право как совместное или разделяемое, где семья, а не отдельный член семьи, на которого что-либо оформлено официально (бизнес, вклад, недвижимость), выступает в качестве «настоящего» коллективного владельца (см., например, случай Владимира, описанный в: Manuylov 2015: 92). Разумеется, в ситуации раздела собственности возможны два сценария: деление по обычному праву и деление по официальному праву (в спорных случаях).

⁶ По моим интервью с Николаосом Ф., 41 год, Афины, Греция, 2009; Александром В., 56 лет, Афины, Греция, 2009; Филиппосом С., 57 лет, Пиргос, Греция, 2009.

⁷ Как заметила Эфтихия Вутира о семьях греческих мигрантов из бывшего СССР, «чем больше вы делитесь, тем больше шансов выжить» (Voutira 2006: 387).

⁸ Интересно, что и Анна, и многие греки-репатрианты говорят об обретаемом ими гражданстве как о «европейском», то же касается и «европейского» паспорта; т.е. они избегают этнических маркеров «греческий паспорт», «греческое гражданство».

⁹ По полевым материалам, записанным в 2009–2011 гг. в Афинах, Фессалониках, Александруполисе, Камена Вурла и других местах.

¹⁰ Финансовая компания, где работала Анна, была связана с Россией не только коммерчески. Ее владелец, Одиссеус, миллионер и коммунист, происходит из сельской греческой семьи, поддержавшей коммунистов в годы Гражданской войны в Греции. Отец Одиссеуса провел за решеткой 15 лет (см. о политических репрессиях после Гражданской войны в Греции в работе: Voglis 2000); Одиссеус в это время проживал в СССР, где он получил образование и защитил докторскую диссертацию по медицине. Его финансовая компания зарегистрирована в Великобритании.

¹¹ Как организатор она участвовала в различных «культурных» мероприятиях российского посольства и консульств.

¹² Здесь я имею в виду ее деятельность в финансовой компании по заключению сделок между этой компанией и российскими организациями.

¹³ Я имею в виду ее работу переводчиком в комиссиях по заключению международных договоров.

¹⁴ Она являлась участником неправительственной российско-греческой исследовательской организации.

¹⁵ Термин «*понтийцы*» является общим, мобилиующим наименованием для греков-мигрантов из постсоветских стран в Грецию, однако некоторые группы мигрировавших греков предпочитают пользоваться другими терминами, обозначающими их идентичности (см. о термине «*понтийцы*»: Улуян 1991; Попов 2003; Voutira 2011; Manuylov 2015).

¹⁶ Один из примеров: однажды Анна, стоя в очереди в супермаркете, беседовала порусски со своей гостьей из России. Когда подошла ее очередь, «кассир начала разговаривать со своей коллегой и долгое время нас полностью игнорировала». Анна пыталась привлечь ее внимание, но в ответ услышала «ее хамское замечание в духе “вас никто в Грецию не звал”». Анна потребовала пригласить ее менеджера, и женщина, с которой до этого разговаривала кассир, представилась как менеджер смены и посоветовала Анне обратиться в полицию, если она чувствует себя оскорбленной. Анна оплатила покупки, проводила свою гостью до машины, затем вернулась к кассиру, заявила ей о том, что она греческая гражданка и не собирается терпеть оскорбления. Она выяснила имена обеих женщин, участниц конфликта, и объявила им, что она собирается написать заявления в полицию и в суд с требованием их увольнения. После этого кассир извинилась за свои слова и попросила Анну не ходить в полицию. Анна ответила: «Я подумаю». Она не сообщила о происшествии в полицию, зная, как трудно в Греции получить работу кассира в супермаркете. В наших с Анной беседах мне неоднократно приходилось слышать от нее подобные истории, основной идеей которых было отстаивание своих прав как греческой гражданки.

Литература

- Ананьев А.Т., Яснецкий И.С., Лебединский И.И. Полный латинский словарь, составленный по современным латинским словарям. М.: В Типографии Каткова и К., 1862. VII, 910 с.
- Улуния Ар. Полемика по проблемам языка советских греков в межвоенный период в СССР // *Etudes balkaniques*. 1991. No. 2. P. 11–24.
- Bourdieu P. The forms of capital // Richardson J.G. (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986. P. 241–258.
- Burrill A.M. *A New Law Dictionary and Glossary: Containing Full Description of the Principal Terms of the Common and Civil Law, Together with Translations and Explanations of the Various Technical Phrases in Different Languages, Occurring in the Ancient and Modern Reports, and Standard Treaties; Embracing Also the Principal Common and Civil Law Maxims*, P. I. Union, N.J.: The Lawbook Exchange, Ltd., 1998 [1850]. Vol. 4. 1099 p.
- Coleman E.B. *Aboriginal Art, Identity and Appropriation*. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2005 (Anthropology and cultural history in Asia and the Indo-Pacific). XVII. 188 p.
- Foucault M. *Histoire de la sexualité, 1 : La volonté de savoir*. Paris: Gallimard, 1976. 213 p.
- Lattas A. *Cultures of Secrecy: Reinventing Race in Bush Kalai Cargo Cults*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1998. XLIX. 365 p. (New Directions in Anthropological Writing).
- Lewis C.T., *Short Ch*. *A Latin Dictionary Founded on Andrew's Edition of Freund's Latin Dictionary, Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten*. Oxford: At the Clarendon Press, 1879. XIV. 2019 p.
- Manuylov A. *Russian Greeks / Greek Russian: Parameters of Identity*: PhD thesis. Bergen: University of Bergen, 2015. 208 p.
- Morokvasic M. 'Settled in Mobility': Engendering Post-Wall Migration in Europe // *Feminist Review*. 2004. No. 77. P. 7–25.
- Popov A. *Becoming Pontic: «Post-Socialist» Identities, «Transnational» Geography, and the «Native» Land of the Caucasian Greeks* // *Ab Imperio*. 2003. No. 2. P. 339–360.
- Ricoeur P. *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation* / Ed. and transl. by John B. Thompson. Cambridge: Cambridge University Press, 2016 [1981]. 267 p.
- Sansi R. *Fetishes and Monuments: Afro-Brazilian Art and Culture in the Twentieth Century*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2007. X. 213 p. (Remapping Cultural History, Vol. 6).
- Schneider A. *Appropriation as Practice: Art and Identity in Argentina*. New York: Palgrave Macmillan, 2006. XVI. 230 p. (Studies of the Americas, ser.).
- Thomas N. *Entangled Objects: Exchange, Material Culture, and Colonialism in the Pacific*. Boston: Harvard University Press, 1991. XV. 259 p.
- Voglis P. *Between Negation and Self-Negation: Political Prisoners in Greece, 1945–1950* // Mazover M. (ed.) *After the War Was Over: Reconstructing the Family, Nation, and State in Greece, 1943–1960*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000. P. 73–90.
- Voutira E. *Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as «Privileged Return Migrants»* // *Espace, Populations, Sociétés*. 2004. No. 3. P. 533–544.
- Voutira E. *Post-Soviet Diaspora Politics: The Case of the Soviet Greeks* // *Journal of Modern Greek Studies*. 2006. No. 24. P. 379–414.
- Voutira E. *The 'Right to Return' and the meaning of 'Home': A post-Soviet Greek diaspora becoming European?* Zürich; Münster: Lit, 2011. XI. 367 p. (Balkan Border Crossings – Contributions to Balkan Ethnography, Bd. 2).
- Young J.O. *Cultural Appropriation and the Arts*. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010. XIV. 168 p. (New Directions in Aesthetics).

Manuylov Alexander N.

**THE APPROPRIATION OF DISCOURSES AND PRACTICES:
FEMALE MIGRATION FROM RUSSIA TO GREECE IN THE 1990S AND THE
2000S**

Abstract. The article examines transformations in identities of women as a result of their migration from Russia to Greece and appropriation of Greekness. The concept of appropriation is advocated as a key idea of analysis and interpretation of migrants' experiences. The author's position regarding the relevancy of the concept of appropriation is based upon Paul Ricoeur's understanding of the process of interpretation and some contemporary anthropological works. The results of the author's fieldwork in Greece are presented in the article which is concentrated on two life stories. These life stories are juxtaposed so as to compare different techniques of appropriation. The discussion provides evidence of ways in which identities can be manifested and changed during the process of appropriation. The argument is that the appropriation of Greekness may take place (and be used) in contrasting ways, the causes of which are rooted in pre-emigration experience. The author concludes that one case demonstrates how rural Greek identity was successfully appropriated and the other case shows how the process of appropriation and re-appropriation of urban Greekness resulted in construction of global identity.

Keywords: appropriation, re-appropriation, identity, migration, Greece, Russia

DOI: 10.17223/2312461X/16/7

References

- Anan'ev, Iasnetskii, Lebedinskii. *Polnyi latinskii slovar', sostavlennyi po sovremennym latinskim slovariam* [The Complete Latin dictionary based on modern Latin dictionaries]. Moscow: V Tipografii Katkova i K., 1862. vii, 910 p.
- Ulunian, Ar. Polemika po problemam iazyka sovetskikh grekov v mezhoennoi period v SSSR [Debates over the Soviet Greeks' language issues in the USSR in the interwar period], *Etudes balkaniques*, 1991, no. 2, pp. 11-24.
- Bourdieu, Pierre. The forms of capital, *Richardson, John G. (ed.) Handbook of Theory and Re-search for the Sociology of Education*. New York: Greenwood, 1986. pp. 241-258.
- Burrill, Alexander M. *A New Law Dictionary and Glossary: Containing Full Description of the Principal Terms of the Common and Civil Law, Together with Translations and Explanations of the Various Technical Phrases in Different Languages, Occurring in the Ancient and Modern Reports, and Standard Treatises; Embracing Also the Principal Common and Civil Law Max-ims*, P. I. Union, N.J.: The Lawbook Exchange, Ltd., 1998 [1850]. (4), 1099 p.
- Coleman, Elizabeth Burns. *Aboriginal Art, Identity and Appropriation*. Aldershot; Burlington: Ashgate, 2005 (Anthropology and cultural history in Asia and the Indo-Pacific). xvii, 188 p.
- Foucault, Michel. *Histoire de la sexualité, 1: La volonté de savoir*. Paris: Gallimard, 1976. 213 p.
- Lattas, Andrew. *Cultures of Secrecy: Reinventing Race in Bush Kalial Cargo Cults*. Madison: The University of Wisconsin Press, 1998 (New Directions in Anthropological Writing). xlix, 365 p.
- Lewis, Charlton T., Charles Short. *A Latin Dictionary Founded on Andrew's Edition of Freund's Latin Dictionary, Revised, Enlarged, and in Great Part Rewritten*. Oxford: At the Clarendon Press, 1879. xiv, 2019 p.
- Manuylov, Alexander. *Russian Greeks / Greek Russian: Parameters of Identity*. Bergen: University of Bergen, 2015 (PhD thesis). 208 p.

- Morokvasic, Mirjana. 'Settled in Mobility': Engendering Post-Wall Migration in Europe, *Feminist Review*, 2004, no. 77, pp. 7-25.
- Popov, Anton. Becoming Pontic: "Post-Socialist" Identities, "Transnational" Geography, and the "Native" Land of the Caucasian Greeks, *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 339-360.
- Ricoeur, Paul. *Hermeneutics and the Human Sciences: Essays on Language, Action and Interpretation* (ed. and transl. by John B. Thompson). Cambridge: Cambridge University Press, 2016 [1981]. 267 p.
- Sansi, Roger. *Fetishes and Monuments: Afro-Brazilian Art and Culture in the Twentieth Century*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2007 (Remapping Cultural History, Vol. 6). x, 213 p.
- Schneider, Arnd. *Appropriation as Practice: Art and Identity in Argentina*. New York: Palgrave Macmillan, 2006 (Studies of the Americas, ser.). xvi, 230 p.
- Thomas, Nicholas. *Entangled Objects: Exchange, Material Culture, and Colonialism in the Pacific*. Boston: Harvard University Press, 1991. xv, 259 p.
- Voglis, Polymeris. Between Negation and Self-Negation: Political Prisoners in Greece, 1945–1950, *Mazover, Mark (ed.) After the War Was Over: Reconstructing the Family, Nation, and State in Greece, 1943–1960*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2000, pp. 73–90.
- Voutira, Eftihia. Ethnic Greeks from the Former Soviet Union as "Privileged Return Migrants", *Espace, Populations, Sociétés*, 2004, no. 3, pp. 533-544.
- Voutira, Eftihia. Post-Soviet Diaspora Politics: The Case of the Soviet Greeks, *Journal of Modern Greek Studies*, 2006, no. 24, pp. 379-414.
- Voutira, Eftihia. *The 'Right to Return' and the meaning of 'Home': A post-Soviet Greek diaspora becoming European?* Zürich; Münster: Lit, 2011 (Balkan Border Crossings – Contributions to Balkan Ethnography, Bd. 2). xi, 367 p.
- Young, James O. *Cultural Appropriation and the Arts*. Singapore: Wiley-Blackwell, 2010 (New Directions in Aesthetics). xiv, 168 p.

**«ПЕВЕЦ, ОТПРАВЛЯЮЩИЙСЯ В ПУТЬ»:
К ВОПРОСУ О «ШАМАНСКИХ» ИСТОКАХ
ПЕВЧЕСКОЙ И СКАЗИТЕЛЬСКОЙ ТРАДИЦИЙ
ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И НАРОДОВ СИБИРИ***

Елена Вадимовна Нам

Аннотация. Дается сравнительный анализ древних индоевропейских ритуальных традиций и шаманских, а также сказительских практик народов Сибири; актуализируется идея о функциональной и генетической связи шаманов с певцами и сказителями. Показывается, что певцы и сказители исследуемых культурных ареалов, как и шаманы, обязательно проходили процесс профессионального становления, призывались и обучались обитателями потусторонних миров. У индоевропейских народов, как и у народов Сибири, пение, врачевание и прорицания, сопровождаемые экстатическими переживаниями, сформировали единый функциональный ритуальный комплекс. Экстатическая практика шаманских путешествий получила своеобразное воплощение в ритуалах индоевропейцев. Автор выделяет четыре варианта осмысления дороги в ритуальных контекстах: 1) дорога связана с дымом и огнем и представляет собой путь к божеству во время жертвоприношения; 2) дорога – это процесс поиска, открытия и получения нового знания, а посвящение шаманов и сказителей – прокладывание пути в мир духов, владеющих этим знанием; 3) путешествие – процесс духовного «видения», основанного на опыте изменения сознания, способность проникать мысленным взором в мир духов и эпических героев; 4) дорога – это символическое воплощение идеи смерти, а знание дороги – способность проникать в мир мертвых и возвращаться оттуда живым. На основе проанализированных материалов делается вывод о том, что полифункциональность певцов-шаманов произрастала из особенностей их коммуникативной деятельности, неразрывно связанной с ритуалом, на основе чего автор полагает возможным говорить о корректности сопоставления древнего певца индоевропейцев с сибирским шаманом. Данный вывод может служить обоснованием для дальнейшего поиска идеологических основ и конкретных ритуальных практик индоевропейцев, сопоставимых с сибирскими образцами.

Ключевые слова: поэтическое вдохновение, призвание, мир духов, шаманские путешествия, синкретизм

Введение

Многочисленные письменные, археологические и лингвистические источники указывают на огромную роль мифа и ритуала в жизни древ-

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки Российской Федерации, номер проекта 33.8608.2017/П220/9.10.

них индоевропейцев. Сложная система мировоззрения, основанная на тесном взаимодействии мира культуры и мира природы, а также «сакральных» образцов и «профанной» реальности, предполагала разработку разнообразных механизмов коммуникации, иначе – ритуальных практик. Однако анализ древнейших форм коммуникативного опыта связан с большими сложностями. Наиболее архаичные формы мироощущения запечатлены в мифах. Но даже самые ранние мифы древнего Востока отражают идеологию общества оседлых земледельцев и скотоводов, уже пережившего неолитическую революцию. А древнегреческие мифы вообще дошли до нас в переработанном и «искаженном» виде – через литературную традицию (Сагалаев 1999: 119).

В этих условиях значительно возрастает роль сравнительно-исторических исследований. Еще Э. Эванс-Притчард задавался вопросом: «...надо ли социологам и антропологам, изучающим политические или религиозные институты, включать в поле своего зрения те общества, которые известны нам только по работам историков?» (Эванс-Притчард 2003: 266). В поисках ответа на него он отмечал, что тесная связь антропологии и истории должна значительно обогатить обе дисциплины, а историки и антропологи способны предоставлять друг другу ценный материал, способный «пролить свет на существование универсалий, демонстрируя наличие скрытых структурных форм общества». Антропологам необходимо «чаще браться за исторические сюжеты и на конкретных примерах показывать, как исторические проблемы могут быть осмыслены в свете антропологического знания» (269). Интересной в русле данного дискурса является также идея А.М. Сагалаева о том, что «обработанные» мифологические тексты древних народов должны быть дополнены «серым фоном» (или питательной средой), из которого выростали в дальнейшем яркие натурфилософские построения (как древнегреческие, так и древневосточные). И роль такого «серого фона» могут сыграть рядовые, массовые материалы по сибирскому шаманизму (120).

Мы имеем достаточно много информации о народах, которые занимались присваивающим хозяйством или изменили свой хозяйственный тип в недалеком прошлом. К числу таких народов относятся и народы Сибири (Сибирь здесь рассматривается как обширный географический регион, протянувшийся от Уральских гор на западе до Тихого океана на востоке), сохранившие или сохранявшие до недавнего времени «шаманскую» систему мировоззрения. А.М. Сагалаев предложил обозначать духовный космос Сибири понятием «шаманизм», предпочитая его таким словам, как «язычество», «традиционное мировоззрение», «мифологическая культура» и др. «В мифологии, религии и культуре Сибири нет ничего, что противоречило бы шаманизму, не имело бы с ним точек соприкосновения и общих истоков» (Сагалаев, 1999: 121–122). Это вы-

сказывание основывается на понимании того, что шаманизм – сложная мировоззренческая система, включающая в себя весь комплекс представлений человека о мире и различные варианты взаимодействия с ним. Чем глубже мы всматриваемся в его суть, тем явственней начинаем понимать, что порождая сложно переплетенные между собой и порой парадоксальные вариации на тему «человек–природа», шаманизм выражает некоторые фундаментальные познавательные конструкции, которые, возможно, могут позволить по-новому взглянуть и на индоевропейскую архаику.

Сравнительно-исторические исследования, завязанные на «шаманских» сюжетах в индо-иранской, скифской, славянской, скандинавской традициях, имеют давнюю историю и уже богатую историографию. О скифских шаманах, а также о жрецах Аполлона Аристее и Абарисе, имеющих шаманские черты, в 30-х гг. XX в. писал К. Мейли (Meuli 1935). Шаманской идеологии и технике у индоевропейцев посвятил главу в своей знаменитой книге «Шаманизм: архаические техники экстаза» М. Элиаде (Элиаде 1998). Изучению элементов северного шаманизма в религии индоариев и иранцев посвящена известная книга Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского «От Скифии до Индии» (Бонгард-Левин, Грантовский 1983). Вышеупомянутые авторы делали упор на поиск и анализ у индоевропейских народов экстатических практик, которые сопоставимы с практикой «шаманских путешествий» у народов Сибири. В.Н. Топоров, Вяч.Вс. Иванов, Е.М. Мелетинский, Б.Л. Огибенин в своих публикациях акцентировали внимание на «шаманской» символике, выражающей особенности мировоззрения. Особого внимания заслуживали ключевые символы: мирового дерева (столпа, горы), нити, коня, огня, реки (Мелетинский 1973; Иванов 1974; Огибенин 1968; Топоров 2010 и т.д.).

Основная сложность подобного рода исследований заключается в том, что традиции индоевропейских народов, по всей видимости, никогда не содержали в себе шаманскую систему представлений как целостный текст, реконструируемый в традициях сибирских народов. Особая значимость поддержания контактов со «священным» выражалась среди прочего и в существовании большого количества лиц-коммуникаторов: жрецов, колдунов, певцов-сказителей, ведьм, прорицателей-экстатиков, гадателей, толкователей снов и т.д. Среди различных ритуальных специалистов, о которых упоминают источники, наибольшего внимания в рамках данного дискурса заслуживают певцы и сказители, чья тесная функциональная и генетическая связь с сибирскими шаманами неоднократно подчеркивалась специалистами.

В отечественной этнографии рассмотрение деятельности шаманов и сказителей в тесной взаимосвязи друг с другом уже является традиционным. В.М. Жирмунский (1979), основываясь на материалах о призва-

нии и поэтическом вдохновении певцов, предположил, что на ранних этапах общественного развития имело место совмещение профессии певца и прорицателя-шамана. Большое значение для изучения данной темы имела статья Е.В. Ревуненковой (1984) «О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии (шаман–певец–сказитель)», в которой она говорит о функциональном слиянии, преемственности между шаманом и певцом-сказителем, установленной на материалах разных народов. А.М. Сагалаев (1985) в статье «Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев» акцентировал внимание на посреднической функции шамана и сказителя и на значительном сходстве шаманской и сказительской картин мира. Он отметил также, что для тюрков Саяно-Алтая «шаманская и сказительская картины мира – это два варианта реализации общего мифологического фонда». В статье Д.А. Функа «“Шаманская болезнь” Саяно-Алтайских сказителей (шорские материалы)» (Функ 1999) избранничество сказителей рассматривается в тесной взаимосвязи с «шаманской болезнью». В книге Б.Н. Путилова (1997) «Эпическое сказительство» были обобщены материалы по сказительской и шаманской традициям разных народов (прежде всего, в Сибири и Средней Азии) и сделан вывод о ритуальных истоках сказительства, а также о недифференцированности обеих традиций в прошлом. Наконец, из последних работ необходимо упомянуть книгу Д.А. Функа (2005) «Миры шаманов и сказителей», в которой автор на основе опубликованных и архивных источников и, что наиболее важно, с опорой на многочисленные собственные полевые материалы по шорцам и телеутам представил сравнительный анализ шаманской и эпической традиций.

В рамках данной статьи предлагается сравнительный анализ ритуальных традиций индоевропейцев, связанных с поэтическим и певческим искусством, с шаманской и сказительской традициями народов Сибири. В большинстве сравнительно-исторических исследований, пытающихся выявить «шаманские черты» в ритуальных практиках индоевропейцев, певцам и поэтам отводится достаточно скромная роль, ограничивающаяся чаще всего мотивом избранничества и возможностями экстатических переживаний (ср. др.-инд. риши). Однако поэтическое и певческое искусство индоевропейцев занимало важное, а возможно, и центральное место в их ритуальных практиках. В качестве рабочей гипотезы можно предположить, что многие элементы «шаманского» мироощущения получили воплощение именно в деятельности певцов и поэтов, а также в сложившейся вокруг них мифологической и литературной традиции. Возможно, «высокая» культура древних индоевропейцев, запечатленная в письменных памятниках, и «народная» (преимущественно устная) шаманская культура сибирских народов имеют еще больше точек соприкосновения, выраженных в схожих по-

знавательных конструкциях, чем это предполагалось ранее. Основными материалами для проведения исследования послужили многочисленные этнографические и фольклорные источники и научные труды по сибирским народам, а также наиболее репрезентативные письменные источники по древнеиндийской, древнегреческой и скандинавской культурам (с привлечением отдельных материалов по древним иранцам и славянам).

Личности шамана и сказителя

Становление личностей певца-сказителя и шамана тесно связано с влиянием потусторонних сил. Они – избранники богов и духов. В соответствии с религиозными представлениями якутов, первый признак явления духов – обретение человеком дара поэтической импровизации (Ксенофонтов 1930: 109). У долган кроме шаманов избранниками духов были певцы – *ырыаһыт*. Считалось, что людей делают певцами дочери облаков, относимые к русским *абааһы* (абаасы). Как и шаманы, они могли лечить болезни, и лечение их заключалось в пении (Попов 1981: 262). У хакасов искусство горлового пения передавалось великим сказителям – *хайджи* духом-хозяином хая (*хай-ээзи*). Многие великие шаманы также умели петь горлом – хаем (Бутанаев 2006: 63). По словам одного якутского сказителя, если ты во сне не видишь ночного олонхосута, то из тебя не получится хороший сказитель. Он обучает сказительскому искусству и рассказывает во сне олонхо. Олонхо могли исполняться во время эпидемий в качестве лечебного средства (Путилов 1997: 45–46, 53). Шорские сказители – *кайчи* – также могли получать свой дар и обучаться новым сказаниям во сне, и кроме этого им приписывалось умение лечить болезни (Функ 1999: 324–325). Для хантыйских исполнителей песен, былин и легенд *арехта-ку* было характерно избранничество духами и наличие духов-помощников. В некоторых случаях они предсказывали судьбы отдельных людей, исход болезни, а также занимались лечением (Кулемзин 1976: 47–48). Можно с уверенностью сказать, что для сибирских сказителей, как и для шаманов, в значительной части зафиксированных случаев было характерно призвание и покровительство духов, а также совмещение певческого (сказительского) искусства с лечебным.

Еще В.М. Жирмунским (1979: 398) было отмечено, что легенда о призвании сказителей встречается у многих народов, не связанных между собой какими-либо культурными взаимодействиями и влияниями. В ведийской традиции *риши* – певцы, составители ведийских гимнов – могли иметь своими вдохновителями разных божеств, но наиболее часто в этой роли выступают Агни, Сома и Индра:

От тебя, о Агни, поэтические силы, от тебя поэтические мысли,

От тебя гимны рождаются, достойные успеха... (Ригведа 1989: 372).
 ...Знающий тайное (слово), подобно следу коровы,
 Агни открыл мне могучий напев (и) поэтическое вдохновение (Ригведа 1989: 365).

Он (Индра) внушил певцу эти поэтические мысли,
 Он улучшил этот их чистый облик (Ригведа 1989: 325).

Сома в «Самаведе» – это «наделенный умом риши, породитель риши, воспетый тысячью гимнов, вождь мудрецов» (Самаведа 2005: 395). Сома выступает в роли «далеко смотрящего» и «дальновидного» мудреца и певца (396). Агни – «первый Ангирас, риши». Индра также называется в гимнах поэтом (Ригведа 1989: 334). Таким образом, боги в ведийской традиции могут выступать и как первые певцы, и как источники поэтического вдохновения, призывающие певцов на служение им.

В Древней Греции существовало устойчивое представление о том, что все певцы происходят от муз и Аполлона. Гесиод получил свой дар от муз, которые ему «дар... божественных песен вдохнули» (Гесиод 1990: 194). Певец Лин был сыном Аполлона и / или одной из муз. Орфей имеет такое же происхождение и по одной из версий был братом Лина (Аполлодор 1993: 6). Представления о целительной силе пения также не были чужды древним грекам. Орфей, среди прочего, был врачом-лечителем болезней. Известно, что лакедемоняне в случае эпидемий или повального безумия приглашали иноземных певцов для исцелений и очищений (Элиан 1995: 96). Гесиод воспевал целительную силу напевов, повествующих о давних героических временах и о богах, дарованную музами:

Если кто сохнет, печалью терзаясь, то стоит ему лишь
 Песню услышать служителя муз, песнопевца о славных
 Подвигах древних людей, о блаженных богах олимпийских,
 И забывает он тотчас о горе своем; о заботах
 Больше не помнит: совсем он от дара богинь изменился

(Гесиод, 1990: 195).

Сам Аполлон был не только покровителем певцов и поэтов, но также владел искусством врачевания. По сведениям Павсания, в Мессении находился древнейший храм Аполлона, где бог врачевал болезни (Павсаний 1996: 305). От него «власть получают врачи отгонять врачеваньем кончину» (Каллимах 1972: 105). Таким образом, возможно, что в лице Аполлона сохранилась древняя традиция совмещения поэтического вдохновения и лечебного искусства. Древние славяне также приписывали песням целебное свойство от всех болезней и душевных недугов. В Ипатьевской летописи рассказыва-

ется об одном «чудце», чьи песни имели такую же силу, как зелье (Афанасьев 1996: 51).

Неистовство или экстаз – обязательный признак исполнителя ритуальных песен. Это состояние свидетельствует о присутствии божества, дающего певцу силу и вдохновляющего его. Древнеиндийские риши именовались также *vipra*, что означает ‘вдохновенный’, ‘трепетный’, ‘поэт’, ‘певец’ и происходит от корня *vip* – ‘трепетать’, ‘дрожать’ (Елизаренкова 1989: 479). Лингвистический материал указывает на то, что они могли входить в особое состояние сознания, отмеченное присутствием божества. Наименование древнегреческих муз, по мнению В.Н. Топорова, восходит к слову *μανία* – ‘неистовство’, ‘трепет’, ‘творческая дрожь’, которое описывает особого рода духовное возбуждение, связанное со сферой творческого и сакрального (Топоров 1977: 36). Слово *μάντις* имеет тот же корень и означает ‘прорицатель’. Греческий глагол *ὑμνωδέω* (гимнодео) обозначает не только ‘славить песней’, но и ‘пророчествовать’. Аналогичным образом латинское слово *carmen* обозначает одновременно ‘песню’ и ‘заклинание’ (Герцман 1995: 20).

Страбон (1964: 444), размышляя о связи экстаза с пророческим и поэтическим искусством, писал: «...божественное исступление основано, по-видимому, на некоем божественном вдохновении и особенно близко роду людей, наделенных пророческим даром». Кроме этого, он упоминал о том, что в прежние времена прорицатели занимались также и музыкой (304). Платон считал, что неистовство и одержимость как божий дар являются непременным условием дара поэтического. «Кто же без неистовства, посылаемого музами, подходит к порогу творчества в уверенности, что он благодаря лишь одному искусству станет изрядным поэтом, тот далек еще от совершенства: творения здравомыслящих затемнятся творением неистовых» (цит. по: Григорьева 1991: 137). Гераклит противопоставлял одержимость сивиллы вакхическому безумию дионисийских мистерий. Неистовствующего, пьющего вино он приравнивал к мертвому, поскольку вместе с опьянением отсыревает и умирает душа. Неистовство сивиллы – сакрального лица, наделенного пророческим даром, имеет огненную природу и указывает на состояние мудрейшей и лучшей души (Schottlaender 1963: 37). Интересно отметить, что бог Дионис, чей образ в наибольшей степени связан с экстастическими религиозными обрядами, тоже владел даром предвидения и врачевания. Так, в храме Диониса в городе Амфиклеи (Фокида) бог давал предсказания, а также лечил болезни при помощи сновидений (Павсаний 1996: 382–383). У обских угров божество Мирсусне-хум – это посредник, соединяющий мир людей с миром духов. Он передает наказы Нуми-Торума людям, выслушивает просьбы камлающих шаманов. В последнее время убедительные доказательства получила версия о митраистских истоках культа Мирсусне-хума, а

также о наличии элементов шаманского комплекса в почитании иранского Митры и угорского Мир-сусне-Хума (Яшин 1997: 45). Среди факторов, сближающих этих божеств с шаманами, помимо посреднической функции, выявляются подчеркнуто экстатический характер их образов (Мир-сусне-хум употребляет мухомор, Митра – выступает «громко поющим жрецом» и «первым жрецом для выжимки хаомы»), а также врачебная функция. Мир-сусне-хум спасает от болезней, продлевает человеческую жизнь. Митра также дает жизнь и здоровье, защищает новорожденных от злых духов, исцеляет бесплодных женщин. Оба божества способны путешествовать между мирами, доставляя в мир людей души новорожденных или души больных, похищенные духами (45–46).

Таким образом, искусство сложения и исполнения песен, а также врачевание тесно связаны с пророческим даром и экстатическими состояниями. Все эти явления относятся к одному кругу культурных феноменов, взаимосвязанных и даже взаимно предполагающих друг друга. Шаманская традиция сибирских народов стала живым воплощением этого древнего синкретизма и позволила исследователям воочию наблюдать его практическое воплощение. Зачастую строгое разграничение певцов и шаманов очень затруднено или вообще невозможно. Д.А. Функ (1999: 324–325, 329) писал о кайчы Капроле в Северной Шории, который считался очень сильным камом-шаманом. К нему привозили больных даже из дальних улусов. Наличие тесной связи шаманов и сказителей выражалось также в том, что у сказителя среди предков могли быть шаманы. Возможно, что у шаманов и сказителей могли быть одни и те же духи-покровители *mös*. Некоторые переставшие камлать шаманы у шорцев становились сказочниками *qaičy*. Такие сказители-шаманы рассказывают сказки и «представляют себе это рассказывание на манер шаманского камлания» (Дыренкова 1940: 441). А.А. Попов (1981: 262) описывал обратный случай, когда долганский шаман сначала несколько лет был певцом и только потом стал шаманом. Известны случаи, когда шаман прибегал к помощи сказителя. Так, долганский шаман во время лечения мог пригласить сказочника, чтобы тот выманил духа болезни своим пением или сказом (89). У кетов шаман мог заменять сказочника. Считалось, что шаман, не обладающий способностью создавать сказки и легенды, не будет иметь успеха (Анучин 1914: 26). В число несомненных достоинств касаты-шаманов у нанайцев входило поэтическое творчество. Это были речитативы *лэусуй*, вплетавшиеся как в камлания, так и в песнопения. Особенно удачные произведения потом повторялись как самим автором, так и его последователями (Смоляк 1995: 123). Каждый шаман имел свои молитвы и напевы, которые он получал от своих предков-шаманов. Нганасанский шаман, как и сказитель-певец, должен был обязательно об-

ладать сильным хорошим голосом, поскольку считалось, что с помощью песни шаман прокладывает себе путь в мир духов – нго (Грачева 1983: 140). Алтайские шаманы общались с духами и божествами с помощью гимнов и призываний (алкышей), которые пелись или произносились речитативом (Потапов 1991: 226). И наконец, термин *нимңан*, распространенный у тунгусо-манчжурских народов, имеет два значения: 'сказание' и 'камлание' (Василевич 1969: 244).

Объединение шаманской и сказительской традиций можно проследить в образе бога Одина скандинавской мифологии. Наделение Одина шаманскими чертами уже является традиционным для научных исследований последних лет. В течение 9 ночей он висел на дереве Иггдрасиль, пронзенный копьем и принесенный в жертву самому себе. При этом он узнал «девять песен» и отведал меда поэзии, а также стал «созревать... и знания множить» и узнал руны (Старшая Эдда 1963: 28). У нганасан посвящение шамана могло осуществляться во сне в течение 9 месяцев, когда будущий шаман становился «как больной». В этот период осуществлялось его знакомство с обитателями мира Нго, для чего он открывал поочередно 9 дверей земляного чума (Грачева 1983: 134–135). Таким образом, во время инициации Один постигает искусство поэзии и приобретает священное знание, а сама инициация осуществляется в ветвях мирового дерева, что также придает ей шаманские черты. Обретение поэтического вдохновения и пророческого дара посредством вкушения меда поэзии – еще один распространенный вариант посвящения певцов и поэтов у индоевропейских народов. Павсаний (1996: 289) передает рассказ о Пиндаре, который, будучи юношей, уснул у дороги. Когда он спал, к нему прилетели пчелы и облепили его уста медовыми сотами. Это и послужило началом его поэтической карьеры. Знаменитую пещеру Трофония, где желающим давались предсказания, людям указал рой пчел (315). Считается, что самый древний храм Аполлона был выстроен из лавра, а второй храм был выстроен благодаря пчелам из пчелиного воска и крыльев (332).

Достаточно устойчивой была традиция наделять шаманов и сказителей какими-то видимыми особенностями (физического или психического свойства), которые выступали маркерами их инаковости, отличия от остальных людей. Это могли быть необычный взгляд, странное поведение или физические увечья. Известно, что великий шорский кайчы Морошке был хромым, сказитель-нывакчы Илья Бабушкин – слепым (Функ 1999: 325). Мотив ритуальной или же реальной слепоты шаманов хорошо известен благодаря сибирским материалам. Один старый слепой якут рассказывал, что раньше был шаманом, потом убедился, что это грех, и бросил шаманить. И духи за это ослепили его (Серошевский 1896: 625). Ослепление шамана может быть связано с отказом от принятия шаманского призвания. Г.В. Ксенофонтов приводит рассказ одного якута, который был

наказан таким образом, а впоследствии духи искалечили ему руки и ноги за непочтительное отношение к ним (Ксенофонт 1992: 56).

Для Древней Греции очень характерно наделение слепотой наиболее известных певцов. О знаменитом певце Демодокe в «Одиссее» говорится:

Муза его при рождении злом и добром одарила:

Очи затмила его, даровала зато сладкопенье

(Гомер 1993: 97).

Автор гомеровского гимна «К Аполлону» называет себя слепцом (Гомеровы гимны 1995: 76). Певца Тамириса музы лишили зрения за то, что он отважился на состязание с ними (Аполлодор 1993: 7). Согласно Артеמידору (1999: 49), ослепнуть на оба глаза во сне – это счастье для поэтов. Слепота является важнейшей характеристикой таких известных прорицателей, как Финей и Тиресий, которые получили свой дар в обмен на зрение. Мессенский прорицатель Офионей был слеп от рождения. Однако Павсаний (1996: 270) повествует о его чудесном прозрении. А герой древнегреческих мифов Линкей, наоборот, наделен особо острым зрением, позволяющим ему без труда проникать своим взором даже в подземную глубь (Аполлоний Родосский 1972: 147). На Украине были известны слепые певцы – кобзари. Они объединялись в братства (гильдии), где происходило посвящение и обучение кобзарскому искусству (Функ 2005: 264). В славянской языческой традиции слепота могла также свидетельствовать о колдовской силе. После того как христианская идеология наделила колдунов и ведьм злым и враждебным значением, слепота стала верным признаком связи с нечистой силой. И большое распространение получили заговоры против слепого знахаря (Афанасьев 1996: 39, 235).

Шаманские инициации часто сопровождались ослеплением и получением особого внутреннего зрения, позволяющего видеть духов. Посвящение якутского шамана предполагало «переделку» глаз, ушей, горла, сердца и костей. При этом духи выкалывали посвящаемому оба глаза, которые потом снова начинали видеть (Попов 1999: 287). Такого же рода посвящения были характерны и для других сибирских народов. Мотив ослепления, на первый взгляд, противоположен сюжетам о прозрении и особой зоркости. Однако шаманская традиция объединяет их в единую систему представлений. Слепота – это наказание, смерть, погружение в инобытие. Однако для шамана эта ситуация имеет двойное значение, поскольку он принадлежит двум мирам. Тот, кто слеп среди людей, оказывается зрячим среди духов и наоборот. Ослепление шамана во время инициации сопровождается получением особого зрения, способности видеть невидимое. Возможно, мифологические сюжеты об ослеплении певцов и прорицателей, о даровании им певческого и пророческого искусства, а также о чудесных прозрениях имеют типологи-

ческое сходство с шаманскими инициациями и вырастают из единой системы представлений о мире и о коммуникации с миром духов.

Важным фактором, определяющим особенности личности шамана и певца-сказителя, являются свидетельства об их необычной судьбе. Якуты считали, что у шамана и певца несчастливая судьба. «Не петь певцу нельзя, как нельзя шаману не шаманить. Шаман за свою силу платит здоровьем, мы (певцы) за свою силу платим счастьем» (Серошевский 1896: 593). Довольно часто поводом к занятию сказительством и шаманством становились серьезные психические потрясения, например потеря близких людей (жены, детей), тяжелая болезнь и т.д. Д.А. Функ (1999: 325) приводит свидетельства из биографий шорских сказителей А.Т. Тортабаева и В.М. Карачакова, для которых фактором, спровоцировавшим их дальнейшую деятельность, явилась смерть жены. По свидетельству В.Г. Богораза (1900: 111), призыв к шаманству у чукчей мог прийти во время какого-то большого несчастья, в частности неожиданной потери родных. Подобное призвание осуществлялось обычно уже в зрелом возрасте. Такие причины обращения к шаманству, как тяжелая болезнь или смерть близких, были выявлены мной при беседах с бурятскими шаманами (ПМА 1998, 2015). И происходило это с ними, как правило, уже в зрелом возрасте.

В соответствии с устойчивой традицией древнегреческие прорицатели и певцы имели несчастливую судьбу, случайно или преднамеренно беспокоили богов и были за это жестоко наказаны. Слепой прорицатель Финей, обитавший на побережье Фракии, был ослеплен богами за то, что по наущению мачехи ослепил своих собственных детей. По другой версии, его ослепил Посейдон за то, что он указал детям Фрикса морской путь из Колхиды в Элладу (Аполлодор 1993: 40). Аполлоний Родосский считает, что Финей был наказан Зевсом за то, что не боялся открывать смертным его волю. За это он ослепил его, ниспослал ему вечную старость и лишил «радости в пище обильной» (Аполлоний Родосский 1972: 185). Прорицатель Тиресий стал невольным свидетелем купания богини Афины и увидел ее обнаженной. В гневе она ослепила его, однако потом дала ему дар прорицания и наделила долголетием. По другой версии, Тиресия ослепила Гера, а Зевс одарил его способностью к прорицанию (Аполлодор 1993: 57). Фракийский певец Тамирис за то, что посмел состязаться с музами, был ослеплен, лишен голоса и умения играть на кифаре. Орфей погиб, растерзанный менадами (7).

Пути шаманов и сказителей

В Сибирском регионе камлания шаманов представляют собой трудные, далекие и опасные путешествия в мир духов. Это – пространственные передвижения в мир сакральной реальности, имеющие свои

характерные особенности. Традиция обозначения ритуала как пути или дороги имеет очень глубокие исторические корни. Древнеиндийское слово *adhvaryú* – ‘жрец’ связано с *adhvan* – ‘дорога’, а латинское *pontifex* (от *pons* – ‘мост’) можно перевести как ‘делающий мост-дорогу’ (Иванов 1969: 48). В «Ригведе» слова с корнем *rad-* выступают для обозначения пути или даров. Путь и дары постоянно связываются в самых разных контекстах (Топоров 2010: 84). По всей видимости, мы сталкиваемся здесь с идеей жертвоприношения и жертвенного ритуала как прокладывания пути к божеству. Агни – бог посредник между мирами, божественный жрец, передающий жертву на небо, назывался «знающим путь», «вестником» (Елизаренкова 1995: 462). Он является также мировым столпом и аналогом мирового дерева и в целом божеством, имеющим множество шаманских черт. Дерево (а также нить, волос, солнечный луч и т.д.) как видимый образ дороги в мир духов, занимает центральное место в шаманских ритуалах. Символизм дерева как воплощения шаманского пути характерен и для скандинавской мифологии. Само название мирового ясеня *Иггдрасиль* (конь Игга) указывает, что по нему совершает шаманские странствия Один (*Yggr* означает ‘ужасный’ – это одно из прозвищ Одина). В качестве пути с земли на небо мировое дерево дублируется радужным мостом богов *Биврёст* (др.-исл. ‘трясущаяся дорога’) (Мелетинский 1975: 41).

Древнеиндийское *rad-* в подавляющем большинстве контекстов «Ригведы» может быть интерпретировано и как ‘открывать’, ‘указывать’, ‘находить’. Возможно, что этот круг значений близок к таким значениям, как ‘родить’, ‘творить’ и ‘знать’ (Топоров 2010: 85). Таким образом, путь или дорога могут быть тесно связаны с процессом поиска, открытия и получения знания, что очень характерно для шаманских посвящений и шаманской практики в целом. Сакральная реальность характеризуется множеством путей-дорог, не зная которых, человек может заблудиться и погибнуть. Только шаманы, которые во время посвящения духами узнавали все дороги иномирья и выбирали свою дорогу, могли ориентироваться в этой реальности. Они могли найти духов, которым предназначена жертва, духов, вызывающих разные болезни, а также только они знали дорогу в мир мертвых, куда и сопровождали души умерших. У хакасов практика обучения молодого неопита носила название «открытие шаманского пути» (Бутанаев 2006: 28). Кеты считали, что во время шаманской болезни неопит ищет свою шаманскую дорогу. Если он ее не найдет, то умрет или потеряет рассудок (Анучин 1914: 24). Посвящение нганасанского шамана могло сопровождаться открытием 9 дверей земляного чума, находящегося на вершине высокой сопки. За каждой дверью живут разные нго, знакомство с которыми и составляет основную суть инициации (Грачева 1983: 134). Только трудное путешествие в мир духов

позволяет шаману стать «знающим» и обрести особый статус среди своих соплеменников.

Сказители также должны были проложить свой путь в мир духов. По представлениям хакасов, для того чтобы получить исполнительский дар от дух-хозяина хая, ученику необходимо было отправиться безлунной ночью на перекресток трех дорог, где любили собираться духи-покровители музыки и песен. На этом месте ученик играл и пел в течение трех дней (Бутанаев 2006: 63). У тувинцев подобные представления существовали относительно исполнителей, играющих на дошпулууре (Сузукей 1989: 38). Если игра не нравилась духам, они могли наказать и даже убить исполнителя. У васюганских хантов тот, кто хотел научиться игре на панан-юх, удалялся на «музыкальный мыс» в четырех километрах от юрт, где он должен был прожить в течение 12 суток. В это время происходило общение с духами, дающими музыкальный дар. Если человек не выдерживал этого общения, то на третьи сутки он умирал (Кулемзин 1976: 52). Среди балаганских бурят считалось, что тот, кто хочет научиться игре на хуре, должен был в безлунную ночь сесть на перекрестке трех дорог на голой лошадиной голове. В полночь лошадиная голова сбрасывает наездника, играющего на хуре. Если он упадет, то скоро умрет, если нет, то будет хорошо владеть своим искусством (Сагалаев, Октябрьская 1990: 181). Таким образом, посвящение сказителей также сопровождалось трудными испытаниями и пространственным перемещением, уходом из мира людей и входом на территорию духов.

Если певцы-сказители, как и шаманы, получали свой дар от духов, проходили посвящение, могли лечить болезни и обладали даром предвидения, то могли ли они также совершать далекие путешествия в мир духов? По всей видимости, ответ на этот вопрос должен быть положительным. Есть сведения о том, что шорские сказители не просто пели о подвигах богатырей, но и «видели» картины всех эпизодов исполняемого произведения (Чудояков 1998: 28). Точно так же создатели ведийских гимнов певцы *риши* были наделены способностью «видения», которое рассматривалось как высшее знание. Глагол *dhī*, описывающий творческую деятельность риши, значит одновременно 'видеть' и 'думать', а существительное *dhīf* с тем же корнем означает 'видение', 'мысль' и 'мудрость' (Елизаренкова 1989: 479). Сказители как бы мысленно прослеживали весь путь героев, а значит, путешествовали вместе с ними. Так, бывший шорский шаман Агибаев, ставший впоследствии сказочником, рассказывал: «Когда я говорю (сказку), я не здесь нахожусь, я со своей сказкой в разные-разные земли отправляюсь...» (Дыренкова 1940: 441). Концовки шорских эпических сказаний указывают на то, что сказитель путешествует вместе со своими героями:

Великого хана счастье

В большой мешок затолкал я,
 Черного хана счастье
 В черный мешок затолкал я.
 В кустарник на берегу [реки] придя,
 Белого зайчонка поймал я.
 Великого хана счастье
 На белого зайца навьючил.
 На белого зайца верхом сев,
 На эту землю погнав, приехал я

(Шорский героический эпос 2010: 263).

Д.А. Функ (2005: 332–340) установил факт «присутствия сказителя в сказании» на основе детального анализа большого количества шорских эпических текстов, а также личных переживаний сказителей во время исполнения.

Среди нганасан существовало представление о том, что когда сказитель исполняет какое-то произведение, он в песне сливается с образом персонажа, который как бы поет через сказителя. Сам же сказитель как будто присутствует в мире персонажей в виде своеобразного *нго* (Грачева 1983: 56). Кумандинский сказитель заканчивал рассказывание сказки или легенды словами: «Оттуда я сюда вернулся», «Они там живут, я назад вернулся», тем самым давая понять слушателям, что он уходит из мифического мира (Сагалаев, Октябрьская 1990: 181).

Интересным в свете рассмотренной выше связи певцов и сказителей с путешествиями представляется отношение древних греков к Аполлону. Увидеть его во сне считалось к добру для служителей муз, для врачей, гадалей и философов. В то же время Аполлон Дельфиний для сновидца обычно означал отъезд и дальней странствие (Артемидор 1999: 213–214). Имя Аполлона «Дельфиний» может быть напрямую связано с Дельфами, где находились главный храм Аполлона и знаменитый оракул. Прорицания в храме давала пифия, устами которой говорил бог. Пифия впадала в состояние божественной одержимости, вдыхая испарения, исходящие из глубокой расщелины в земле (Страбон 1964: 397). Об экстазме ритуальной практики певцов в древнеиндийской и древнегреческой традициях уже говорилось выше. Сама идея ритуальных путешествий, по всей видимости, основана на опыте изменения сознания, позволяющем перемещаться в иные пространства. В связи с этим интересны свидетельства «Слова о полку Игореве» о вещем певце Бояне:

Ибо Боян вещей,
 если хотел кому песнь воспеть,
 то растекался мыслию по древу,
 серым волком по земле,

сизым орлом под облаками...

О Боян, соловей старого времени!
Вот бы ты походы эти воспел,
скача, соловей, по мысленному древу,
летая умом под облаками...

(перевод Д.С. Лихачёва) (Слово... 1984)

По всей видимости, в «Слове...» сохранилась древнерусская традиция рассмотрения певцов в качестве «знающих» чудотворцев, способных к оборотничеству и экстатическим путешествиям. Образ дерева, вплетенный в сам процесс исполнения песен, не кажется здесь странным и неуместным. Он представляет собой дорогу, по которой певец «растекается мыслию», уходит в иную реальность, меняет свое сознание и облик. Волк и орел в данном контексте являются маркерами мировых сфер: земли и неба, а Боян, принимая их обличие, совмещает в себе певца и шамана. В традициях многих индоевропейских народов (славянской, балтийской, хеттской, германской) ритуальное превращение человека в волка наделяет его чудодейственной силой и положением «вещего» и «всеведущего». А индоевропейское *ulk* со значением 'волк' связано с корнем *zeit* – 'ведать', 'знать' (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 494). В «Младшей Эдде» (1963: 104–105) Один (поэт и шаман), чтобы добыть мед поэзии, спрятанный в скале (скала = мировое дерево) великаном Суттунгом, сначала обращается в змею, чтобы проникнуть внутрь, а потом в орла, чтобы вернуться назад. Возможно, что змея символизирует путь «туда» и «вниз», а орел – «обратно» и «вверх». Точно так же на вершине дерева Иггдрасиль сидит орел, а в корнях прячется змея, белка же в качестве посредника бегаёт туда-сюда и передает речи орла змее (38). Согласно реконструкции Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванова, все дикие животные в мировоззрении индоевропейцев распределены по трем мировым сферам и соотнесены с частями мирового дерева. В соответствии с этим орел относится к верхнему миру, волк – к среднему, а змея – к нижнему (Гамкрелидзе, Иванов 1984: 488).

Духи-покровители и помощники сибирских шаманов чаще всего выступали в образах различных животных, среди которых очень популярны были орел, волк и змея. С помощью этих духов шаман мог отправляться в разные сферы мироздания, иногда принимая их облик или подражая им во время камлания. Согласно бурятским легендам, западные тенгрии (высшие небесные божества, покровительствующие людям) послали орла в качестве шамана на помощь людям. По одной из версий, первым шаманом был сын орла и смертной женщины (Агапитов, Хангалов 1883: 113–114). Для общения с Торумом хантыйский

шаман совершал полет на орле (Кулемзин 1976: 108). В тюркских языках прослеживается связь орла с пророчествами и с посреднической функцией. Слово *jolo* – ‘белоголовый орел’ составляет основу слова *jолаучи* – ‘посланник’, ‘гонец’, ‘пророк’ (Радлов 1905: 432). У чукчей шаманскими духами чаще всего выступали волк и ворон, а также мышь, сова, горноста́й (Соколова 1998: 125). Телеутскому шаману в его сложных путешествиях помогали гуси, на которых он перелетал через хребты с «труднопроходимыми перевалами», через Волгу и Урал (Функ 1997: 163). У кетского шамана помощником мог выступать лебедь. Сохранились также мифы о шамане, превратившемся в лебедя (Алексеев 1981: 114). Тувинский шаман по ходу камлания превращается то в птицу (ворона, ястреба, орла), то в рыбу (Вайнштейн 1961: 189). У якутов сила шамана зависела от того, в какое животное могла обратиться его душа. Самыми могущественными считались шаманы, душа которых обращалась в быка, жеребца, орла, лося или медведя. Самыми слабыми, несчастными были те шаманы, душа которых обратилась в собаку или волка (Соколова 1998: 125). У нанайцев Уссурийского края существовало предание о шаманке-змее, приносившей много неприятностей людям (125).

Еще один семантический разворот образа дороги связан с понятием смерти или небытия. Метафора дороги – это распространенный способ вербализации идеи смерти (Щепанская 2003: 40–41). В соответствии с древнегреческой практикой толкования снов сойти в Аид означает странствия и перемену места жительства (Артемидор 1999: 245). В шаманской традиции эта идея приобретает особую значимость и связана со способностью путешествовать в царство смерти и сопровождать туда души умерших. Для индоевропейских традиций характерна мифопоэтическая концепция поэта, нисходящего в царство смерти, и это также значительно сближает его с шаманом. Корнем *цел* в индоевропейских языках обозначается смерть, царство смерти, покойник, а также кодируется понятие поэта (Топоров 1977: 35). В известном гимне «Ригведы» (I, 105) говорится о мифическом риши по имени Трита, который оказался на дне глубокого колодца. Он видит в воде колодца отражение месяца и звезд: «Месяц в глубине вод: прекраснокрылый мчится по небу. Не находят себе места златообручные, сверкающие звезды». Трита обращается за помощью к Небу и Земле, к богам с просьбой о помощи. В.Н. Топоров предложил интерпретировать этот гимн, исходя из троичных классификаций, то есть здесь утверждается тройной состав Вселенной: Небо–Земля–колодец. Колодец в данном контексте является эквивалентом нижнего мира (2006: 481). А значит, Трита переживает некое испытание, связанное с попаданием в нижний мир, и, обратившись к богам, благополучно его проходит. Из древнегреческих певцов в Аид спускался Орфей, чтобы

вернуть в мир живых свою жену Эвридику. Древнегреческие герои Одиссей и Геракл также спускались в Аид, а прорицатель Тиресий, единственный из всех смертных, находясь в Аиде, сохранил свой разум, что также придает ему шаманские черты. Известно, что сам Аполлон периодически совершал нисхождение в Аид. А в Фессалии он носил имя Катабасий – Сходящий, т.е. тот, кто сходит в подземное царство (Лосев 1957: 293).

Наконец, древнегреческий бог Гермес, посланник богов, покровитель путников, не просто сходит в Аид, но и провожает туда души умерших, что придает ему «шаманские» черты. У ненцев выделялась особая категория шаманов *самбана*, они общались с духами подземного мира, указывали место, где хоронить покойника, а также ведали проводами души умершего в загробный мир (Хомич 1981: 15). Высшая категория нанайских и ульчских шаманов – *касаты-шаман*. Представители данной категории могли возить души умерших в загробный мир во время грандиозного обряда – больших поминок *каса*. Касаты-шаманы имели посохи *боло*, с помощью которых они осуществляли провода душ умерших на обряде больших поминок (Смоляк 1991: 53).

В известном Гомеровском гимне «К Гермесу» этот бог выступает также создателем лиры, т.е. имеет прямое отношение к музыкальному искусству (Гомеровы гимны 1995: 113–114). Эту лиру Гермес отдает Аполлону и взамен получает жезл «по желанью его наводящий на бодрых сон, отверзающий сном затворенные очи у сонных» (Одиссея XXIV, 3–4) (Гомер 1993: 286). Жезл Гермеса является прямым аналогом шаманского жезла (посоха), с помощью которого можно было осуществлять опасные путешествия в мир мертвых. Кроме этого, Гермес ведает сном живущих, а значит, в его функции входит управление особыми состояниями сознания: сном и смертью. Но отдав Аполлону лиру, Гермес как бы символически лишился возможности обладания даром предвидения. Аполлон говорит ему: «Ведать же судьбы, как алчешь того, храбрец богородный, всем и равно тебе вовек заповедно...» (Гомеровы гимны 1995: 130). В соответствии с повествованием гимна «К Гермесу» между богами произошло разделение функций: Аполлон ведает поэтическим и музыкальным искусством, а также пророчествами и врачеванием, а Гермес является вестником богов, передающим их волю людям, а также управляет такими состояниями души, как сон и смерть. По другой версии, переданной Аполлодором, Гермес изобрел свирель и обменял ее у Аполлона на жезл. Кроме того, Аполлон научил его искусству гадания при помощи камешков (Аполлодор 1993: 63). Гермес является также обладателем особого атрибута: шлема Аида, который делает человека невидимым (63). Дихотомия «видимый–невидимый»

имеет прямое отношение к теме слепоты и особой зоркости певцов и шаманов и характеризует сложную систему взаимоотношений сакрального и профанного миров. В целом же можно сказать, что Аполлон и Гермес поделили ритуальные функции, которые сибирский шаман объединяет в одном лице.

Косвенным подтверждением связи певцов и сказителей с царством мертвых является их участие в ритуалах похоронного цикла. Гомер, описывая похороны Ахилла, говорит о том, что сами «музы – все девять – сменяясь, голосом сладостным пели гимн похоронный» (Одиссея XXIV, 60–61) (Гомер 1993: 288). У нанайцев во время поминок сказители рассказывают сказки, древние истории и легенды (Смоляк 1991: 158; Аврорин 1986: 5). У хантов в доме умершего в течение первой ночи присутствующие слушали сказки. Если сказочник при этом сбивался, это считалось плохим предзнаменованием (Кулемзин 1976: 60). Исполнение эпоса у гроба с телом покойного было широко распространено в шорской, хакасской и тувинской традициях (Функ 2005: 371). Песня (и просто речь) по своему символическому значению могла выступать аналогом мирового дерева (реки, нити и т.д.), представляющего собой дорогу в мир духов. Поэтому пением и рассказыванием героических сказаний, легенд и сказок во время похорон прокладывался путь в мир мертвых, а сам умерший рассматривался как путешественник, отправившийся в далекое и трудное странствие.

* * *

Певцы и сказители исследуемых культурных ареалов, как и шаманы, обязательно проходили сложный процесс профессионального становления, призывались, а также обучались своему ремеслу обитателями потусторонних миров. У индоевропейских народов, как и у народов Сибири, пение, врачевание и прорицания сформировали единый функциональный ритуальный комплекс. Еще одной важной составляющей этого комплекса являлось поэтическое вдохновение, предполагавшее неистовство и экстазизм поэтического и пророческого искусства. Полифункциональность певцов-шаманов произрастала из особенностей их коммуникативной деятельности, неразрывно связанной с ритуалом. Поэтому древнего певца индоевропейцев по многим параметрам и с полным основанием мы можем сопоставить с сибирским шаманом.

Многие древние индоевропейские божества также обнаруживают в своих функциональных характеристиках синкретизм шаманской и певческой традиций. Таковыми выступают древнеиндийские боги Индра, Агни и Сома – посредники, демиурги, поэты и покровители поэтического искусства. В древнегреческой традиции «шаманские» функции

поделили Аполлон и Гермес, тесно связанные с музыкальным и поэтическим искусством, прорицаниями, врачеванием болезней, а также путешествиями в мир мертвых. Дионис также, хотя и по меньшим основаниям, может быть причислен к божествам «шаманского типа». В древнескандинавской традиции это, без сомнения, Один, прошедший шаманскую инициацию и получивший мед поэзии, а значит, и поэтический дар. Наконец, древнеиранский Митра, «громко поющий жрец», защищающий и исцеляющий, имеет множество аналогий с угорским богом-посредником шаманского типа Мир-сусне-Хумом.

Своеобразное воплощение в ритуалах индоевропейцев получила практика шаманских путешествий. Можно выделить несколько вариантов осмысления дороги в ритуальных контекстах: 1) дорога связана с дымом и огнем и представляет собой путь к божеству во время жертвоприношения; 2) дорога – это процесс поиска, открытия и получения нового знания, а посвящение шаманов и сказителей – прокладывание пути в мир духов, владеющих этим знанием; 3) путешествие – это процесс духовного «видения», основанного на опыте изменения сознания, способность проникать мысленным взором в мир духов и эпических героев; 4) дорога – символическое воплощение идеи смерти, а знание дороги – способность проникать в мир мертвых и возвращаться оттуда живым.

Проведенный анализ показал, что наличие схожих черт в теоретическом и практическом освоении окружающего мира в исследуемых культурных ареалах имело не случайный, а системный характер. Возможно, «высокая» культура древних народов, запечатленная в письменных памятниках, и «народная» (преимущественно устная) шаманская культура сибирских народов имеют множество точек соприкосновения, выраженных в схожих «натурфилософских» поисках. Данный вывод может служить обоснованием для дальнейшего поиска идеологических основ и конкретных ритуальных практик индоевропейцев, сопоставимых с сибирскими образцами.

Литература

- Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н.* Материалы для изучения шаманства в Сибири. Шаманство у бурят Иркутской губернии. Иркутск, 1883. 169 с.
- Алексеев Е.А.* Шаманство у кетов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 90–128.
- Анучин В.И.* Очерк шаманства у енисейских остяков // Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914. Т. 2. 90 с.
- Аполлодор.* Мифологическая библиотека. М.: Наука; Ладомир, 1993. 216 с.
- Аполлоний Родосский.* Аргонавтика // Александрийская поэзия. М.: Художественная литература, 1972. С. 140–299.
- Артемидор.* Сонник. СПб.: Кристалл, 1999. 448 с.

- Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. М., 1996. 640 с.
- Богораз В.Г.* Чукчи. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1900. Ч. I: Образцы народной словесности чукоч. 417 с.
- Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии. Древние арии: мифы и история. М.: Мысль, 1983. 206 с.
- Бутанаев В.Я.* Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2006. 254 с.
- Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы: историко-этнографические очерки. М.: Наука; Гл. ред. восточ. лит., 1961. 218 с.
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Вербицкий В.И.* Алтайские инородцы: Сборник этнографических статей и исследований. Горно-Алтайск: Горно-Алтайская типография, 1993. 270 с.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Изд-во Тбилис. ун-та, 1984. Т. 2. 1328 с.
- Герцман Е.В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995. 336 с.
- Гесиод.* Теогония // О происхождении богов. М.: Сов. Россия, 1990. С. 191–218.
- Гомер.* Одиссея. М.: Дюна, 1993. 320 с.
- Гомеровы Гимны. М.: Carte Blanche, 1995. 232 с.
- Грачева Г.Н.* Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – XX вв.). Л.: Наука, 1983. 174 с.
- Григорьева Н.И.* Вдохновение и творчество в поэтике платоновских диалогов // Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика. М.: Наука, 1991. С. 135–157.
- Дыренкова Н.П.* Шорский фольклор. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. 448 с.
- Елизаренкова Т.Я.* Мир идей ариев Ригvedы // Ригведы. Мандалы V–VIII. М.: Наука, 1995. С. 452–486.
- Елизаренкова Т.Я.* «Ригведы» – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведы. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. С. 426–523.
- Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. Л.: Наука, 1979. 490 с.
- Иванов Вяч.Вс.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1969. Ч. 4. С. 44–75.
- Иванов Вяч.Вс.* Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от AŚVA – «конь» // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М.: Наука, 1974. С. 75–138.
- Каллимах.* Гимны // Александрийская поэзия. М.: Художественная литература, 1972. С. 101–132.
- Ксенофонт Г.В.* Легенды и рассказы о шаманах у якутов, бурят и тунгусов. М.: Безбожник, 1930. 123 с.
- Ксенофонт Г.В.* Шаманизм. Избранные труды (Публикации 1926–1929 гг.). Якутск, 1992. 299 с. URL: <http://vk.com/gvksenofontov> (дата обращения: 30.09.2016).
- Кулемзин В.М.* Шаманство васюгано-ваховских хантов (к. XIX – н. XX вв.) // Из истории шаманства. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. С. 3–155.
- Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1957. 620 с.
- Мелетинский Е.М.* Скандинавская мифология как система // Труды по знаковым системам. Тарту, 1975. Т. VII. С. 38–51.
- Младшая Эдда. Л.: Наука, 1970. 254 с.

- Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М.: Наука, 1968. 116 с.
- Павсаний. Описание Эллады. Книги I–IV. СПб.: Алетей, 1996. 336 с.
- Павсаний. Описание Эллады. Книги V–X. СПб.: Алетей, 1996. 538 с.
- Попов А.А. Пережитки древних дорелигиозных воззрений долган на природу // Вопросы философии. 1955. № 2. С. 78–99.
- Попов А.А. Получение «шаманского дара» у Вилюйских якугов // Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л., 1947. Т. 2. С. 282–293.
- Попов А.А. Шаманство у долган // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 253–264.
- Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л.: Наука, 1991. 321 с.
- Путилов Б.Н. Эпическое сказительство: типология и этническая специфика. М.: Восточная литература РАН, 1997. 295 с.
- Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1905. Т. III, ч. 1. 1259 с.
- Ревуненкова Е.В. О некоторых истоках поэтического творчества в Индонезии (шаман-певец-сказитель) // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л.: Наука, 1984. С. 35–41.
- Ригведа. Мандалы I–IV. М.: Наука, 1989. 768 с.
- Сагалаев А.М. Натурфилософские начала сибирского шаманизма (к постановке вопроса) // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. Вып. 25. С. 118–130.
- Сагалаев А.М. Сказитель и шаман в традиционной культуре алтайцев // Известия СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1985. № 9, вып. 2. С. 53–56.
- Сагалаев А.М., Октябрьская И.В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1990. 209 с.
- Самаведа. М.: Аст: Восток-Запад, 2005. 463 с.
- Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. Т. 1. 720 с.
- Слово о полку Игореве (в переводе Д.С. Лихачёва). М.: Просвещение, 1984. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=199805> (дата обращения: 30.09.2016).
- Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение. М.: Наука, 1991. 280 с. (Народы Нижнего Амура).
- Смоляк А.В. Два обряда каса // Шаманизм и ранние религиозные представления: к 90-летию доктора исторических наук, профессора Л.П. Потапова / Отв. ред. Д.А. Функ. М.: ГЕО-ТЭК, 1995. С. 114–143.
- Соколова З.П. Животные в религиях. СПб.: Лань, 1998. 288 с.
- Старшая Эдда. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. 259 с.
- Страбон. География. Л.: Наука, 1964. 944 с.
- Сузукей В. Тувинские традиционные музыкальные инструменты. Кызыл: ТНИИЯЛИ, 1989. 144 с.
- Топоров В.Н. «Музы»: соображения об имени и предыстории образа (к оценке фракийского вклада) // Балканское и славянское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М.: Наука, 1977. С. 28–86.
- Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 2. Индоевропейские языки и индоевропеистика. М.: Языки славянских культур, 2006. Кн. 2. 728 с.
- Топоров В.Н. Мировое дерево: универсальный образ мифологического сознания // Топоров В.Н. Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 263–289.
- Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. М.: Языки славянских культур, 2010. Т. 3. Индийские и иранские языки, кн. 2. 384 с.

- Функ Д.А. Телеутское шаманство: традиционные этнографические интерпретации и новые исследовательские возможности. М., 1997. 268 с. (Этнологические исследования по шаманству и иным ранним верованиям и практикам. Т. 2).
- Функ Д.А. «Шаманская болезнь» Саяно-Алтайских сказителей (шорские материалы) // Шаманизм и иные традиционные верования и практики: материалы международного конгресса. М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 2. С. 323–331.
- Функ Д.А. Миры шаманов и сказителей: комплексное исследование телеутских и шорских материалов. М.: Наука, 2005. 398 с.
- Чудояков А.И. Традиции шорского эпоса и сказания Павла Кыдыякова // Шорские героические сказания. Москва; Новосибирск: Наука, 1998. С. 11–32.
- Шорский героический эпос / Сост., подгот. к изданию, вступит. ст., пер. на рус. яз., примеч. и коммент. Д.А. Функа. М.: ИЭА РАН, 2010. Т. 1. 392 с.
- Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с.
- Эванс-Притчард Э. История антропологической мысли. М.: Восточная литература, 2003. 358 с.
- Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 1998. 384 с.
- Элиан. Пестрые рассказы. М.: Ладомир; Наука, 1995. 187 с.
- Яшин В.Б. Еще раз о митраистических истоках культа Мир-сусне-хума у обских угров // Народы Сибири: история и культура. Новосибирск: Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 44–52.
- Meuli K. Scythica // Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie. Berlin, 1935. Bd. 70, hf. 1. S. 121–176.
- Schottlaender R. Das Sibyllenbild der Philosophen // Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae. Budapest, 1963. T. 11, fasc. 1–2. S. 37–48.

Статья поступила в редакцию 5 октября 2016 г.

Nam Elena V.

‘A SINGER SETTING OUT ON A JOURNEY’: ON THE ‘SHAMANIC’ ORIGINS OF TRADITIONS OF SINGING AND STORY-TELLING IN INDO-EUROPEANS AND THE PEOPLES OF SIBERIA*

Abstract. The article analyzes ancient Indo-European ritual traditions in comparison with shamanic and story-telling practices of Siberian peoples, and the idea of a functional and genetic relationship between shamans, singers, and story-tellers is brought to the fore hereby. It is argued that singers and story-tellers inhabiting the cultural areas in question were to undergo the ‘professional development’ stage in a mandatory way as they were called upon and taught by the inhabitants of other worlds. Signing, healing, and foretelling accompanied by ecstatic states formed a single functional-and-ritual complex in Indo-European and Siberian peoples. The ecstatic practice of shamans’ journeys got embodied in the rituals of Indo-Europeans. There can be several ways of reflecting on the notion of the road in ritual contexts: 1) the road is linked to the smoke and fire and is a way that leads to a deity during the sacrifice; 2) the road is a process of searching for, discovering, and acquiring new knowledge, and the initiation of shamans and story-tellers is about paving the way to the world of spirits that possess this knowledge; 3) journey is a process of spiritual ‘seeing’ based on the experience in reaching altered states, an ability to penetrate with the mind’s eye into the world of spirits and of epic heroes; 4) the road is a symbolic embodiment of the idea of death and knowing the road is an ability to enter the world of the dead and to come back from there alive. Based on the material analyzed, a conclusion is drawn as to the poly-functionality of singers-shamans that sprouted from the specificities of their communication being inextricably linked to ritual. This is why we can, on many grounds and with good reason, compare an Indo-European singer of old times with a Siberian shaman. This conclusion can serve as a basis for further explo-

ration of ideological foundations and specific ritual practices of Indo-Europeans which are comparable with Siberian ones.

Keywords: poetic inspiration, mission, world of spirits, shamanic journeys, syncretism

* The article is written under the Russian Ministry of Education and Science state task, project # 33.8608.2017/П220/9.10.

DOI: 10.17223/2312461X/16/8

References

- Agapitov N.N., Khangalov M.N. *Materialy dlia izucheniiia shamanstva v Sibiri. Shamanstvo u buriat Irkutskoi gubernii* [Materials for the study of shamanism in Siberia. Shamanism in the Buriats of the Irkutsk province]. Irkutsk, 1883. 169 p.
- Alekseenko E.A. Shamanstvo u ketov [Shamanism in the Ket people], *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniia aborigenov Sibiri (po materialam vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv.)* [Issues in the history of social consciousness of Siberian aboriginals (based on the materials of the second half of the 19th to the early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 90-128.
- Anuchin V.I. Ocherk shamanstva u eniseiskikh ostiakov [The essay on shamanism of the Yenisei Ostyaks], *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii. T. 2.* [A collection of Museum of anthropology and ethnography. Vol. 2]. St. Petersburg: Tipografiia imperatorskoi akademii nauk, 1914. 90 p.
- Apollodor. Mifologicheskaiia biblioteka* [Apollodor. The mythological library]. Moscow: Nauka, Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladimir», 1993. 216 p.
- Apollonii Rodosskii. Argonavtika [Argonautica], *Aleksandriiskaia poeziiia* [The Alexandrian poetry]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1972, pp. 140-299.
- Artemidor. Sonnik [Book of dream interpretations]. St. Petersburg: Kristall, 1999. 448 p.
- Afanasev A.N. *Proiskhozhdenie mifa. Stat'i po fol'kloru, etnografii i mifologii* [The origins of myth. Articles on the folklore, ethnography, and mythology]. Moscow, 1996. 640 p.
- Bogoraz V.G. *Chukchi. Materialy po izucheniiu chukotskogo iazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge. Chast' I. Obraztsy narodnoi slovesnosti chukoch* [The Chukchi. Materials in the study of the Chukchi language and folklore collected in the Kolymskiy region. Part I. Samples of the Chukchi folk literature]. St. Petersburg: Tipografiia imperatorskoi akademii nauk, 1900. 417 p.
- Bongard-Levin G.M., Grantovskii E.A. *Ot Skifii do Indii. Drevnie arii: mify i istoriia* [From Scythia to India. The ancient Aryans: the history and myths]. Moscow: Mysl', 1983. 206 p.
- Butanaev V.Ia. *Traditsionnyi shamanizm Khongoraia* [Traditional shamanism of Khongoray]. Abakan: Izd-vo Khakas. gos. un-ta im. N.F. Katanova, 2006. 254 p.
- Vainshtein S.I. *Tuvintsy-todzhintsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Tozhu Tuvinians. Historico-ethnographic essays]. Moscow: Nauka. Glavnaia redaktsiia Vostochnoi literatury, 1961. 218 p.
- Vasilevich G.M. *Evenki. Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII - nach. XX vv.)* [The Evenks. Historico-ethnographic essays (18th to the early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka, 1969. 304 p.
- Verbitskii V.I. *Altaiiskie inorodtsy: Sbornik etnograficheskikh statei i issledovanii* [The indigenous peoples of Altai: a collection of ethnographic articles and research works]. Gorno-Altaiisk: Gorno-Altaiiskaia tipografiia, 1993. 270 p.
- Gamkrelidze T.V., Ivanov Viach. Vs. *Indoeuropeiskii iazyk i indoeuropeitsy. Rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury. T. 2.* [The Indo-European language and Indo-Europeans. The reconstruction and historico-typological analysis of the

- proto-language and proto-culture. Vol.2]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta, 1984. 1328 p.
- Gertsman E.V. *Muzyka Drevnei Gretsii i Rima* [The music of Ancient Greece and Rome]. St. Petersburg: Aleteiia, 1995. 336 p.
- Hesiod. Teogoniia [Theogony], *O proiskhozhdenii bogov* [On the origins of gods]. Moscow: Sov. Rossiia, 1990, pp. 191-218.
- Homer. *Odisseia* [Odyssey]. Moscow: Diuna, 1993. 320 p.
- Gomerovy Gimny* [The Homeric Hymns]. Moscow: Carte Blanche, 1995. 232 p.
- Gracheva G.N. *Traditsionnoe mirovozzrenie okhotnikov Taimyra (na materialakh nganasan XIX – XX vv.)* [The traditional worldview of Taimyr hunters (based on the materials on Nganasans of the 19th to the 20th centuries)]. Leningrad: Nauka, 1983. 174 p.
- Grigor'eva N.I. Vdokhnovenie i tvorchestvo v poetike platonovskikh dialogov [Inspiration and creativity in the poetics of Platonic dialogues], *Antichnaia poetika. Ritoricheskaia teoriia i literaturnaia praktika* [Ancient poetics. Rhetorical theory and literary practice]. Moscow: Nauka, 1991, pp. 135-157.
- Dyrenkova N.P. *Shorskii fol'klor* [The Shor folklore]. Moscow-Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1940. 448 p.
- Elizarenkova T.Ia. Mir idei ariev Rigvedy [The world of the Aryans' ideas in the Rigveda], *Rigveda. Mandaly V-VIII* [The Rigveda. Mandalas of the 5th to the 8th centuries]. Moscow: Nauka, 1995, pp. 452-486.
- Elizarenkova T.Ia. «Rigveda» – velikoe nachalo indijskoi literatury i kul'tury [The Rigveda as a great beginning of Indian literature and culture], *Rigveda. Mandaly I-IV* [The Rigveda. Mandalas of the 1st to the 4th centuries]. Moscow: Nauka, 1989, pp. 426-523.
- Zhirumskii V.M. *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Contemporary literary studies. East and West]. Leningrad: Nauka, 1979. 490 p.
- Ivanov Viach. Vs. Zаметki o tipologicheskom i sravnitel'no-istoricheskom issledovanii rimskoi i indoevropskoi mifologii [Notes on the typological and comparative-and-historical research into Roman and Indo-European mythology], *Trudy po znakovym sistemam Ch. 4* [Writings on sign systems. Part 4]. Tartu: Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 1969, pp. 44-75.
- Ivanov Viach. Vs. Opyt istolkovaniia drevneindiiskikh ritual'nykh i mifologicheskikh terminov, obrazovannykh ot ASVA – «kon'» [The experience of interpreting ancient Indian ritual and mythological terms derived from ASVA – 'kon''], *Problemy istorii iazykov i kul'tury narodov Indii* [Issues in the history of languages and culture of the peoples of India]. Moscow: Nauka, 1974, pp. 75-138.
- Callimachus. Gimny [Hymns], *Aleksandriiskaia poeziia* [The Alexandrian poetry]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1972, pp. 101-132.
- Ksenofontov G.V. *Legendy i rasskazy o shamanakh u iakutov, buriat i tungusov* [The Yakut, Buryat, and Tungus legends and stories about shamans]. Moscow: Bezbozhnik, 1930. 123 p.
- Ksenofontov G.V. *Shamanizm. Izbrannye trudy (Publikatsii 1926–1929 gg.)* [Shamanism. Selected works (published in 1926–1929)]. Iakutsk, 1992. 299 p. Available at: <http://vk.com/gvksenofontov> (Accessed 30 September 2016).
- Kulemzin V.M. Shamanstvo vasiugano-vakhovskikh khantov (k. XIX – n. XX vv.) [Shamanism of the Vasyugan-Vakhovsk Khanty (late 19th to the early 20th centuries)], *Iz istorii shamanstva* [From the history of shamanism]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1976, pp. 3-155.
- Losev A.F. *Antichnaia mifologiiia v ee istoricheskom razvitii* [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Izdatel'stvo ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1957. 620 p.
- Meletinskii E.M. Skandinavskaiia mifologiiia kak sistema [Scandinavian mythology as a system], *Trudy po znakovym sistemam. T. VII* [Writings on sign systems. Vol. 8]. Tartu, 1975, pp. 38-51.

- Mladshaia Edda* [The Younger Edda]. Leningrad: Nauka, 1970. 254 p.
- Ogibenin B.L. *Struktura mifologicheskikh tekstov «Rigvedy» (vediskaia kosmogoniia)* [The structure of mythological texts of the 'Rigveda' (Vedic cosmogony)]. Moscow: Nauka, 1968. 116 p.
- Pausanias. *Opisanie Ellady. Knigi I-IV* [Description of Greece. Books 1-4]. St. Petersburg: Aleteiia, 1996. 336 p.
- Pausanias. *Opisanie Ellady. Knigi V-X* [Description of Greece. Books 5-10]. St. Petersburg: Aleteiia, 1996. 538 p.
- Popov A.A. Perezhitki drevnikh doreligioznykh vozzrenii dolgan na prirodu [Remnants of ancient pre-religious views of the Dolgans on nature], *Voprosy filosofii*, 1955, no. 2, pp. 78-99.
- Popov A.A. Poluchenie «shamanskogo dara» u Viliuiskikh iakutov [Reception of the 'shamanic gift' by the Vilyuy Yakuts], *Trudy instituta etnografii im. Miklukho-Maklaia* [Writings produced by the Miklukho-Maklay Institute of Ethnography]. Moscow-Leningrad, 1947. Vol. 2, pp. 282-293.
- Popov A.A. Shamanstvo u dolgan [The Dolgan shamanism], *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniia aborigenov Sibiri (po materialam vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.)* [Issues in the history of social consciousness of Siberian aboriginals (based on the materials of the second half of the 19th to the early 20th centuries)]. Leningrad: Nauka, 1981, pp. 253-264.
- Potapov L.P. *Altaiskii shamanizm* [Altai shamanism]. Leningrad: Nauka, 1991. 321 p.
- Putilov B.N. *Epicheskoe skazitel'stvo: Tipologiya i etnicheskaia spetsifika* [Narration of epic stories: typology and ethnic specificities]. Moscow: Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1997. 295 p.
- Radlov V.V. *Opyt slovaria tiurkskikh narechii. T. III. Ch. 1* [Dictionary of Turkic dialects. Vol. 3. Part 1]. St. Petersburg, 1905. 1259 p.
- Revunenokova E.V. O nekotorykh istokakh poeticheskogo tvorchestva v Indonezii (shaman – pevets – skazitel') [On some origins of creating poetry in Indonesia (shaman as a singer-storyteller)], *Fol'klor i etnografiia. U etnograficheskikh istokov fol'klornykh siuzhetov i obrazov* [Folklore and ethnography. On the ethnographic origins of folklore plots and images]. Leningrad: Nauka, 1984, pp. 35-41.
- Rigveda. Mandaly I-IV* [The Rigveda. Mandalas of the 1st to the 4th centuries]. Moscow: Nauka, 1989. 768 p.
- Sagalaev A.M. Naturfilosofskie nachala sibirskogo shamanizma (k postanovke voprosa) [Natural philosophical origins of Siberian shamanism (toward posing a question)], *Metodologicheskie i istoriograficheskie voprosy istoricheskoi nauki. Vypusk 25* [Methodological and historiographical questions of history. Issue 25]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 1999, pp. 118-130.
- Sagalaev A.M. Skazitel' i shaman v traditsionnoi kul'ture altaitsev [Storyteller and shaman in the traditional culture of the Altai people], *Izvestiia SO AN SSSR. Seriya Istoriia, filologiya i filosofiya*. 1985, no. 9, vol. 2. Novosibirsk: Nauka. Sibirskoe otdelenie, pp. 53-56.
- Sagalaev A.M., Oktiabr'skaia I.V. *Traditsionnoe mirovozzrenie tiurkov Iuzhnoi Sibiri. Znak i ritual* [The traditional worldview of the Turkic people in Southern Siberia. Sign and ritual]. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1990. 209 p.
- The Samaveda*. Moscow: Ast: Vostok-Zapad, 2005. 463 p.
- Seroshevskii V.L. *Iakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniia. T. 1* [The Yakuts. An ethnographic study. Vol.1]. St. Petersburg: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov, 1896. 720 p.
- Slovo o polku Igoreve (v perevode D.S. Likhacheva)* [The Tale of Igor's Campaign (translated by D.S. Likhachyov)]. Moscow: Prosveshchenie, 1984. Available at: <http://www.litmir.co/br/?b=199805> (Accessed 30 September 2016).

- Smoliak A.V. *Shaman: lichnost', funktsii, mirovozzrenie (Narody Nizhnego Amura)* [Shaman: personality, functions, and worldview (The peoples of the Lower Amur)]. Moscow: Nauka, 1991. 280 p.
- Smoliak A.V. Dva obriada kasa [Two kasa rites], *Shamanizm i rannie religioznye predstavleniia. K 90-letiiu doktora istoricheskikh nauk, professora L.P. Potapova. Otv. red. D.A. Funk* [Shamanism and early religious beliefs. Associated with the 90th birthday of L.P. Potapov, Doctor of History and Professor. Edited by D.A. Funk]. Moscow: OOO GEO-TEK, 1995, pp. 114-143.
- Sokolova Z.P. *Zhivotnye v religiiakh* [Animals in religions]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Lan'», 1998. 288 p.
- Starshaia Edda* [The Elder Edda]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1963. 259 p.
- Strabon. *Geografiia* [Geography]. Leningrad: Nauka, 1964. 944 p.
- Suzukei V. *Tuvinskie traditsionnye muzykal'nye instrumenty* [Traditional Tuvinian musical instruments]. Kyzyl: TNIIIaLI, 1989. 144 p.
- Toporov V.N. «Muzy»: soobrazheniia ob imeni i predystorii obraza (k otsenke frakiiskogo vkladu) [‘Muses’: some thoughts on the name and origins of the image (assessing the contribution by Thracians)], *Balkanskoe i slavianskoe iazykoznanie. Antichnaia balkanistika i sravnitel'naia grammatika* [Balkan and Slavic language studies. Ancient Balkan studies and comparative grammar]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 28-86.
- Toporov V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike. T. 2. Indoevropaiskie iazyki i indoevropaisika. Kn. 2* [Etymology and semantics studies. Vol. 2. Indo-European languages and studies. Book 2]. Moscow: iazyki slavianskikh kul'tur, 2006. 728 p.
- Toporov V.N. *Mirovoe derevo: universal'nyi obraz mifologicheskogo soznaniia* [The world tree: a universal image of mythological consciousness], *V.N. Toporov. Mirovoe derevo: Universal'nye znakovye komplekсы. T. 1* [V.N. Toporov. The world tree: universal sign complexes. Vol. 1]. Moscow, 2010a, pp. 263-289.
- Toporov V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike. T. 3. Indiiskie i iranskie iazyki. Kn. 2* [Etymology and semantics studies. Vol. 3. Indian and Iranian languages. Book 2]. Moscow: iazyki slavianskikh kul'tur, 2010b. 384 p.
- Funk D.A. *Teleutskoe shamanstvo: traditsionnye etnograficheskie interpretatsii i novye issledovatel'skie vozmozhnosti (Etnologicheskie issledovaniia po shamanstvu i inym rannim verovaniiam i praktikam. Tom 2)* [Teleut shamanism: conventional ethnographic interpretations and new research prospects (Ethnological research on shamanism and other early beliefs and practices)]. Moscow, 1997. 268 p.
- Funk D.A. «Shamanskaia bolezn'» Saiano-Altaiiskikh skazitelei (shorskii materialy) [The ‘shamanic illness’ of Sayano-Altai storytellers (the Shor materials)], *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniia i praktiki. Materialy mezhdunarodnogo kongressa. Ch. 2* [Shamanism and other traditional beliefs and practices. International Congress Proceedings. Part 2]. Moscow: IEA RAN, 1999, pp. 323-331.
- Funk D.A. *Miry shamanov i skazitelei: kompleksnoe issledovanie teleutskikh i shorskikh materialov* [Worlds of shamans and storytellers: an integrated study of Teleut and Shor materials]. Moscow: Nauka, 2005. 398 p.
- Chudoiaikov A.I. Traditsii shorskogo eposa i skazaniia Pavla Kydyiakova [Traditions in Shor epic stories, and stories by Pavel Kydyiakov], *Shorskii geroicheskie skazaniia* [Shor heroic legends]. Moscow; Novosibirsk: Nauka, 1998, pp. 11-32.
- Shorskii geroicheskii epos. Tom 1. Sost., podgot. k izdaniiu, vstupit. st., per. na rus. iaz., primech. i komment. D.A. Funka* [Shor epic stories. Vol. 1. Compiled, prepared for publication, and translated by D.A. Funk; preface, comments, and notes by D.A. Funk]. Moscow: IEA RAN, 2010. 392 p.
- Shchepanskaia T.B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX-XX vv.* [The culture of road in the Russian myth-and-ritual tradition of the 19th to the 20th centuries]. Moscow: Indrik, 2003. 528 p.

- Evans-Pritchard E. *Istoriia antropologicheskoi mysli* [The history of anthropological thought]. Moscow: Vostochnaia literatura, 2003. 358 p.
- Eliade M. *Shamanizm: arkhaiskie tekhniki ekstaza* [Shamanism: archaic techniques of ecstasy]. Kiev: «Sofiia», 1998. 384 p.
- Aelianus. *Pestrye rasskazy* [Variegated stories]. Moscow: Nauchno-izdatel'skii tsentr «Ladomir»; Nauka, 1995. 187 p.
- Iashin V.B. Eshche raz o mitraisticheskikh istokakh kul'ta Mir-susne-khuma u obskikh ugrov [Going back to the mitraic origins of the Mir-susne-khuma cult of the Ob Ugrians], *Narody Sibiri: istoriia i kul'tura* [The peoples of Siberia: the history and culture]. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN, 1997, pp. 44-52.
- Meuli K. Scythica, *Hermes. Zeitschrift für klassische Philologie*. Band 70, Heft 1. Berlin, 1935, pp. 121-176.
- Schottlaender R. Das Sibyllenbild der Philosophen, *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. T. 11. fasc. 1-2. Budapest, 1963, pp. 37-48.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ МУХОМОРА КРАСНОГО (*AMANITA MUSCARIA*)

Ольга Владимировна Гордеева

Аннотация. В работе осуществлены интеграция и анализ данных, полученных этнографами, токсикологами, фармакологами, путешественниками, психиатрами, химиками, о влиянии на психику мухомора красного (*Amanita muscaria*) и входящих в его состав психоактивных веществ – иботеновой кислоты и мусцимола. Выявлены изменения, происходящие в психике под действием мухомора красного и его психоактивных веществ, – в уровне активации, сне, моторике, восприятии, памяти, речи, внимании, мышлении, самосознании, образе тела, ориентации в пространстве, времени и ситуации, контроле и регуляции поведения, эмоциональной, волевой и мотивационно-смысловой сферах. В качестве одной из возможных причин расхождений в разных группах данных о психологических эффектах мухомора красного рассматривается наличие / отсутствие модели мухоморного опьянения, обусловленной влиянием фактора культуры.

Ключевые слова: измененные состояния сознания, мухомор красный (*Amanita muscaria*), психоактивные вещества, культурно-историческая обусловленность психики

Введение

Мухомор красный (*Amanita muscaria*) – представитель рода *Amanita* класса базидиальных грибов, произрастающий в лесах умеренного климата (обычно образует микоризу с сосной, елью, березой, осиной; Hobbs 1996; Вишневецкий 2001: 56). Он традиционно использовался (из-за его психоактивных свойств) многими коренными народами Сибири и Крайнего Севера (Линденау 2006; Стеллер 1999; Георги 1799; Крашенинников 1819; Богораз 1991; Иохельсон 1997; Батьянова 2001, 2016; Кулемзин 2004; Saag 1991). Ряд исследователей отмечают сакральный статус этого гриба в связи с его ведущей ролью в ряде религиозных (шаманистских) практик (Уоссон 2009; Батьянова 2016).

Плодовое тело мухомора красного содержит, в числе прочих: 1) иботеновую кислоту (из-за ее инсектицидного действия мухомор получил свое название в русском и французском языках); 2) мусцимол – метаболит иботеновой кислоты (она декарбоксилируется в мусцимол при переваривании, сушке, хранении гриба); 3) мускарин (ранее ошибочно считавшийся психоактивным веществом) – токсичный алкалоид, оказывающий холинергическое действие на парасимпатическую нерв-

ную систему; 4) мусказон – изомер мусцимола со слабым психоактивным действием, содержание которого в этом грибе незначительно (Chilton, Ott 1976; Hobbs 1996; Tupalska-Wilczyńska et al. 1997; Молдаван, Гродзинская 2002; Brvar, Možina, Bunc 2006). В мухоморе красном также обнаружены мускаридин, холин, путресцин, бетаин, этиламин, мускофлавин, амавадин, стизолобиковая кислота, ацетилхолин и другие вещества, а наличие таких психоактивных алкалоидов, как буфотенин, атропин, гиосциамин и скополамин, сейчас отрицается (Chilton, Ott 1976; Hobbs 1996; Молдаван, Гродзинская 2002; Łukasik-Głębocka, Druzdz, Naskret 2011).

Мусцимол и иботеновая кислота – основные психоактивные вещества мухомора красного (о нейрохимических механизмах их действия см.: Молдаван, Гродзинская 2002), они нейротоксичны. Прием мухомора красного или психоактивных веществ, имеющихся в нем, в чистом виде ведет к появлению у человека измененных состояний сознания (ИСС).

1. Проблема культурно-исторической обусловленности состояний мухоморной интоксикации

В одной из работ (Гордеева 2009) мною были выделены культурно-исторически обусловленные формы измененных состояний сознания (КИИСС) как один из видов ИСС. Было показано, что культура (здесь культура понимается в соответствии с принятым в психологии значением этого термина) влияет на возникающее у человека ИСС не прямо, а через сформированную у него индивидуальную *модель* этого состояния – совокупность представлений о нем. В модели конкретного состояния определены его содержание, функции, специфические характеристики, способы его индукции и регуляции, динамика, возникающие субъективные переживания, внешние проявления, глубина, длительность и др. Эти модели имеют эксплицитный или имплицитный характер (т.е. могут не быть представлены самому человеку на сознательном уровне). Они могут быть фиксированы в культуре и усваиваться человеком (как это бывает в традиционных сообществах), могут дорабатываться человеком самостоятельно (например, современный человек сам вырабатывает способы засыпания). Психологическими носителями таких моделей выступают установки, знания, ожидания в отношении ИСС.

Необходимо дифференцировать модели КИИСС на два типа: 1) модели, интегрированные в культуру данной этнической группы, эта модель принимается всеми членами сообщества; 2) индивидуальные модели, или модели, разделяемые определенной субкультурой (но не всеми представителями сообщества).

Модели первого типа характерны для доиндустриальных сообществ, второго – для современных индустриальных обществ и тех культур (в том числе и традиционных), которые испытали воздействие со стороны другой культуры. Примерами носителей модели второго типа являются: 1) аборигены Австралии после начала колонизации материка британцами (модели алкогольной интоксикации и интоксикации парами бензина), 2) коренные народы Сибири и Севера после прихода на их земли русских (модель алкогольной интоксикации); 3) народы Месоамерики после европейской колонизации (модель алкогольной интоксикации); 4) русскоязычные переселенцы, долгое время проживавшие на территории Сибири и Крайнего Севера (модель мухоморной интоксикации) и др. Для моделей первого типа характерно то, что они служат адаптивным целям (поэтому, возможно, не предполагают существования зависимостей). Модели второго типа могут выполнять как адаптивные, так и дезадаптивные функции. По происхождению модели первого типа возникают в самой культуре, будучи интегрированными в нее. Модели второго типа всегда «привнесены» извне.

Долгое время исследования ИСС, вызванных психоактивными веществами, базировались на так называемой «физиологической парадигме», согласно которой химическая природа наркотика, взаимодействуя с химической и физической структурой нервной системы, с неизбежностью приводит к одним и тем же результатам. Однако уже с 60-х гг. XX в., наряду с факторами «наркотическими» (такими как дозировка, способ употребления, химический состав и структура вещества, физиологические особенности субъекта и др.), начинают выделять нефармакологические (установки и ожидания человека, его личностные особенности, настроение в момент приема вещества, опыт и навыки употребления и др.), также определяющие характер возникающих ИСС (Festi, Bianchi 1991; Hobbs 1996; Гордеева 2009).

Среди них важное место занимает фактор культуры, воплощенный в моделях КИИСС. Идея о том, что существующие в культуре представления обуславливают содержание и характеристики конкретных ИСС (в том числе и наркотических) представителей этой культуры, развивалась в работах этнографов и антропологов XX в. – Э. Бургиньон (2009), М. Саар (Saar 1991: 167), М. Добкин де Риос (2009). В психологии изучались процесс и механизм того, как человек усваивает такую модель: он учится входить в конкретное состояние, модифицирует характеристики и / или содержание возникающего состояния под заданные в модели образцы, формирует собственные стандарты его оценки (М. Добкин де Риос, Ч. Тарт, А. Карлин, Р.Д. Пост, К. Беккер, Л. Алперн). Содержание этих моделей было предметом исследования психологии и этнографии.

Описания (хотя и фрагментарные) содержания моделей мухоморного опьянения есть в работах этнографов, антропологов, путешествен-

ников, фиксировавших традиции употребления мухоморов у представителей разных этнических групп (подробный обзор истории исследований этих традиций у коренных народов России см. в работах Е.П. Батьяновой (2001, 2016) и М. Саар (Saar 1991)). В этих моделях были зафиксированы представления о природе данного состояния, находящиеся в контексте шаманистских верований (представления о мухоморных духах-помощниках, их облике и характере), его функциях, характеристиках, содержании, способах индукции, в частности, так называемый «мухоморный кодекс» (термин Е.П. Батьяновой), определяющий правила сбора грибов (какие мухоморы можно собирать, как, когда – сезон, время дня, кому и как дозволено это делать, «возраст» гриба, какие части гриба можно употребить, как вести себя во время сбора грибов), способы приготовления и хранения, дозировки (зависящие, в частности, от целей употребления) и ритуалы употребления, правила поведения в состоянии мухоморного опьянения, кому разрешено входить в это состояние и др. (Линденау 2006; Стеллер 1999; Георги 1799; Крашенинников 1819; Богораз 1991; Иохельсон 1997; Arehart-Treichel 1976; Этнографические материалы... 1978; Добкин де Риос 2009: 104; Saar 1991; Hobbs 1996; Батьянова 2001, 2016).

Эти модели фиксировали также правила обращения с человеком, находящимся в состоянии мухоморного опьянения (Saar 1991: 170), задавали формы психологической подготовки к вхождению в это состояние (см. п. 2.2.8.а), создавая у него определенные ожидания и установки, обуславливающие содержание возникающего ИСС, например, его знак (см. п. 2.2.4), характер галлюцинаций (см. п. 2.2.3) и др. Так, в отношении фактора ожиданий известно, что у многих народов человек перед употреблением гриба должен был сообщить мухомору, для каких целей его принимает (Saar 1991: 167). Через правила «мухоморного кодекса» осуществлялся контроль за данным ИСС со стороны общества: фиксированная доза позволяла избегать опасностей передозировки, правила поведения – минимизировать негативные последствия данного состояния для самого человека и возможный вред для окружающих (см. п. 2.2.8.а).

В данной работе объектом исследования является вызванное приемом мухомора красного ИСС, наблюдавшееся у тех, кто: 1) использует мухомор красный в рамках культурной традиции; 2) съел мухомор по ошибке или неведению; 3) намеренно употребил мухомор как галлюциногенный наркотик; 4) использовал мухомор красный или входящие в его состав психоактивные вещества с исследовательскими целями, проводя контролируемые эксперименты на себе и / или испытуемых. Случаи, указанные в п. 2 и 3, изучались медиками – токсикологами, психиатрами, наркологами, специалистами по экстренной помощи. За исключением п. 1, все остальные случаи предполагают применение му-

хомора красного вне контекста моделей КИИСС первого типа. Правда, п. 3 может предполагать наличие модели второго типа (выработанной определенной субкультурой наркоманов и / или самостоятельно).

При приеме внутрь мухомора красного сначала (в период от 0,5 до 2 ч, обычно через 30–40 мин) появляются физиологические изменения, затем к ним присоединяются изменения в психике.

2. Влияние мухомора красного на психику

2.1. Динамика развития ИСС

Прием мухомора красного или его психоактивных веществ вызывает циклически развивающуюся совокупность изменений в психике, где каждый цикл обычно включает сначала фазу возбуждения, затем фазу угнетения активности центральной нервной системы (ЦНС) (Георги 1799: Ч. 1, 84; Богораз 1991: 140–142; Йохельсон 1997: 114; Стрельчук 1970: 257; McDonald 1978: 216; Tupalska-Wilczyńska et al. 1997; Молдаван, Гродзинская 2002; Satora et al. 2005: 943; Brvar et al. 2006: 295; Łukasik-Głębocka et al. 2011; Graeme 2014: 175; Vendramin, Brvar 2014; Курдиль и др. 2016: 116). Исключение – выделенный А. Бьянки при помощи опытов с приемом мухомора красного итальянцами обратный цикл, где сначала идет фаза, для которой характерны ступор, анальгезия и сон со сновидениями, затем – фаза галлюцинаций (Festi, Bianchi 1991).

Для **фазы возбуждения** (длится до 12 ч) характерно повышение уровня активации – сначала наблюдаются психостимулирующие эффекты мухомора и улучшение настроения, затем развиваются ажитация, спутанность сознания, галлюцинации и др. (см. п. 2.2.1).

Во время **фазы угнетения** развиваются истощение, упадок сил, вялость, апатия, снижение болевой чувствительности, сильная сонливость, поэтому обычно в этот период наблюдается сон (до 6–8 ч) с яркими сновидениями (см. п. 2.2.1). Фаза угнетения может продолжаться и после сна.

Появление сонливости и сна отмечалось и в экспериментах с *муциномом* (при дозах в 10 и 15 мг наблюдались обе фазы) и *иботеновой кислотой* (имела место лишь фаза угнетения, проявившаяся усталостью и сонливостью) (Waser 1967; Duffy 2008).

При однократном приеме мухомора красного таких циклов может быть один или несколько (Benjamin 1992: 15–16; Молдаван, Гродзинская 2002; Satora et al. 2005: 943; Brvar et al. 2006: 295); последнее означает, что после пробуждения у человека снова наступает состояние возбуждения (оно может быть выражено уже слабее), во время которого также возможны иллюзии, галлюцинации, неадекватное поведение и т.д. (Богораз 1991). Если цикл один, то после сна наступает окончательное пробуждение, при этом могут сохраняться (вплоть до нескольких дней) не-

которые физиологические симптомы – головная боль, физическая слабость, тошнота и рвота, потеря аппетита, общее недомогание.

Чередование фаз возбуждения–угнетения было замечено как этнографами, описавшими прием мухомора красного коренными народами Севера и Сибири в рамках соответствующих культурных традиций (Георги 1799: Ч. 1, 84; Богораз 1991: 140–142; Иохельсон 1997: 114), так и токсикологами, наблюдавшими за течением отравления у европейцев (данный термин понимается достаточно широко, без конкретной национальной или этнической привязки) (Benjamin 1992: 15; Tupalska-Wilczyńska et al. 1997; Satora et al. 2005: 943; Brvar et al. 2006: 295; Łukasik-Głębocka et al. 2011; Vendramin, Brvar 2014: 270; Курдиль и др. 2016: 116).

Например, В.И. Иохельсон писал о приеме мухомора красного коряками: «Моменты сильного оживления сменяются припадками глубокого уныния. Опьяненный мухоморами сначала сидит спокойно, покачиваясь из стороны в сторону, даже принимая участие в разговоре с семьей. Внезапно глаза его расширяются, он начинает конвульсивно жестикулировать, разговаривает с воображаемыми людьми, поет и танцует. Потом на него находит опять состояние покоя. ...наконец, наступает глубокий сон, за которым следуют головная боль, чувство тошноты и стремление повторить опьянение» (Иохельсон 1997: 114).

А так описывают эту динамику токсикологи: «При случайном приеме в пищу *A. muscaria* появляются спутанность сознания, головокружение, усталость, изменения зрительного и слухового восприятия, искажения пространства и нарушения ориентации во времени в пределах от получаса до двух часов. За этими первыми симптомами следуют психомоторное возбуждение с эйфорией или депрессией и тревогой, иллюзии, зрительные и слуховые галлюцинации. Затем следуют глубокий сон и яркие сновидения, как правило, продолжительностью до восьми часов» (Brvar et al. 2006).

Можно сделать вывод, что данная динамика обусловлена нейрохимическими механизмами, а не влиянием моделей мухоморного КИИСС. На уровне нейрохимических механизмов это объясняется тем, что иботеновая кислота, действуя на рецепторы глутаминовой кислоты в ЦНС, производит возбуждающее действие; мусцимол, действуя на рецепторы гамма-аминомасляной кислоты, оказывает угнетающее действие. Концентрация мусцимола увеличивается с течением времени (в результате декарбоксилирования иботеновой кислоты в мусцимол), поэтому возбуждение сменяется угнетением (Ibid.).

Этнографы, наблюдавшие вызванное приемом мухомора красного ИСС у народов Севера и Сибири, внутри фазы возбуждения выделяли несколько стадий.

На первой стадии, которую В.Г. Богораз характеризовал как «шумную веселость», мухомор действует как психостимулятор: человек чувствует радость, воодушевление, бодрость, уверенность в себе, исчезновение усталости, у него нарастает двигательное возбуждение, появляется субъективное ощущение прилива физических сил и улучшения координации движений (Богораз 1991: 140; Иохельсон 1997: 114; Батянова 2001: 79).

На второй стадии при достаточно большой дозе начинаются судороги (Крашенинников 1819: 147–148), появляются иллюзии, затем галлюцинации, достигающие своей максимальной выраженности на третьей стадии. При этом частично сохраняется способность к восприятию реального мира, ориентации в пространстве, контакту (так называемое «двойное сознание»; см. п. 2.2.6.г). Идентичность еще сохраняется, но уже возможны ее искажения (см. п. 2.2.6.а), что приводит к соответствующему изменению поведения и схемы тела (см. п. 2.2.7). На этой и следующей стадиях принявший мухомор человек вступает в контакт с галлюцинаторными персонажами, его поведение приобретает, с точки зрения наблюдателя из другой культуры, неадекватный характер (см. п. 2.2.8.б) (см. Крашенинников 1819; Богораз 1991: 140–141; Иохельсон 1997: 114; Батянова 2001: 79). Критическое отношение к своему поведению и состоянию начинает снижаться (см. п. 2.2.8).

На третьей стадии человек утрачивает ориентацию во времени, пространстве, ситуации и – нередко – собственной личности. Количество галлюцинаторных образов увеличивается, внешний мир перестает восприниматься, и человек оказывается в новой реальности – «духи водят его по разным мирам, показывают ему странные видения и умерших людей» (Богораз 1991: 142), т.е. поведение соответствует содержанию галлюцинаций. После этого наступает фаза угнетения.

Сначала состояние мухоморного опьянения углубляется, но потом эта глубина может уменьшиться, тогда человек снова может поддерживать контакт с окружающими, контролировать свое поведение и критично относиться к происходящему (см.: Saar 1991: 165).

2.2. Психические эффекты мухомора красного

2.2.1. Колебания уровня активации

Уровень активации изменяется соответственно описанной в п. 2.1 динамике. Во время **фазы возбуждения** мухомор сначала действует как психостимулятор (Saar 1991: 171), с чем связан ряд функций КИИСС мухоморной интоксикации (первого типа), например функция *вдохновения*; для этого использовали мухомор исполнители эпоса в некоторых дописьменных культурах (Ibid.: 163–164).

Так, С.К. Патканов писал об исполнителях эпоса у хантов: «Чтобы вдохновить себя, певец ел немного мухоморов перед началом пения... под их влиянием он становился просто безумным... Затем он пел героический эпос свирепым (сильным) голосом всю ночь напролет, включая даже те произведения, которые, казалось, были давно забыты; утром он падал на скамью обессиленный» (цит. по: Saar 1991: 164). В.И. Иохельсон отмечал: «Раз я попросил одного кочевого коряка, который славился как отличный певец, спеть что-нибудь в фонограф. Он безуспешно начинал несколько раз, робея, вероятно, перед невидимым записывающим слушателем, но, съев два гриба, он начал петь громким голосом, жестикулируя руками» (1997: 114). И.Г. Георги писал о принявших мухомор *отяках* (хантах): «После сего приему... делается изподовод так резов, что поет, скачет, восклицает, слагает любовные, охотничьи и богатырские песни» (1799: Ч. 1, 84).

Другая функция КИИСС мухоморной интоксикации – это *стимуляция организма*: поднятие жизненного тонуса, предупреждение или снятие утомления, повышение физической выносливости и силы, улучшение координации движений (Иохельсон 1997: 114).

По данным Е.П. Батьяновой, чукчи, коряки, чуванцы употребляют мухомор, отправляясь в длительный пеший переход, «перед тем, как идти в тундру за ягодой или дрова собирать», «чтобы легче было работать», оленеводы – «чтобы быстрее бегать за оленями» (2001: 71–72). Согласно В.Г. Богоразу, «некоторые охотники на оленей по Среднему Анадырю перед началом охоты употребляют мухомор для приобретения большей ловкости и проворства» (1991). С.П. Крашенинников писал о русских казаках, перенявших от ительменов обычай употребления мухоморов «умеренно, когда... в дальний путь идти надлежало», что позволяло проходить «знатное расстояние без всякого устатку» (1819: 149). На основе своих полевых исследований у хантов М. Саар отмечает: «Когда охотник идет один далеко в лес в течение долгого времени и там устает... он будет есть высушенный мухомор и у него возникнет разновидность опьянения. После этого он снова будет чувствовать себя хорошо и сможет возобновить охоту» (Saar 1991: 166).

Улучшение координации движений и повышение физической выносливости использовались для *улучшения качества работы*, в связи с чем мухомор красный применялся при осуществлении таких видов деятельности, как преследование животных на каноэ, работа во время сенокоса, перемещение лодок на веревках и тяжелых грузов на дальние расстояния, долгий путь (Ibid.: 164). При этом информанты считали, что осуществляемая в данном состоянии работа не причиняет вреда здоровью: «В сборе урожая сена я могу делать работу трех человек с утра до сумерек без каких-либо проблем»; «Старуха пробегает 30 км и не умирает»; «Под влиянием гриба пустык пройти пешком 50 км» (Ibid.).

Стимулирующее действие мухомора проявляется в субъективных ощущениях бодрости, прилива физических и душевных сил, повышении ловкости, появлении смелости, переживании положительных эмоций (см. п. 2.2.4 и 2.2.7). Дальнейшее повышение уровня активации приводит к ажитации, спутанности сознания, галлюцинациям, речевому и психомоторному возбуждению, тремору от крайнего повышения тонуса мышц, судорогам и др. (см. п. 2.2.2).

Психостимулирующее действие *мусцимола* проявляется при малых дозах (в 5 мг) объективно (по результатам тестов на концентрацию внимания), при больших дозах (10 и 15 мг) – субъективно (повышение настроения) и объективно (по результатам тестов на концентрацию внимания и научение) (Waser 1967).

Во время фазы угнетения человек обычно засыпает и видит сновидения. Субъективно такой сон оценивается как «тяжелый», а объективно наблюдается повышение порогов пробуждения (Богораз 1991: 142; Стрельчук 1970: 257).

В ряде моделей мухоморного опьянения первого типа принявшему гриб рекомендовалось лечь спать: считалось, что от этого действие мухомора усиливается, а «мухоморным сном» придавалось огромное значение – в них искали разгадку будущего, сигналы об опасности и пр. (Saar 1991: 165; Батьянова 2001: 78), т.е. они выполняли когнитивные функции (см. п. 2.2.10).

В.М. Кулемзин пишет о хантах: «На Васюгане были известны лица, называемые *панкал-ку* (панкал – гриб-мухомор). *Панкал-ку* размачивал в теплой воде гриб-мухомор и выпивал настой, оказывающий снотворное и дурманящее действие. Присутствующие собирались к спящему *панкал-ку* и слушали содержание его сна, передаваемое им в бредовом состоянии» (2004: 56).

Необычные сновидения у испытуемых-итальянцев наблюдал в экспериментах с приемом мухомора А. Бьянки: от осознанных их отличает то, что во время сна человек не только осознает, что спит, но и – одновременно с восприятием самого сновидения – воспринимает и запоминает происходящее вокруг (Festi, Bianchi 1991).

2.2.2. Изменения моторики

Характер изменений в двигательной сфере зависит, в частности, от фазы и стадии развития мухоморного опьянения. При возрастании уровня активации сначала возрастает координация движений и физическая сила, что зафиксировано в моделях КИИСС первого типа в функции стимуляции организма (см. п. 2.2.1). Далее двигательное возбуждение нарастает и наблюдается *нарушение координации движений* – прежде всего, из-за *повышения тонуса мышц* и – как следствие – тремор и судороги (Георги 1799: Ч. 3, 59; Богораз 1991: 140–141).

На европейской выборке при отравлениях мухомором красным токсикологи тоже отмечали двигательное беспокойство, психомоторное возбуждение (Łukasik-Głebocka et al. 2011; Курдиль и др. 2016: 116), *атаксию* – нарушение согласованности движений различных мышц при сохранности их тонуса (Молдаван, Гродзинская 2002; Graeme 2014: 178), *нарушение координации* (Satora et al. 2005: 943; Курдиль и др. 2016: 116), *равновесия, неустойчивость при ходьбе* (Молдаван, Гродзинская 2002; Курдиль и др. 2016: 116). В лабораторных экспериментах при приеме мухомора красного также наблюдали ухудшение координации движений, нарушение равновесия и неустойчивость при ходьбе (Ott 1976; McDonald 1978: 217, 220; Festi, Bianchi 1991). При приеме *муцимола* (10 мг) наблюдались нарушение равновесия, атаксия и миоклонические судороги (Waser 1967), при приеме *иботеновой кислоты* – нарушения равновесия (см.: Arehart-Treichel 1976).

Другой причиной расстройств моторики (наряду с гипертонусом мышц) могут быть изменения телесных ощущений (см. п. 2.2.7).

2.2.3. Изменения восприятия

а) **Появление иллюзий.** Этнографами часто описывалось появление у коренных народов Сибири и Крайнего Севера под влиянием мухомора красного *микроспии* и *макроспии* (видение окружающих предметов уменьшенными или увеличенными) (Богораз 1991; Иохельсон 1997: 114; Добкин де Риос 2009; Крашенинников 1819: 147–148; McDonald 1978: 216; Saar 1991: 165). Подобные иллюзии являются нарушениями константности восприятия размеров.

Так, С.П. Крашенинников писал про аборигенов Камчатки (ительменов и коряков): «Иным скважины большими дверьми и ложка воды морем кажутся» (1819: 147–148). В.Г. Богораз так описывал человека в состоянии мухоморного опьянения: «Когда он входит в помещение и намеревается переступить порог, то чрезвычайно высоко поднимает ноги. Ручка ножа кажется ему такой большой, что он хватает ее обеими руками» (1991: 141).

У европейцев при приеме мухомора красного в условиях эксперимента появлялись зрительные и слуховые искажения (Ott 1976; McDonald 1978: 217, 220; Festi, Bianchi 1991); так, испытуемые А. Макдональда описывали иллюзии усиления насыщенности цветов и громкости звуков, размывания контуров, изменения своего положения в пространстве, «прыгание» зрительного поля (McDonald 1978: 219).

У.С. Чилтон под влиянием *иботеновой кислоты* наблюдал *вращение поля зрения*, т.е. нарушение константности положения объектов (см.: Arehart-Treichel 1976); также возможно появление зрительных галлюцинаций типа А, таких как «ярко освещенные туннели и цветочные вихри» (Duffy 2008).

П. Уосер, испытывая *муцимол* на себе, отметил при дозе 10 мг *искажения в восприятии цвета и вкуса* (Waser 1967; Duffy 2015). При увеличении дозы (15 мг) наряду с восприятием реально происходящего он видел *бесконечно повторяющиеся, как эхо, картины* ситуаций, случившихся за несколько минут до этого, кроме того, «в слышании возник шум, и иногда оно сопровождалось эхом» (Waser 1967).

б) **Усиление образности.** При вхождении в состояние мухоморной интоксикации испытуемые-итальянцы (в эксперименте А. Бьянки) сообщали о появлении у них феномена визуализации мыслей: «Мысли сразу же трансформировались в образы (картинки)» (Festi, Bianchi 1991).

в) **Галлюцинации.** 1. Множественные *зрительные галлюцинации* типа Б (т.е. осмысленные) у коренных народов Севера и Сибири были описаны еще этнографами XVIII–XIX вв. – Г.В. Стеллером (1999: гл. 8), С.П. Крашенинниковым (1819: 146–148), В.И. Иохельсоном (1997: 114), В.Г. Богоразом (1991: 141–142) и др.

Сейчас галлюциногенный эффект мухомора красного отмечают все исследователи – этнографы, фармакологи, химики, токсикологи, психологи (Стрельчук 1970: 256; McDonald 1978: 216; Добкин де Риос 2009; Festi, Bianchi 1991; Benjamin 1992: 16; Hohn, Schoenemann 2000; Батьянова 2001; Молдаван, Гродзинская 2002; Satora et al. 2005: 941, 943; Москаленко, Гриненко 2006; Brvar et al. 2006; Łukasik-Glebocka et al. 2011; Graeme 2014: 176, 178; Vendramin, Brvar 2014: 270; Курдиль и др. 2016: 116), причем, по сообщениям токсикологов, в единичных случаях зрительные галлюцинации сохраняются у пациента в течение нескольких дней (Hohn, Schoenemann 2000; Brvar et al. 2006). У животных (кошек) – на основе наблюдений за их поведенческими реакциями – также признавалось наличие галлюцинаций (Scotti de Carolis, Lipparini, Longo 1969: 191). Галлюциногенное свойство мухомора красного настолько общепризнано, что он получил название «галлюциноген бедняка» и был в этом качестве очень популярным в 60-х гг. XX в. (Duffy 2008).

Галлюцинаторные образы имеют динамичный характер, непрерывно сменяя друг друга (Стрельчук 1970: 257). Их содержание обычно обусловлено культурой. При ИСС, возникших в контексте шаманистской культуры, людям часто кажется, что они летают по воздуху и путешествуют под землей (центральные образы культуры шаманизма), видят духов, зверей, умерших родных, иные миры (Богораз 1991: 142; Стрельчук 1970: 256; Батьянова 2001: 75). Эти галлюцинации являются истинными (для них характерна вера человека в то, что видимое ими реально существует).

2. Также часто встречаются и *слуховые галлюцинации* (Satora et al. 2005: 943; Brvar et al. 2006: 295; Graeme 2014: 178). Слуховые галлюци-

нации императивного характера были описаны этнографами при вызванных мухоморами КИИСС первого типа (Крашенинников 1819; Богораз 1991: 141–142; см. также: Батьянова 2001: 80) (см. примеры в п. 2.2.5.б).

В ранних лабораторных исследованиях галлюциногенный эффект мухомора красного, мусцимола и иботеновой кислоты ставился под сомнение. Так, у американского химика У.С. Чилтона под влиянием *иботеновой кислоты* не было собственно галлюцинаций (см.: Arehart-Treichel 1976: 77). Американец А. Макдональд (прием 12 г высушенных грибов) отметил у себя полное отсутствие «визуальных эффектов, даже с закрытыми глазами», его испытуемые описывали лишь зрительные галлюцинации типа А («крутящиеся узоры»), и только один из них сообщил о галлюцинациях типа Б (McDonald 1978: 219). Истинные галлюцинации типа Б не были получены в экспериментах американца Джонатана Отта (принимал сушеные шляпки мухомора красного; Ott 1976) и швейцарца Питера Уосера (принимал *иботеновую кислоту* и разные дозы *мусцимола*; Waser 1967). Следует обратить внимание, что в этих случаях галлюцинации отсутствовали у тех, кто употреблял мухомор красный вне соответствующей культурной традиции.

2.2.4. Изменения в эмоциональной сфере

Повышение настроения (вплоть до *эйфории*) описано многими, кто наблюдал применение мухомора красного коренными народами в рамках культурных традиций, – И.Г. Георги (1799), С.П. Крашенинниковым (1819: 148), Г.И. Лангсдорфом, К.В. Дитмаром, Г.А. Эрманом (см.: Saag 1991: 164–165), В.И. Иохельсоном (1997), В.Г. Богоразом (1991: 140), Добкин де Риос (2009: 101), Е.П. Батьяновой (2001: 79). В период психостимулирующего действия мухомора человек переживает радостное возбуждение, чувствуя веселье, эйфорию, бодрость, отвагу, смеется, шутит: «Вот, когда ты не сильно пьян, так хочется и разговаривать, и песни петь, и работать, все, что можно делать, буквально все. Прямо ой-е-ей. Как летать... Все идет к песне. Разговаривать, прямо невозможно удержать народ, много, быстро говорят, слова выскакивают» (Батьянова 2001: 79). На более поздних этапах эйфория может сопровождаться приятными галлюцинациями. Модели мухоморного опьянения первого типа нередко предусматривают положительные переживания и во время сновидений в фазе угнетения (Saag 1991: 165).

Эта способность мухомора улучшать эмоциональное состояние человека нашла отражение в моделях мухоморного ИСС (первого типа), что зафиксировано в ряде их функций. Одна из них – функция улучшения настроения (Добкин де Риос 2009: 101). Так, С.П. Крашенинников писал, что те, кто принимает мухоморы в небольших дозах, «чувствуют

в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость» (1819: 148). Поэтому мухомор принимался во время коллективных праздников (Крашенинников 1819: 147–148; Saag 1991: 165) и в повседневной жизни – для вызывания приятного состояния в одиночестве или в компании (наблюдения К.В. Дитмара, В.И. Иохельсона (1997), Г.И. Лангсдорфа, В. Лебедева, Ю.Б. Симченко, М. Саар (см.: Saag 1991: 165), Е.П. Батьяновой (2001)).

Другая функция – преодоление страха, придание себе решимости и смелости. М. Саар пишет: «Согласно хантам, мухомор – это средство остановки страха шамана на... стадии коммуникации со сверхъестественным миром» (Saag 1991: 163). С.П. Крашенинников отмечал: «Камчадалы и сидячие коряки едят мухомор и тогда, когда убить кого намеряются» (1819: 150). И.Г. Георги упоминал о том, что кочевые коряки, когда идут «на разбой или для других шалостей... перед таковыми предприятиями придают себе обыкновенно смелость и бесчувственность мухоморами» (1799: Ч. 3, 78).

Осуществлением данных функций обеспечивалась еще одна – *профилактика нервных заболеваний*. Как пишет Е.П. Батьянова, заболевание как бы направлялось в русло ритуала и не выходило за его пределы, что значительно снижало количество нервных заболеваний у коренного населения региона (2001: 73).

Реализация данных функций поддерживалась в моделях мухоморных КИИСС (первого типа) определенными правилами поведения и отношения, создающими у человека соответствующие установки на позитивные эмоции. Так, Е.П. Батьянова пишет, что у чукчей, коряков, чуванцев неременным правилом на всех этапах общения с мухомором «было хорошее, доброе расположение духа. Считалось, что злым людям вообще нельзя общаться с мухомором, так как такой союз может стать причиной массовых несчастий. Нашедший мухомор должен был всячески демонстрировать свою радость: исполнить при этом песню или танец и пр. <...> Обращаться с самим мухомором надо очень ласково» (2001: 76, 2016: 51).

При приеме мухомора красного в условиях лабораторного эксперимента также могло наблюдаться появление радости или эйфории. Так, американец Дж. Отт (проводил эксперимент на себе, съев 30 г сушеных шляпок) ощущал положительные эмоции на фоне понижения уровня возбуждения: он пережил «очень приятное опиумоподобное успокоение с легкими визуальными эффектами» (Ott 1976). Но в аналогичном эксперименте А. Бьянки таких эмоций не было: отдельные испытуемые-итальянцы «припомнили заметное чувство отрешенности и отсутствие эмоциональной вовлеченности» (Festi, Bianchi 1991).

Повышение настроения (до легкой эйфории) отмечалось в некоторых экспериментах с приемом *иботеновой кислоты* (Duffy 2008) и

муцимола, но лишь при дозе в 10 мг, дозы в 5 и 15 мг не вызывали положительных эмоций (Waser 1967) (примечательно, что этот эффект не появился в других экспериментах с иботеновой кислотой – у П. Уосера (Ibid.) и У.С. Чилтона (см.: Arehart-Treichel 1976: 77)).

При более глубоких состояниях мухоморного опьянения возможно появление *негативных эмоций* (печаль, депрессия, страх, ужас), которые соответствуют содержанию развившихся на этих стадиях галлюцинаций. Возникновение отрицательных эмоций отмечали многие этнографы и путешественники – С.П. Крашенинников (1819), В.Г. Богораз (1991: 140), В.И. Иохельсон (1997), Е.П. Батьянова (2001), Н.К. Железнов-Чукотский (2007).

Так, В.И. Иохельсон отмечал: «Моменты сильного оживления сменяются припадками глубокого уныния» (1997: 114). С.П. Крашенинников писал: «Пьяные как в огневой бредят, и представляются им различные привидения страшные или веселые, по разности темпераментов; чего ради иные скачут, иные пляшут, иные плачут и в великом ужасе находятся» (1819: 147). Н.К. Железнов-Чукотский описывал, как человек после «превращения» в суслика вследствие приема порошка мухомора «очень боялся, что его кто-нибудь съест или убьет» (2007: 147).

На второй и третьей стадиях фазы возбуждения *повышается интенсивность эмоций* (см.: Батьянова 2001), что находит выражение в мимике: «губы то сморщиваются и при этом оскаливаются зубы, то рот раскрывается в широкую улыбку», «громкие взрывы смеха» (Богораз 1991: 141). При этом *нарушается контроль за выражением эмоций* (см. п. 2.2.8).

В случаях отравления мухомором красным у европейцев также возможно появление как позитивных (эйфория, экстаз), так и негативных (депрессия, тревога, страх, ужас) эмоций (Brgvar et al. 2006: 295; Молдаван, Гродзинская 2002).

Негативные эмоции имеют место и в рамках моделей КИИСС мухоморного опьянения первого типа. Но в данных моделях могут фиксироваться особенности состояний мухоморного опьянения разной глубины (каждое из них выполняет различные функции): состояние легкого опьянения предполагает позитивные переживания и психостимулирующие эффекты, более глубокое опьянение (когда возникает галлюциноз) достигается для реализации прогностических и магических функций – здесь человек «общается» с миром духов, и у него в ряде случаев возникают негативные эмоции, вполне адекватные содержанию «увиденного». Поэтому в «мухоморных кодексах» зачастую были определены дозы и особенности грибов, рекомендуемые для достижения этих разных состояний.

Так, у народов Сибири и Северо-Восточной Азии, чтобы вызвать галлюцинации, использовались в основном старые грибы (их шляпки большие и плоские), а охотникам для повышения выносливости давали

шляпки молодых грибов (Saag 1991: 166), поскольку психоактивные свойства гриба зависят, в частности, от фазы развития плодового тела. По сообщениям Т. Лехтисало, у лесных ненцев «мудрые люди» (т.е. использовавшие мухоморы в целях познания и терапии) ели только зрелые грибы (Saag 1991: 166). У чукчей, коряков для галлюцинаций рекомендовалось 3–11 зрелых грибов, для облегчения физических нагрузок – 3–5 молодых грибов (Saag 1991: 169); просто для вызывания приятного состояния трех грибов считалось достаточно (Hobbs 1996). По сообщениям И.Г. Георги, у селькупов и отяков (хантов) Нарыма для достижения хорошего настроения или вдохновения использовался настой трех грибов (см.: Saag 1991: 169).

2.2.5. Изменения в мотивационно-смысловой сфере

а) **Смысловые трансформации.** Иногда – в контексте культурно-интегрированных ИСС – при иллюзиях или галлюцинациях возникает ощущение сделанности воспринимаемых образов: человек уверен, что духи «нарочно» показывают некоторые предметы в ложном виде, чтобы продемонстрировать свое могущество (Богораз 1991: 141; Иохельсон 1997: 114). Это – одна из разновидностей *бредовых идей*, другой их разновидностью являются *паранойяльные идеи*.

Токсиколог М. Брвар описал случай пятидневного параноидного психоза у съевшего по ошибке грибы *A. muscaria* мужчины (Словения), у которого наблюдались галлюциноз и бред, заключавшийся в страхе, что врачи хотят его отравить (Brvar et al. 2006).

Возможно и появление феноменов *переживания повышенной значимости* каких-то идей («озарения», «открытия истины»). Так, А. Бьянки, проводя лабораторные испытания с приемом мухоморов, сообщал о появлении у себя «психологического инсайта» (см. п. 2.2.6.в) (интересна инерционность данного эффекта, поскольку сам А. Бьянки считал, что это озарение оказало «значительное влияние на ход его жизни даже спустя годы»). У одного из его испытуемых было религиозное переживание – «глубокое чувство духовного озарения с... чувством религиозной идентичности со своим глубинным “Я”» (Festi, Bianchi 1991).

б) **Изменения мотивационной сферы.** Во-первых, появляются *новые мотивы*, поэтому поведение человека резко меняется: люди поют, пляшут, становятся крайне разговорчивыми, беспричинно веселятся или плачут, кричат, бьют себя (Богораз 1991: 140–142; Стрельчук 1970: 256; Батьянова 2001: 79). Эти побуждения обычно обусловлены логикой возникающих у человека галлюцинаторно-бредовых образований: человек «видит» и «слышит» духов, которые приказывают ему сделать определенные действия, и реагирует адекватно содержанию воспринимаемой ситуации (при моделях КИИСС первого типа).

В.Г. Богораз так описывал состояние мухоморной интоксикации у чукчей: «Человек слышит странные голоса, приказывающие ему совершить более или менее несообразные действия. Он видит духов-мухоморов и разговаривает с ними» (1991: 141).

Во-вторых, может происходить *снижение силы существующих мотивов*. Так, Уосер, проводивший на себе эксперимент с *мушцимолом*, отмечал при минимальной дозе (5 мг) «чувство лени», при 15 мг – снижение аппетита (Waser 1967).

В-третьих, возможна *реализация побуждений, обычно подавляемых* и воспринимаемых при моделях КИИСС первого типа как «приказания духов» (например, приказ сделать неприличный жест) (Богораз 1991: 141). Моделями мухоморного ИСС у некоторых коренных народов Севера и Сибири растормаживание сексуальных побуждений допускается, а агрессивных и аутоагрессивных – нет. Конечно, изменения поведения обусловлены не только изменением мотивации как таковой, но и снижением контроля за своим поведением (подробнее о появлении агрессии и контроле за ней см. п. 2.2.8.б).

Усиление агрессивной и сексуальной мотивации не было обнаружено в экспериментах с приемом мухомора красного европейцами (Festi, Bianchi 1991).

2.2.6. Нарушения самосознания

а) **Изменения идентичности.** В рамках модели мухоморного опьянения, предполагающей вселение в человека духов мухоморов, возможен такой вариант нарушения идентичности, как *идентификация с этими духами*, которые представляются похожими на настоящие грибы (т.е. собственное Я сливается с Я вселившегося духа). Это проявляется в речи, изменениях образа тела (см. п. 2.2.7) и поведения: «Бывали случаи, что одурманенный внезапно схватывал небольшой узкий мешок и изо всех сил пытался натянуть его на свою голову и прорвать головой днище мешка, подражая, очевидно, мухомору, который своим ростом разрывает земную поверхность» (Богораз 1991: 141).

Другой вариант нарушений идентичности – это *вселение новой личности* и исчезновение прежнего Я: человек полностью подчиняется вселившемуся в него духу. В результате человеку кажется, что духи начинают управлять его поведением, диктовать, как поступать, петь и разговаривать, используя тело человека (что зафиксировано в характерных для шаманизма представлениях).

М. Саар пишет: «Употребление мухомора шаманом... воспринимается как принятие в себя мухоморных духов (ханты: Kaḡjalainen, 1927)». Она приводит слова В.М. Кулемзина: «Шаман (“ворожей”)... делается поедающими мухомор мухоморными духами, которые говорят и дей-

ствуют через него. <...> Когда ворожей ест мухомор, тогда он, ворожей, поет. Поющий – не он, ворожей, но мухомор» (см.: Saar 1991: 163).

Современными наблюдателями у коренных народов описана еще одна форма изменений идентичности – идентификация с животным (см. в п. 2.2.4 пример Н.К. Железнова-Чукотского о «превращении» человека в суслика (2007: 147).

В экспериментах с приемом мухоморов европейцами А. Бьянки отмечал сохранность идентичности: «Чувство Я сохраняется на протяжении всего опыта» (Festi, Bianchi 1991).

б) **Изменения самооценки.** В рамках моделей КИИСС (первого типа) возможны *повышение самооценки*, переоценка своих достоинств и возможностей – психологических и физических, что является следствием и стимулирующего действия мухомора, и снижения критики к себе. В результате повышается уверенность в своих силах, что фиксируется в моделях КИИСС в такой функции, как придание смелости и уверенности в себе.

И.Г. Георги писал, что юагиры и тунгусо-ламуты «во время упоения думают про себя, что они люди большие, толстые и богатые» (1799: Ч. 3, 59). С.П. Крашенинников отмечал, что принимающие мухоморы в небольших дозах «чувствуют в себе чрезвычайную... отвагу и бодрость» (1819: 148). Е.П. Батянова описывает случай, как пожилая корячка провела обряд приема мухомора, чтобы избавить сына от застенчивости, мешающей ему общаться с девушками (2001: 72).

в) **Изменения рефлексии.** А. Бьянки в экспериментах с приемом мухоморов европейцами получил интересный *феномен «удвоения Я»*, значительно облегчающий рефлексии, описав его как «“странное” ощущение разговора с “чем-то” внутри себя. Лично я помню, что задал себе вопрос о личных проблемах, и вдруг в голову пришел яркий образ с переживанием сильного психологического инсайта» (Festi, Bianchi 1991). Эти результаты были получены вне традиционных моделей мухоморного КИИСС, но здесь диссоциация, вызванная психоактивным веществом, была включена в контекст европейской культуры – рефлексивной и индивидуалистической, предполагающей контакт человека с собой, а не с пантеоном духов (как в шаманизме).

г) **Феномены диссоциации.** Проводя эксперименты с мухомором красным на самих себе, некоторые исследователи заметили на ранних этапах развития ИСС феномен, названный в психологии «двойное сознание» (параллельное восприятие галлюцинаторных образов и окружающей действительности, когда при появлении галлюцинаций еще сохраняются ориентация в пространстве, времени и себе, восприятие реального мира и адекватное реагирование на него): описано, как при мухоморном опьянении человек «все еще осознает окружающие предметы, и когда с ним разговаривают, он в состоянии отвечать» (Богораз 1991: 141; Иохельсон 1997: 114).

Российский этнограф Владимир Лебедев описал свои переживания при приеме мухомора красного: «Я лежал в палатке, разговаривая с двумя людьми. Сначала тема была интересна для меня, но, начиная с некоторого момента, я выключился из беседы и чувствовал, как будто я наблюдаю широкоэкранный фильм. Программа проводилась мной самими. ...В определенный момент я возобновил беседу с моими компаньонами. Вновь потеряв интерес к ней, я переключился на мой “фильм” в том самом месте, где я оставил его. ...я провел два часа под влиянием грибов. В течение всего этого времени я мог полностью сохранять контроль над собой» (цит. по: Saag 1991: 166).

К диссоциативным феноменам можно отнести и обнаруженные во время проводимых на европейцах лабораторных экспериментах с приемом мухоморов *особые сновидения*, во время которых человек воспринимает происходящее вокруг одновременно с восприятием самого сновидения (Festi, Bianchi 1991) (см. п. 2.2.1), и феномен «удвоения Я» (описан в п. 2.2.6.в).

2.2.7. Изменения образа тела

При употреблении мухоморов коренными народами в контексте культурных традиций наблюдалось появление ощущений необычайной легкости и полета по воздуху (Стрельчук 1970: 256; Батьянова 2001: 80) (феномен соответствует образам, встречающимся у представителей групп, которым присущ шаманизм).

Один из информантов рассказывал Е.П. Батьяновой: «Как будто шагаешь по небу. И бесконечное небо. Все время иду-иду, иду-иду – нет конца» (2001: 80).

В основе феномена лежат изменения схемы тела, в частности *искажения восприятия его веса и положения*, и появление соответствующих кинестетических парестезий.

Возможна и *полная трансформация образа своего тела, прежде всего, его формы*, при этом характер изменений соответствует модели данного КИИСС – при идентификации человека с духами мухоморов ему кажется, что его тело – это тело мухомора: «Один пьяный мухомором ходил кругом со втянутой шеей и уверял каждого, что он не имеет головы; он становился на колени и быстро двигался, размахивая руками. Это делалось в подражание духам-мухоморам, относительно которых существует убеждение, что они не имеют шеи и ног, у них прямые цилиндрические тела, быстро вращающиеся» (Богораз 1991: 141).

При идентификации с животным (Железнов-Чукотский 2007: 147) человек воспринимает свое тело как тело этого животного (см. пример «превращения» в суслика в п. 2.2.4).

У европейцев при намеренном (в условиях эксперимента) или случайном (данные токсикологов) приеме мухомора красного наблюда-

лись следующие искажения образа тела: головокружение (McDonald 1978: 217; Курдиль и др. 2016: 116), чувство возросшей силы (McDonald 1978), онемение, покалывания, анестезии конечностей (Ibid.: 219), чувство тяжести тела, сменившееся ощущением парения (Ibid.: 217), ощущение расщепления тела «на две части, где одна часть человека оставалась с левой стороны его тела» (Festi, Bianchi 1991), ощущение расширения тела в окружающую среду (Festi, Bianchi 1991), изменения болевой чувствительности (ее повышение или, наоборот, снижение) (Graeme 2014: 178). В экспериментах с приемом *иботеновой кислоты* сообщалось о появлении головокружения (Arehart-Treichel 1976: 77; Festi, Bianchi 1991), головной боли (Waser 1967), ощущений парения (Duffy 2008) или, наоборот, повышения веса тела («я начал чувствовать себя придавленным большим весом») (цит. по: Arehart-Treichel 1976: 77), повышения температуры кожи (Waser 1967), чувства, что тело нарисованное (Arehart-Treichel 1976: 77), субъективных изменений физической силы (Duffy 2008). П. Уосер в экспериментах с *муциномолом* обнаружил при дозе в 10 мг головокружение, при дозе в 15 мг головокружение стало более сильным, при этом он ощущал онемение ног (Waser 1967).

2.2.8. *Нарушения регуляции поведения, состояния и психической деятельности*

а) ***Изменения в волевой сфере.*** Если развивается такая форма нарушения идентичности, которая соответствует модели «вселения духа», то человек на стадиях 2-й и 3-й фаз возбуждения перестает ощущать себя субъектом действия: он добровольно *снимает с себя ответственность* за поведение (что обусловлено данной моделью КИИСС) и возлагает ее на вселившегося духа, считая, что подчиняется его приказам. Галлюцинаторные персонажи начинают диктовать свою волю принявшему мухомор (Богораз 1991: 141–142), вследствие чего его поведение перестает быть адекватным реальной ситуации. Интересно, что, несмотря на императивный характер галлюцинаций, у человека не возникает ни чувства насильственности, ни ощущения, что его заставляют сделать что-либо против воли, – это добровольное подчинение (Ibid.). Такая добровольность определена соответствующими верованиями: в шаманистской культуре человек был уверен, что должен во время опьянения слушаться «духов мухомора». Таковы, например, «шутки» мухоморных духов: опьяненные мухомором получали, как им казалось, приказания от духов выполнить странные действия, чуждые здравому смыслу, и точно их выполняли (Saar 1991: 165).

Из-за того что человек в своем реальном поведении добровольно выполняет «приказания духов», у него *снижаются чувство активно-*

сти (воления), а также *ощущение контроля* за своим поведением и психической деятельностью (сам контроль какое-то время сохраняется, но при углублении состояния исчезает). Эта *неспособность к произвольным действиям* в состоянии мухоморного опьянения нашла отражение в корякской сказке «Как Куйкынняку прекратил дождь».

Ее герой собирает мухоморы и кормит ими женщину, волшебством которой (она расчесывала волосы) был вызван длительный ливень. Из-за этого она пьянеет, и Куйкынняку срезает ей волосы, брови, ресницы, а одежду закапывает, после чего дождь прекращается. В сказке упоминается неспособность женщины к выполнению произвольных действий (и, вследствие этого, ее беспомощность). Так, говорится, что из-за отсутствия одежды женщина «замерзла, дрожит. Совсем опьянела. Хочет причесаться. Только рукой дергает, к голове тянется» (Сказки и мифы народов... 1974: 558–560).

Снижение управления психическими процессами наблюдается и вне культурной традиции; например, в экспериментах А. Бьянки с приемом мухоморов европейцами исследователь считал причиной данного снижения отсутствие желания (воления): человек в этих условиях «принимал ситуацию с отстраненностью и с отсутствием любой критики» (Festi, Bianchi 1991).

б) **Снижение критики и нарушение саморегуляции поведения.** По мере углубления состояния мухоморной интоксикации *критика к своему поведению и состоянию снижается*: на второй стадии фазы возбуждения уже возможны ее колебания – человек совершает неадекватные действия по требованию духов, затем сам же критично их оценивает: «Представьте себе человека, одурманенного мухомором. Он находится в таком состоянии, что может еще осмысленно разговаривать с окружающими. Но вот он неожиданно бросается в сторону, падает на колени и восклицает: «О холмы, как вы поживаете, будьте здоровы». Затем вскакивает и, глядя на полную луну, спрашивает: «Луна, почему ты так быстро убываешь?» В ответ получает совет духа сделать один неприличный жест. Исполнив это, он внезапно приходит в нормальное состояние и смеется над своими глупыми действиями» (Богораз 1991: 141).

На третьей стадии критика обычно бывает нарушена, что выражается в поведении, адекватном не реальной, а галлюцинаторной ситуации: человек начинает громко разговаривать с невидимыми собеседниками, общаться с неодушевленными предметами, совершать неприличные или странные действия (Крашенинников 1819; Богораз 1991: 141–142; Батьянова 2001).

Г.В. Стеллер отмечал, что «туземцы... впадают в дикое опьянение и им мерещатся самые причудливые вещи. Коряки и юкагиры... собирают мочу опьяненных и, выпивая ее, становятся от этого столь же возбужденными и еще более сумасбродными» (1999: гл. 8). И.Г. Георги писал о юкагирах: «Будучи в наивеличайшем упоении кричат и шумят, пока

не уснут» (1799: Ч. 3, 59) (см. также пример у С.П. Крашенинникова (1819: 147–148) к п. 2.2.4).

В моделях КИИСС первого типа определяется степень *снижения контроля и управления собственным поведением*. Так, многие модели мухоморного опьянения предполагают некоторую сохранность контроля над агрессивным и аутоагрессивным поведением в данном состоянии. Кроме формирования соответствующих установок на позитивные эмоции (см. п. 2.2.4), существовали определенные меры предосторожности, снижающие опасность неадекватного поведения человека в состоянии мухоморной интоксикации. Например, на Камчатке и Чукотке, чтобы выявить человека, склонного к агрессивному поведению в данном состоянии, новичку давали немного экстракта мухомора и наблюдали за его поведением в состоянии опьянения, и если оно было агрессивным (драчливым, склочным), ему запрещалось использовать мухомор в будущем (Saar 1991: 170). Кроме того, во многих моделях мухоморного ИСС первого типа предполагался контроль за поведением впавших в опьянение со стороны общества: окружающие следили за ним и не допускали опасного поведения.

С.П. Крашенинников писал о принимавших мухомор: «Все действия их столь им вредны, что если бы за ними не было присмотру, то бы редкий оставался в живых» (1819: 148). Я.И. Линденау подчеркивал, что у коряков «наевшемуся мухоморов связывают руки и ноги, чтобы он не бесновался. ...Связывают также и тех, кто после него напились мочи» (2006: 521). И.Г. Георги также описывал контроль за сексуальным поведением «намухоморенного» со стороны трезвых (1799: Ч. 3, 59).

В результате этого в традиционных культурах человек в данном состоянии практически никогда не причинял серьезный ущерб себе или окружающим, редко наблюдалось агрессивное поведение и практически отсутствовали смертельные случаи (Крашенинников 1819: 148–150; Saar 1991: 165–166, 169–170; Батьянова 2001: 80).

Мне встретилось лишь одно описание подобного случая у чукчей: «Одному одурманенному было приказано духами лежать среди своей собачьей упряжки. И, несмотря на то, что его собаки чуть не растерзали, его никак нельзя было заставить сойти с места. Так он оставался всю ночь» (Богораз 1991: 142). Е.П. Батьянова описывает также единственный случай появления агрессивного побуждения: «Одного молодого коряка мухомор “заставлял” убить жену, и он постоянно слышал, как чей-то голос ему приказывал, повторяя: “Убей жену! Убей жену!” В порыве ярости этот молодой человек отрубил себе палец» (2001: 80, 2016: 52). Замечу, что, несмотря на опасность этих побуждений, все остались живы.

Однако если употребление мухоморов не входит в традиции определенной культуры (что характерно для моделей КИИСС второго типа),

то ее представителю в состоянии мухоморного опьянения действия, обусловленные логикой галлюцинаторной ситуации, могут причинять вред. Так, С.П. Крашенинников приводит случай с одним из казаков: «Другому... показался ад и ужасная огненная пропасть, в которую надлежало быть низвержену; чего ради по приказу мухомора принужден он был пасть на колени и исповедовать грехи свои, сколько мог вспомнить. Товарищи его, которых в ясашной избе, где пьяный приносил покаяние, было весьма много, слушали того с великим удовольствием; а ему казалось, что он в тайне пред Богом кается о грехах своих. По сей причине подвержен он был нарочитому посмеянию, ибо между тем сказывал то, о чем не всякому знать надлежит» (1819: 149).

Также С.П. Крашенинников описал суицидальные попытки у казаков: «Денщику подполковника Мерлина... приказал мухомор удавиться с таким представлением, что все ему дивиться будут. И сие действительно бы учинилось, если бы не сберегли его товарищи. ...Бывший у меня в толмачах Большерецкий, казачий сын, опоенный мухомором в незнании, разрезал бы себе брюхо по приказу мухоморову, от чего насилу его избавить успели, ибо уже в самом замахе руку ему сдержали» (1819: 149–150).

Таким образом, в модели КИИСС второго типа, привнесенной «извне» в ту или иную культуру, границы снижения контроля за своим поведением могут быть не определены, соответственно, возможны серьезные нарушения поведения, приводящие к угрозе социальному и даже физическому существованию человека, употребившего мухомор.

У европейцев также описаны единичные случаи появления направленной вовне агрессии при серьезных отравлениях мухомором красным (Стрельчук 1970: 257; Brvar et al. 2006) (здесь, судя по всему, отсутствуют какие-либо организующие состояние опьянения модели). Так, в представленном М. Брваром с соавт. случае параноидного психоза (см. п. 2.2.5.а) при отравлении мухомором красным наблюдалось агрессивное поведение человека, обусловленное логикой его параноидного бреда и соответствующими галлюцинациями (Brvar et al. 2006).

в) **Нарушение функции проверки реальности.** Во всех случаях не соответствующего реальной ситуации поведения имеет место *нарушение функции проверки реальности*, выражающееся в появлении истинных галлюцинаций. Нарушение этой функции проявляется и в трудности дифференциации внешнего и внутреннего мира, проведения границы между Я и не-Я. А. Бьянки в экспериментах с приемом мухоморов европейцами описал появление состояния, «в котором человек переживает реальность как внутренний мир с сильным ощущением интроспекции» (Festi, Bianchi 1991).

2.2.9. Нарушения ориентации в пространстве, времени и ситуации

При достижении достаточной глубины мухоморного опьянения, когда поведение начинает отвечать галлюцинаторной, а не реальной ситуации, развиваются нарушения ориентации в ситуации, времени и пространстве (Brvar et al. 2006; Graeme 2014: 176; Vendramin, Brvar 2014: 270–271).

В проведенных на испытуемых – европейцах и американцах – экспериментах с приемом мухомора красного были обнаружены нарушения ориентации в пространстве (Festi, Bianchi 1991) и искажения чувства времени (McDonald 1978: 217, 219). Токсикологи, описывая отравления мухомором у европейцев, говорят о возможности появления оглушенности сознания при холинергическом синдроме или спутанности сознания при антихолинергическом (Москаленко, Гриненко 2006; Курдиль и др. 2016: 116); оба синдрома возможны при мухоморной интоксикации, для обоих расстройств сознания характерно нарушение ориентировки в окружающей ситуации. В опытах с приемом *мушцимола* П. Уосер отметил заметные нарушения ориентации в ситуации и времени при дозе не меньше 15 мг (Waser 1967). У.С. Чилтон после приема *иботеновой кислоты* также отметил появление дезориентации в пространстве (см. Arehart-Treichel 1976). В основе данных нарушений ориентировки могут лежать нарушения критики и снижение функции проверки реальности (п. 2.2.8).

2.2.10. Изменения мышления

На первой стадии фазы возбуждения мухомор красный действует как психостимулятор, повышая скорость и продуктивность словесно-логического мышления (облегчается поиск слов, растет креативность) и активизируя воображение.

И.Г. Георги писал, что на свадьбах *отяки* (ханты) «рассказывают и поют богатырские и любовные происхождения не надумавшись; к чему отменно наделяют их способностью съеденные и оживляющие дух их мухоморы» (1799: Ч. 1, 85) (см. другие примеры функции вдохновения в п. 2.2.1)

В рамках моделей КИИСС первого типа интенсификация и повышение качества мыслительной деятельности предполагаются и при дальнейшем развитии мухоморного опьянения, что отражается в ряде функций: считалось, что человек в этом состоянии, в том числе и во время «мухоморного сна» (см. п. 2.2.1), может обнаруживать потерянное или украденное, выявлять обман, получать «от духов» информацию о настоящем, прошлом и будущем (поскольку временно способен понимать их язык), «видеть» обычно не воспринимаемое, находить реше-

ние сложной жизненной ситуации (часто – в форме полученных от духов рекомендаций), узнавать причину болезни и средство исцеления и в целом получать знания о земном и иных мирах, где обитают сверхъестественные существа (Иохельсон 1997: 114; Добкин де Риос 2009: 101; Saag 1991: 160–162; Батьянова 2001: 73, 2016: 50; Кулемзин 2004: 89). Примечательно, что представители иных культур как сторонние наблюдатели видели в этом лишь происходящее под воздействием мухомора снижение критики, распространившееся и на мыслительную деятельность. Так, И.Г. Георги, описывая юкагиров, упоминает, что некоторые «во время упоения... мелют пустошь о будущем» (1799: Ч. 3, 59).

Относительно европейцев существует единичное сообщение И.В. Стрельчука, отметившего, наоборот, что в случаях отравления мухомором красным мышление становится «нелогичным, разорванным» (1970: 257). А. Макдональд в эксперименте на себе отметил после приема сушеных мухоморов (12 и 30 г – доза, оцененная им как весьма слабая) такие эффекты, как пустота в мыслях и замедление мыслительной деятельности; фазы возбуждения у него не наблюдалось (McDonald 1978: 218).

2.2.11. Речь

В фазе возбуждения люди становятся крайне общительны и говорливы, начинают петь, общаться с галлюцинаторными персонажами; у них увеличиваются скорость речи и количество речевой продукции (Георги 1799: Ч. 1, 84; Стрельчук 1970: 257; Батьянова 2001: 79, 2016: 52). Сами пережившие отмечают возрастание потребности в общении (Батьянова 2001: 79). При речевом возбуждении увеличивается не только количество, но и качество вербальной продукции (за счет повышения продуктивности словесно-логического мышления), облегчается поиск необходимых для выражения слов, растет фантазия и креативность (см. отрывок из И.Г. Георги в п. 2.2.10).

У европейцев в экспериментах с приемом мухомора красного отмечалось выраженное снижение грамотности и связности речи (испытываемые писали самоотчеты по ходу опыта) (McDonald 1978: 219). При приеме *мушцимола* (при дозе не менее 15 мг) П. Уосер наблюдал у себя нарушения сенсомоторной координации речевой деятельности, проявляющиеся в расстройстве артикуляции (Waser 1967).

2.2.12. Внимание

Нарушение внимания (трудности произвольной концентрации) к объектам внешнего мира при высокой вовлеченности во внутренние образы наблюдалось при приеме мухомора красного европейцами

(Festi, Bianchi 1991). В эксперименте А. Макдональда (прием сушеных мухоморов) была высокая отвлекаемость как по самоотчетам, так и по наблюдениям за поведением испытуемых при выполнении тестов (могли отвлечься в середине, забыв о задаче, которой занимались) (McDonald 1978: 219). При приеме *иботеновой кислоты*, по Т. Даффи, также возникает отвлечение внимания (Duffy 2008). П. Уосер, проводя на себе эксперименты с *мусцимолом*, обнаружил, что способность к концентрации внимания при небольших дозах (5 мг) повышается (о чем свидетельствует улучшение выполнения соответствующих тестов), а при более высоких дозах (в 10–15 мг) – снижается (в тестах возросло количество ошибок), но лишь в фазе угнетения (в фазе стимуляции она была сохранна) (Waser 1967).

2.2.13. Память

Об амнезии на период ИСС упоминал И.Г. Георги: человек, приняв мухомора, «после ничего не помнит» (1799: Ч. 1, 84) (эффект в рамках модели первого типа); аналогичная амнезия наблюдалась при приеме европейцами *иботеновой кислоты* (Duffy 2015), однако эксперименты на европейцах с мухомором этого эффекта не обнаружили (Festi, Bianchi 1991). Способность воспроизведения полученной ранее информации в состоянии мухоморного опьянения ослабляется: эксперименты на котках и кроликах показали, что инъекция *мусцимола* (0,5–1 мг/кг) разрушает ранее выработанные дифференцировочные условные реакции (Scotti de Carolis et al. 1969: 191).

3. Проблема культурной обусловленности эффектов мухомора красного

Соотнесение феноменологии состояния мухоморного опьянения, полученной в контексте культурной практики у народов Севера и Сибири (где имеют место модели первого типа), и феноменов, возникших у европейцев, у которых модели мухоморного опьянения отсутствуют или заимствованы (модели второго типа), позволяет выявить влияние фактора культуры на характер и содержание мухоморного ИСС.

Прием психоактивного вещества разрушает обычное состояние сознания и создает предпосылки для перехода в измененное, но однозначно не задает его характеристики и содержание. Конечно, при этом определенные характеристики являются более вероятными, например при употреблении галлюциногенов – появление галлюцинаций (эта вероятность тем выше, чем сильнее действие данного вещества – из-за дозы или состава). Другим формирующим ИСС фактором является модель такого состояния, опосредующая влияние наркотика.

Так, мухомор красный обладает галлюциногенным действием, изменяя перцептивные процессы, но совершится ли переход от иллюзий к галлюцинациям типа А и далее – к типу Б, получат ли галлюцинации типа Б спонтанный, развитый характер, превратятся ли в истинные, каковы они будут по содержанию, зависит от существующей у человека модели мухоморного опьянения (и самого факта ее наличия). Аналогично изменения идентичности, мышления, образа тела, смысловые трансформации, ослабление волевой регуляции и контроля за поведением, развитие эйфории, появление диссоциативных феноменов также прямо не вызываются приемом мухомора красного: наркотик создает такую возможность, а культура определяет, будет ли она реализована и каков характер данных изменений. Например, изменения образа тела при приеме мухомора красного у европейцев имеют разнонаправленный характер, но в рамках моделей мухоморного опьянения первого типа эти изменения оформляются сообразно заложенному в модели содержанию (образы полета по воздуху, превращения в какое-либо существо, вселения духа). Степень и характер снижения управления поведением также определяются конкретной моделью: человек, разделяющий представления о существовании духов, делегирует функции волевой регуляции и самоконтроля «духам» и считает, что именно они теперь иницируют и регулируют его поведение.

Заданные моделью мухоморного ИСС первого типа ослабление волевой регуляции, снижение контроля за поведением, амнезия на период ИСС частично компенсируются сообществом, члены которого берут на себя выполнение этих функций (например, запоминание слушателями «мухоморного сна», контроль за поведением опьяненного). Кроме того, в такой модели предусмотрен контроль за агрессивными побуждениями через формирование соответствующих установок и отбор для приема мухомора красного людей с низким уровнем агрессии.

Наркотик вызывает ослабление функции проверки реальности, что в модели КИИСС используется для формирования ощущения «перемещения» в сверхъестественную реальность, истинность которой предполагается шаманистским мировоззрением (т.е. вера в ее действительное существование есть у представителя этого сообщества изначально, но в состоянии мухоморного опьянения она подкрепляется чувственным опытом – галлюцинаторными образами). Таким образом, определенные компоненты КИИСС мухоморного опьянения формируются благодаря модели еще до вхождения в это состояние.

В тех случаях, когда изменения в психике вызваны именно действием психоактивного вещества, они могут учитываться и / или использоваться в моделях КИИСС. Так, психостимулирующее действие мухомора красного использовалось в некоторых моделях для реализации ряда функций – вдохновения, стимуляции организма, улучшения каче-

ства работы, повышения настроения и самооценки, преодоления страха, придания себе решимости и др. Культура не вызывает расстройства координации движений и артикуляции на поздних этапах развития опьянения, но в моделях КИИСС первого типа существуют представления о необходимости малых дозировок для улучшения моторики, внимания, речи, а также предписание сохранять неподвижность (лечь спать) в глубоких состояниях мухоморного опьянения. Культура не влияет на появление диссоциаций (они появляются под действием наркотика), но они могут использоваться для реализации определенных функций (рефлексивных – у представителя европейской культуры, когнитивных, в частности прогностической, – у представителя шаманистской культуры).

Выводы

Таким образом, прием мухомора красного вызывает циклические изменения уровня активации, смысловые трансформации, изменения сна, моторики, восприятия, эмоциональных процессов, самосознания, образа тела, волевой регуляции и контроля за поведением, функции проверки реальности, мыслительной деятельности, речи, внимания, памяти, затруднение ориентации в пространстве, времени и ситуации. При этом сами психоактивные вещества не задают однозначно характер этих изменений: влияние наркотика опосредовано моделью состояния мухоморного опьянения.

Поскольку в рассмотренных исследованиях не ставилась цель специального изучения психологических эффектов мухомора красного, то неизбежны неполнота, фрагментарность и недостаточная точность полученных в них данных. Поэтому мои выводы имеют предварительный характер, тем не менее, они представляют собой попытку разработки проблемы влияния культуры на формирование ИСС, в частности, вопроса о характере и границах данного влияния.

Литература

- Батьянова Е.П.* Мухомор в лечебной и обрядовой практике народов Сибири // Шаманизм и иные традиционные верования и практики. М., 2001. Ч. 3. С. 69–81.
- Батьянова Е.П., Бронштейн М.М.* Мухомор в быту, обрядах, искусстве народов Севера // Сибирские исторические исследования. 2016. № 1. С. 46–57.
- Богораз В.Г.* Материальная культура чукчей. М.: Наука, 1991.
- Бургиньон Э.* Измененные состояния сознания // Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия / Авт.-сост. О.В. Гордеева. СПб.: Питер, 2009. С. 29–61.
- Вишневский М.В.* Несъедобные, ядовитые и галлюциногенные грибы. М.: Формика-С, 2001.
- Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей: в 4 ч. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1799.

- Гордеева О.В. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского как методологическая основа изучения измененных состояний сознания // *Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия* / Авт.-сост. О.В. Гордеева. СПб.: Питер, 2009. С. 62–77.
- Добкин де Риос М. Растительные галлюциногены // *Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия* / Авт.-сост. О.В. Гордеева. СПб.: Питер, 2009. С. 93–119.
- Железнов-Чукотский Н.К. Дикие растения в традиционном питании и медицине народов Берингии // *Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства*. 2007. № 1. С. 147–148.
- Иохельсон В.И. Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997.
- Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки // *Полное собрание ученых путешествий по России*. СПб.: Изд. Имп. Академии Наук, 1819. Т. 2.
- Кулемзин В.М. О хантыйских шаманах // Кулемзин В.М. Шаманство васюганско-ваховских хантов. Тарту, 2004. С. 7–125.
- Курдиль Н.В., Падалка В.Н., Иващенко О.В., Луценко О.Г., Богомол А.Г., Струк В.Ф., Андрущенко В.В. Токсичные синдромы при острых отравлениях условно съедобными и ядовитыми грибами // *Медицина неотложных состояний*. 2016. Вып. № 2 (73). С. 11–19.
- Линденау Я.И. О шаманах Восточной Сибири, их традициях и действиях // *Шаманизм народов Сибири. Этнографические материалы XVIII–XX вв.: Хрестоматия* / Под ред. Т.Ю. Сем. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2006. С. 513–520.
- Молдаван М.Г., Гродзинская А.А. Общетокическое и нейротропное действие базидиальных грибов рода *Amanita* и *Psilocybe* // *Сучасні проблеми токсикології*. 2002. № 2. URL: http://www.medved.kiev.ua/arhiv_mg/st_2002/02_2_3.htm (дата обращения: 30.10.2016).
- Москаленко С., Гриненко Д. Отравление грибами у детей // *Здоровье ребенка*. 2006. Т. 3, № 3. URL: <http://www.mif-ua.com/archive/article/8910> (дата обращения: 30.10.2016).
- Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М.: Наука, 1974.
- Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 1999.
- Стрельчук И.В. Интоксикационные психозы. М.: Медицина, 1970.
- Уоссон Р.Г. Что такое сома арийцев? // *Измененные состояния сознания и культура: Хрестоматия* / Авт.-сост. О.В. Гордеева. СПб.: Питер, 2009. С. 169–181.
- Этнографические материалы* Северо-Восточной географической экспедиции: 1785–1795 г.г. / Сост. З.Д.Титова. Магадан: Кн. изд-во, 1978.
- Arehart-Treichel J. Fly agaric: an exotic toadstool trip // *Science News*. 1976. Vol. 109, № 5. P. 77.
- Benjamin D.R. Mushroom poisoning in infants and children: the *Amanita pantherina* / *muscaria* group // *Clinical Toxicology*. 1992. Vol. 30, № 1. P. 13–22.
- Brvar M., Možina M., Bunc M. Prolonged psychosis after *Amanita muscaria* ingestion // *Wiener klinische wochenschrift*. 2006. Vol. 118, № 9–10. P. 294–297.
- Chilton W.S., Ott J. Toxic metabolites of *Amanita pantherina*, *A. cothurnata*, *A. muscaria* and other *Amanita* species // *Lloydia*. 1976. Vol. 39, № 2–3. P. 150–157.
- Duffy T. Toxic Fungi of Western North America. Published by MykoWeb, 2008. URL: <http://www.mykoweb.com/TFWNA/P-28.html> (дата обращения: 30.10.2016).
- Festi F., Bianchi A. *Amanita muscaria*: Mycopharmacological Outline and Personal Experiences // *Psychedelic Monographs and Essays*. 1991. Vol. 5. P. 209–250. URL: <http://www.lycaum.org/diseyes/fresh/amanmr.htm> (дата обращения: 30.10.2016).
- Graeme K.A. Mycetism: A Review of the Recent Literature // *Journal of Medical Toxicology*. 2014. Vol. 10, № 2. P. 173–189.
- Hobbs C. Medicinal mushrooms: an exploration of tradition, healing, and culture. Summer-town, Tennessee: Botanica Press, 1996.

- Hohn H., Schoenemann J. Cholinergic syndrome with unconsciousness in *Amanita* poisoning // Deutsche Medizinische Wochenschrift. 2000. Vol. 125, № 45. P. 1366–1368.
- Lukasik-Glebocka M., Druzdz A., Naskret M. Clinical symptoms and circumstances of acute poisonings with fly agaric (*Amanita muscaria*) and panther cap (*Amanita pantherina*) // Przegląd Lekarski. 2011. Vol. 68, № 8. P. 449–452.
- McDonald A. The present status of soma: the effects of California *Amanita muscaria* on normal human volunteers // Mushroom Poisoning: Diagnosis and Treatment / Ed. by B.H. Rumack, E. Salzman. West Palm Beach, Florida: CRC Press Inc., 1978. Ch. 13. P. 215–223.
- Ott J. Studies of Amanita: An Experience with *Amanita muscaria* (ID 366) // Journal of Psychedelic Drugs. Jan-Mar 1976. URL: <https://www.erowid.org/experiences/exp.php?ID=366> (дата обращения: 30.10.2016).
- Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of *Amanita muscaria* // Journal of Ethnopharmacology. 1991. Vol. 31. P. 157–173.
- Satora L., Pach D., Butryn B., Hydzik P., Balicka-Ślusarczyk B. Fly agaric (*Amanita muscaria*) poisoning, case report and review // Toxicon. 2005. Vol. 45, № 7. P. 941–943.
- Scotti de Carolis A., Lipparini F., Longo V.G. Neuropharmacological Investigations on Muscimol, a Psychotropic Drug Extracted from *Amanita Muscaria* // Psychopharmacologia (Berl.). 1969. Vol. 15. P. 186–195.
- Tupalska-Wilczyńska K., Ignatowicz R., Poziemski A., Wójcik H., Wilczyński G. *Amanita pantherina* and *Amanita muscaria* poisonings – pathogenesis, symptoms and treatment // Polski merkuriusz lekarski. 1997. Vol. 3, № 13. P. 30–32.
- Vendramin A., Brvar M. *Amanita muscaria* and *Amanita pantherina* poisoning: Two syndromes // Toxicon. 2014. Vol. 90. P. 269–272.
- Waser P.G. The Pharmacology of *Amanita Muscaria* // Ethnopharmacologic search for psychoactive drugs / Ed. by D.H. Efron, B. Holmsted, N.S. Kline. Publication of the U.S. Dept. of Health, Education and Welfare. 1967. P. 419–439.

Статья поступила в редакцию 18 ноября 2016 г.

Gordeeva Olga V.

PSYCHOLOGICAL EFFECTS OF *AMANITA MUSCARIA*

Abstract. The article presents an integration and analysis of data collected by ethnographers, toxicologists, pharmacologists, travellers, psychiatrists, and chemists on the psychological effects of *Amanita muscaria* and its constituent psychoactive substances – iboteic acid and muscimol. The article shows the changes brought about in psyche by *Amanita muscaria* and its psychoactive components in terms of activation, sleep, motility, perception, memory, speech, attention, thinking, self-consciousness, body sense, orientation in space and time, situation assessment, control over and regulation of behaviour as well as emotional, volitional, and motivation and semantic aspects. The presence or absence of an idea of deliberate Fly Agaric intoxication in a particular culture is discussed as one of possible causes of differing psychological effects of *Amanita muscaria* identified in different data sets.

Keywords: altered states of consciousness, *Amanita muscaria*, psychoactive substances, cultural-and-historical foundations of psyche

DOI: 10.17223/2312461X/16/9

References

- Bat'ianova E.P. Mukhomor v lechebnoi i obriadovoi praktike narodov Sibiri [Amanita muscaria in medical and ritual practices of the peoples of Siberia], *Shamanizm i inye traditsionnye verovaniia i praktiki* [Shamanism and other traditional beliefs and practices]. Moscow, 2001. Book 3, pp. 69-81.
- Bat'ianova E.P., Bronshtein M.M. Mukhomor v bytu, obriadakh, iskusstve narodov Severa [Amanita Muscaria in the Household, Beliefs, Rituals and Art of the Peoples of the North], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 1, pp. 46-57.
- Bogoraz V.G. *Material'naia kul'tura chukchei* [Material culture of the Chukchi]. Moscow: Nauka, 1991.
- Burgin'on E. Izmenennye sostoiianiia soznaniia [Altered states of consciousness], *Izmenennye sostoiianiia soznaniia i kul'tura. Khrestomatiia. Avt.–sost. O.V.Gordeeva* [Altered states of consciousness and culture. A collection compiled by O.V. Gordeeva]. St. Petersburg: Piter, 2009, pp. 29-61.
- Vishnevskii M.V. *Nes"edobnye, iadovitye i galliutsinogennye griby* [Inedible, poisonous, and hallucinogenic mushrooms]. Moscow: Formika-S, 2001.
- Georgi I.G. *Opisanie vsekh obitaiushchikh v Rossiiskom gosudarstve narodov i ikh zhiteiskikh obriadov, obyknovenii, odezhd, zhilishch, veroispovedanii i prochikh dostopamiatnostei. V 4-kh chastiakh* [A description of all of the peoples inhabiting the Russian state and of their everyday rituals, habits, clothing, dwellings, faith, and other memorable features. In 4 parts]. St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 1799.
- Gordeeva O.V. Kul'turno-istoricheskaia teoriia L.S. Vygotskogo kak metodologicheskaiia osnova izucheniia izmenennykh sostoianii soznaniia [The cultural-historical theory of L.S. Vygotsky as a methodological basis for research into altered states of consciousness], *Izmenennye sostoiianiia soznaniia i kul'tura. Khrestomatiia. Avt.–sost. O.V.Gordeeva* [Altered states of consciousness and culture. A collection compiled by O.V. Gordeeva]. St. Petersburg: Piter, 2009, pp. 62-77.
- Dobkin de Rios M. Rastitel'nye galliutsinogeny [Plant hallucinogens], *Izmenennye sostoiianiia soznaniia i kul'tura. Khrestomatiia. Avt.–sost. O.V.Gordeeva* [Altered states of consciousness and culture. A collection compiled by O.V. Gordeeva]. St. Petersburg: Piter, 2009, pp. 93-119.
- Zheleznov-Chukotskii N.K. Dikie rasteniia v traditsionnom pitanii i meditsine narodov Beringii [Wild plants in traditional food and medicine of the peoples of Beringia], *Sovremennye problemy prirodopol'zovaniia, okhotovedeniia i zverovodstva*. 2007, no. 1, pp. 147-148.
- Iokhel'son V.I. *Koriaki. Material'naia kul'tura i sotsial'naia organizatsiia* [The Koryak. Material culture and social organization]. St. Petersburg: Nauka, 1997.
- Krashenninnikov S.P. *Opisanie zemli Kamchatki* [A description of the land of Kamchatka], *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii. T. 2* [Complete records of exploratory journeys across Siberia. Vol.2]. St. Petersburg: Izd. Imp. Akademii Nauk, 1819.
- Kulemzin V.M. O khantyiskikh shamanakh [On the Khanty shamans], *Kulemzin V.M. Shamanstvo vasiugansko-vakhovskikh khantov* [Kulemzin V.M. Shamanism of the Vasyugan-Vakhovsk Khanty]. Tartu, 2004, pp. 7-125.
- Kurdil' N.V., Padalka V.N., Ivashchenko O.V., Lutsenko O.G, Bogomol A.G., Struk V.F., Andriushchenko V.V. Toksichnye sindromy pri ostrykh otravleniiax uslovno s"edobnymi i iadovitymi gribami [Intoxication syndromes in acute poisoning by conditionally edible and poisonous mushrooms], *Meditsina neotlozhnykh sostoianii*, 2016, no. 2 (73), pp. 11-19.
- Lindenau Ia.I. O shamanakh Vostochnoi Sibiri, ikh traditsiiax i deistviiakh [On the shamans of Eastern Siberia, their traditions, and actions], *Shamanizm narodov Sibiri. Etnograficheskie materialy XVIII-XX vv.: Khrestomatiia. Pod red. T.Iu. Sem* [Shamanism of the peo-

- ples of Siberia. The 18th to 20th century ethnographic materials: a collection edited by T.Yu. Sem]. SPb.: Filologicheskii f-t SPbGU, 2006, pp. 513-520.
- Moldavan M.G., Grodzinskaia A.A. Obschetoksicheskoe i neirotropnoe deistvie bazidial'nykh gribov roda Amanita i Psilocybe [The general toxic and neurotropic effect of Basidiomycota of the Amanita and Psilocybe genus], *Suchasni problemi toksikologii*, 2002, no. 2. Available at: http://www.medved.kiev.ua/arhiv_mg/st_2002/02_2_3.htm (Accessed 30 October 2016).
- Moskalenko S., Grinenko D. Otravlenie gribami u detei [Mushroom poisoning in children], *Zdorov'e rebenka*, 2006, Vol. 3, no. 3. Available at: <http://www.mif-ua.com/archive/article/8910> (Accessed 30 October 2016).
- Skazki i mify narodov Chukotki i Kamchatki* [Tales and myths of the peoples of Chukotka and Kamchatka]. Moscow: Nauka, 1974.
- Steller G.V. *Opisanie zemli Kamchatki* [A description of the land of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Kamchatskii pechatnyi dvor, 1999.
- Strel'chuk I.V. *Intoksikatsionnye psikhozy* [Intoxication psychoses]. Moscow: Meditsina, 1970.
- Uosson R.G. Chto takoe soma ariitsev? [What is the Soma of the Aryans?], *Izmenennnye sostoiianiia soznaniia i kul'tura. Khrestomatiia. Avt.-sost. O.V. Gordeeva* [Altered states of consciousness and culture. A collection compiled by O.V. Gordeeva]. St. Petersburg: Piter, 2009, pp. 169–181.
- Etnograficheskie materialy Severo-Vostochnoi geograficheskoi ekspeditsii: 1785–1795 g.g. Sost. Z.D. Titova* [Ethnographic materials of the North-Eastern geographic expedition: 1785–1795. Compiled by Z.D. Titova]. Magadan: Kn. izd-vo, 1978.
- Arehart-Treichel J. Fly agaric: an exotic toadstool trip, *Science News*, 1976, Vol. 109, no. 5, pp. 77.
- Benjamin D.R. Mushroom poisoning in infants and children: the Amanita pantherina/muscaria group, *Clinical Toxicology*, 1992, Vol. 30, no. 1, pp. 13-22.
- Brvar M., Možina M., Bunc M. Prolonged psychosis after Amanita muscaria ingestion, *Wiener klinische wochenschrift*, 2006, Vol. 118, no. 9–10, pp. 294-297.
- Chilton W.S., Ott J. Toxic metabolites of Amanita pantherina, A. cothurnata, A. muscaria and other Amanita species, *Lloydia*, 1976, Vol. 39, no. 2–3, pp. 150-157.
- Duffy T. *Toxic Fungi of Western North America*. Published by MykoWeb, 2008. Available at: <http://www.mykoweb.com/TFWNA/P-28.html> (Accessed 30 October 2016).
- Festi F., Bianchi A. Amanita muscaria: Mycopharmacological Outline and Personal Experiences, *Psychedelic Monographs and Essays*, 1991, Vol. 5, pp. 209-250. Available at: <http://www.lycaum.org/diseyes/fresh/amanmr.htm> (Accessed 30 October 2016).
- Graeme K.A. Mycetism: A Review of the Recent Literature, *Journal of Medical Toxicology*, 2014, Vol. 10, no. 2, pp. 173-189.
- Hobbs C. *Medicinal mushrooms: an exploration of tradition, healing, and culture*. Summer-town, Tennessee: Botanica Press, 1996.
- Hohn H., Schoenemann J. Cholinergic syndrome with unconsciousness in Amanita poisoning, *Deutsche Medizinische Wochenschrift*, 2000, Vol. 125, no. 45, pp. 1366-1368.
- Łukasik-Głębocka M., Druzd A., Naskret M. Clinical symptoms and circumstances of acute poisonings with fly agaric (Amanita muscaria) and panther cap (Amanita pantherina), *Przegląd Lekarski*, 2011, Vol. 68, no. 8, pp. 449-452.
- McDonald A. The present status of soma: the effects of California Amanita muscaria on normal human volunteers, *Mushroom Poisoning: Diagnosis and Treatment*. Ed. by B.H. Rummack, E. Salzman. West Palm Beach, Florida: CRC Press Inc., 1978. Ch. 13, pp. 215-223.
- Ott J. Studies of Amanita: An Experience with Amanita muscaria (ID 366), *Journal of Psychedelic Drugs*. Jan-Mar 1976. Available at: <https://www.erowid.org/experiences/exp.php?ID=366> (Accessed 30 October 2016).
- Saar M. Ethnomycological data from Siberia and North-East Asia on the effect of Amanita muscaria, *Journal of Ethnopharmacology*, 1991, Vol. 31, pp. 157-173.

- Satora L., Pach D., Butryn B., Hydzik P., Balicka-Ślusarczyk B. Fly agaric (*Amanita muscaria*) poisoning, case report and review, *Toxicon*, 2005, Vol. 45, no. 7, pp. 941-943.
- Scotti de Carolis A., Lippardini F., Longo V.G. Neuropharmacological Investigations on Muscimol, a Psychotropic Drug Extracted from *Amanita Muscaria*, *Psychopharmacologia (Berl.)*, 1969, Vol. 15, pp. 186-195.
- Tupalska-Wilczyńska K., Ignatowicz R., Poziemski A., Wójcik H., Wilczyński G. *Amanita pantherina* and *Amanita muscaria* poisonings – pathogenesis, symptoms and treatment, *Polski mercuriusz lekarski*, 1997, Vol. 3, no. 13, pp. 30-32.
- Vendramin A., Brvar M. *Amanita muscaria* and *Amanita pantherina* poisoning: Two syndromes, *Toxicon*, 2014, Vol. 90, pp. 269-272.
- Waser P.G. The Pharmacology of *Amanita Muscaria*, *Ethnopharmacologic search for psychoactive drugs*. Ed. by D.H. Efron, B. Holmsted, N.S. Kline. Publication of the U.S. Dept. of Health, Education and Welfare. 1967, pp. 419-439.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 325.14

DOI: 10.17223/2312461X/16/10

ВОЗМОЖНО ЛИ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ «ДИСКУРСА ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ КАК КОНСЕРВАТИВНОГО АНАХРОНИЗМА ЭПОХИ ТРАНСНАЦИОНАЛИЗМА»*

Лариса Валериевна Дериглазова

Аннотация. В обзоре дискуссии, проходившей 16 сентября 2016 г. за круглым столом в рамках Первого Томского антропологического форума «Антропология в поисках нового языка описания», представлены результаты обсуждения методологических подходов к исследованию интеграции мигрантов в современном мире. Показано, как в ходе дискуссии анализировались проблема «методологического национализма», возможности использования концепций транснационализма, космополитизма, сверхмногообразия (Super-Diversity), глубокого разнообразия (Deep Diversity). Рассказано также о направлениях обсуждения сущности постмодернистского консервативного поворота, кризиса модели национального государства, сравнении условий миграции в Европе, России и других регионах мира.

Ключевые слова: миграция, интеграция, методологический национализм, транснационализм, космополитизм, сверхмногообразие, консервативный поворот

16 сентября 2016 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете (ТГУ) был проведен круглый стол, посвященный методологии исследования проблем интеграции мигрантов в современном мире¹. Круглый стол был частью мероприятий в рамках Первого Томского антропологического форума «Антропология в поисках нового языка описания» (Первый Томский антропологический... 2016), организованного Лабораторией социально-антропологических исследований (ЛСАИ) ТГУ.

Основой обсуждения стала статья Е.И. Филипповой, сотрудника Центра этнополитических исследований Института этнологии и антропологии РАН, «Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм

* Работа выполнена в рамках проекта «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П220 № 14.В25.31.0009).

эпохи транснационализма» (Филиппова 2016: 305–322). В дискуссии приняли участие А.А. Ярлыкапов (Центр проблем Кавказа и региональной безопасности МГИМО), Ц. Дариева (Центр исследований Кавказа Йенского университета, Германия), В.И. Дятлов (Иркутский государственный университет), С.Н. Абашин (Европейский университет в Санкт-Петербурге), О.В. Корнеев (ЛСАИ ТГУ и Центр исследований локального активизма (CERAL) факультета права, политических и социальных наук Университета Париж-13, Франция), О. Хабек (Институт этнологии Университета Гамбурга, Германия), Б. Даве (Центр современных исследований Центральной Азии и Кавказа Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания), С.К. Олимова (Научно-исследовательский центр «ШАРК» (Душанбе, Таджикистан); Е.В. Миськова (Московский государственный университет). Круглый стол вела Л.В. Дериглазова (ЛСАИ, ТГУ). Дискуссия продолжалась более двух часов, превысив время, отведенное регламентом конференции.

Статья Е.И. Филипповой была предварительно разослана заранее намеченным основным участникам дискуссии, чтобы они могли ознакомиться с текстом и представить свои аргументы. В начале дискуссии было предоставлено слово Елене Ивановне для краткого изложения тезисов статьи. *Е.И. Филиппова* отметила, что обсуждаемый текст является результатом работы в научном семинаре в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) под руководством Владимира Малахова и признала, что, возможно, главный тезис статьи, вынесенный в название, – «Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма» – звучит провокационно. Е.И. Филиппова обратила внимание на то, что современный миграционный кризис сделал проблему интеграции мигрантов центральной – к этой проблеме обращаются политики, средства массовой информации, интеллектуалы. Главным содержанием этого обсуждения является поиск способов адаптации мигрантов к нуждам и потребностям принимающего государства с тем, чтобы не нарушить существующие «благополучие, равновесие, спокойствие, стабильность и безопасность». Такое обсуждение проблемы ведется, по мнению выступающей, в рамках *методологического национализма*, который рассматривает «нахождение (человека. – *Прим. авт.*) в государственных границах нормой, а выход за их пределы – нарушением нормы». Этот подход определяет позиции обсуждения проблемы мигрантов – государствоцентризм и культуроцентризм. В этих концептуальных рамках представляются разумными и оправданными такие меры, как преграды на пути пересечения границ, получение вида на жительство и гражданства, выдворение нелегалов с национальной территории, миграционные квоты, политика селективной

или рестриктивной миграции, определение регионов для поселения мигрантов, заключение контрактов на интеграцию, сдача экзаменов на знание языка, истории, законов принимающей страны и т.п. Эти процессы происходят практически во всех странах, включая Россию.

Методологический национализм проявляется и в том, что фигура мигранта предстает как фигура «абсолютного другого», разрушающего национальную идентичность, ценности, привычный образ жизни, угрожающего жизни и безопасности принимающих обществ. По мнению *Елены Ивановны*, данный дискурс характерен для консервативных сил в Европе, которые также выступают против европейской интеграции. Этот «постмодернистский консервативный поворот» указывает на очередное столкновение двух онтологических потребностей человека: потребности в свободе и потребности в безопасности. Несмотря на то что массовая миграция происходит во многих регионах мира, только на европейском континенте присутствует дискурс о культурной интеграции, что является, по мнению докладчика, отражением методологического национализма.

Причиной методологического национализма, полагает *Елена Ивановна*, являются сама идея национального государства и ее воплощение в Европе в период модерна. Е.И. Филиппова подчеркнула, что национальное государство, выступающее синонимом либеральной демократии, требовало превращения населения страны в граждан. Интегрирующими инструментами формирования нации являлись обязательное всеобщее образование и всеобщая воинская повинность, которые распространяли общий язык и набор базовых ценностей. Ссылаясь на Эрнеста Ренана, Елена Ивановна аргументировала, что отличительными чертами нации-государства являются стирание различий и образование историко-культурного единства с выраженным чувством патриотизма. Именно эти особенности европейского нациестроительства привели к двум мировым войнам в XX в. Европейские интеллектуалы и политики после войн попытались найти способы «уничтожить патриотизм», сделав упор на общечеловеческих ценностях. Отсюда исходит идея создания единой Европы, которая сначала была экономическим проектом, но очень быстро приобрела политическое и социокультурное измерение. Построение Евросоюза сопровождалось ослаблением суверенитета входящих в него государств, почти повсеместным отказом от воинского призыва и фактическим табуированием слова «патриотизм». В соответствии с новыми задачами стали менять программы школьного образования с отходом от идей патриотизма и национальной гордости и доминированием идеи многообразия, вариативности и свободы.

Послевоенное развитие показало, по мнению *Е.И. Филипповой*, преобладание идеи свободы над идеей безопасности. Как следствие, в 1960-е гг. произошли множество восстаний меньшинств – гендерных,

языковых, этнических, религиозных, а также молодежные волнения. Послевоенная деколонизация порождает постколониальный дискурс и альтернативные версии национальных историй, коллективной памяти, которые приходят в противоречие друг с другом. Постколониальный период характеризуется усилением миграций и, прежде всего, из бывших колоний в бывшие метрополии. Происходит столкновение людей, которые раньше напрямую не соприкасались, но имели по поводу друг друга определенные представления. Следующий этап современного кризиса связан с выходом на мировую арену международного терроризма в сентябре 2001 г. Негативные тенденции усиливаются в условиях глобального экономического кризиса 2008 г., в результате чего происходит значительное сокращение социальных обязательств европейских государств. Активное развитие Европейского союза приводит к кризису демократии, когда усиливается разрыв между институтами, принимающими решения, и людьми. Разочарование в традиционных механизмах политического участия (партии, профсоюза) приводит к дальнейшему ослаблению национального государства и фактической дезинтеграции европейского общества.

В этих условиях, полагает *Елена Ивановна*, «разговоры об интеграции (мигрантов. – *Прим. авт.*) несколько запоздали». Современные развитые европейские экономики представлены крупными городами, и для них характерны примат индивидуализма, ослабление социальных связей, отказ от общепринятых норм и культивируемое право на различие. Мигранты, напротив, являются выходцами из традиционных обществ, часто из сельской среды, где общинные связи сильнее, и они структурируют общественные отношения. Мигранты в европейских крупных городах пытаются воссоздать привычную им систему социальных связей и отношений, однако принимающее общество видит в них чужаков, живущих в своем закрытом общинном мире. Е.И. Филиппова подчеркивает, что европейские мыслители справедливо говорят о том, что европейское общество не является интегрированным, а потому не может интегрировать другое сообщество. Таким образом, сегодня «бесперспективно и бесполезно продолжать обсуждать миграционную проблему в терминах интеграции». Интерес представляют другие концепции, предложенные европейскими учеными, а именно *транснационализм, космополитизм и сверхмногообразие*.

Далее *Елена Ивановна* коротко охарактеризовала названные подходы. По ее мнению, *транснационализм*, или *транслокальность*, рассматривает мигрантские сообщества, которые вне зависимости от продолжительности миграции и интенций сохраняют постоянные и устойчивые связи со страной или даже местом выхода. Этому способствуют современные средства коммуникации, которые стали доступными, быстрыми и дешевыми. Мигрантские сообщества создают собственные

институты обеспечения специфических потребностей, которые не могут или не хотят предоставить принимающие общества. Это магазины, где можно приобрести определенные продукты или одежду, этнический общепит, печатные издания, переводческие конторы, юридические консультации, бизнес и рабочие места. Все это дает возможность мигранту длительное время существовать в новой стране, не интегрируясь в принимающее общество, не изучая язык, фактически не меняя своих бытовых привычек, продолжая сохранять привычный образ жизни. Главная проблема, возникающая в данной ситуации, – это лояльность мигранта к принимающему государству в юридическом смысле, т.е. следование законам страны проживания. Если мигрант следует букве закона, то теоретически государству должно быть совершенно безразлично, что человек делает, когда он остался наедине с собой и своими близкими. Елена Ивановна предположила, что *транснационализм* делает интеграцию в ее классическом понимании не просто ненужной, но даже вредной. Так как изменчивость рынка труда и высокая трудовая мобильность будут сохраняться, мигрантам не нужно иметь глубокие корни, но нужно «иметь мощные щупальца, которые позволяют присосаться быстро там, где ты оказался, сориентироваться, встроиться и потом так же безболезненно переместиться в другое место». По сути, такая ситуация не должна создавать условий для психологической фрустрации мигранта, который вынужден часто переезжать, и проблемы для принимающих сообществ.

Характеризуя концепции *космополитизма*, *Е.И. Филиппова* подчеркнула, что она позволяет описать и анализировать те категории мигрантов, которые выходят за рамки традиционного дискурса о дискриминации и меньшинствах. Здесь речь идет об экспатриантах, лицах с двойным гражданством, трансграничных маятниковых мигрантах, т.е. о людях, которые работают и живут сразу в нескольких странах. Эти практики порождают людей с множественной лояльностью, причем не обязательно с более высокой к стране постоянного проживания. Цитируя слова Жоржа Перека о космополите как человеке, который «нигде не дома, но которому хорошо почти везде», Елена Ивановна подчеркнула, что такой тип космополита как человека более открытого, уверенного и лишённого фобий – это скорее желаемая перспектива, чем наличная практика. Пока эта модель доступна в основном лицам с определенным уровнем материального достатка и с высоким социальным или культурным капиталом. Речь идет о высшем эшелоне ученых, артистов, писателей, политиков и высшем менеджменте крупных компаний. Этим людям практически все равно, где они сегодня находятся.

В заключении *Е.И. Филиппова* охарактеризовала концепцию *сверхмногообразия*, которая была предложена Стивеном Вертовеком. Эта концепция, по мнению Елены Ивановны, позволяет посмотреть на

сложные траектории современных миграций, когда в одном пространстве сосуществует множество языков, но не формируется двуязычие или трехязычие, а происходит *креолизация*, причем не только в языковом, но и в культурном смысле. Ссылаясь на концепции Эдгара Морена, его парадигму сложности, Елена Ивановна подчеркнула растущую множественность идентичностей, которая не определяется только этническими и культурными аспектами, но также включает гендерные и возрастные особенности, состояние здоровья, уровень образования, финансовое положение человека и многое другое. Это все влияет на интеграционные стратегии мигранта и на успешность его обустройства на новом месте. Елена Ивановна полагает, что сегодня *многообразие* можно и нужно понимать как многообразие жизненных стилей внутри одного государства или вне государства. Соответственно, определение «свой – чужой» происходит на основании маркеров, характеризующих жизненные стили, и эта тенденция будет усиливаться в дальнейшем.

Подводя итог, *Елена Ивановна* вернулась к первоначальному тезису своего выступления и сказала, что пора прекратить пытаться вернуть мир, который уходит или практически ушел, а необходимо в новом, сверхмногообразном, очень сложном, мозаичном мире, состоящем из видимых и невидимых сетей, из легальных и нелегальных агентов, из зачастую противоречащих друг другу структур учиться выживать и интегрироваться по-новому. В этих условиях каждому человеку придется самостоятельно выбирать, в какие именно сети встраиваться, какие культурные коды усваивать.

Переходя к дискуссии, *Л.В. Дериглазова* заметила, что у нее как историка выступление вызвало множество вопросов, а некоторые тезисы она бы оспорила. Например тезис о том, что современное национальное государство является синонимом либеральной демократии. Тезис о «славном тридцатилетии» во Франции явно является упрощением, так как именно в этот период, а не позже происходит распад французской империи. Или утверждение о том, что молодежная революция во Франции 1968 г. была бунтом меньшинства, так как это был период увеличения влияния многочисленного поколения «бэйби-бума».

Основное возражение *Ларисы Валериевны* вызвал главный посыл о методологическом национализме, о разделении его на государственный и международный уровни. При этатистском и культуроцентристском подходе государство ставит во главу угла ценности государства, а не человека, и интеграция мигрантов рассматривается как односторонняя культурная ассимиляция. По мнению *Л.В. Дериглазовой*, важно иметь в виду, что государство не является инстанцией, оторванной от общества и людей; это институт, который выполняет определенные функции, отражает их потребности и запросы. Примеры кризиса европейской государственности, приведенные в докладе, были порождены совер-

шенно практическими задачами удовлетворения социальных потребностей и реализованы европейскими государствами как конкретные задачи, которые нужно было решать. Поэтому используя внесударственные концепции и подходы, выступая как исследователи, нам важно принимать во внимание и конкретные проявления миграции, и интеграционные практики, которые не обязательно противостоят друг другу и являются взаимоисключающими.

Далее было предоставлено слово *А.А. Ярлыкапову*. Ахмет Аминович обратил внимание на то, что сегодня миграция воспринимается именно как угроза или вызов, на который нужно отвечать. И ответ должен быть дан принимающим государством, которое всегда будет предпринимать попытки интегрировать мигрантов. Однако, по его мнению, доклад Е.И. Филипповой является европоцентричным, в то время как существует много регионов с массовой миграцией, где проблемы интеграции мигрантов просто не существует. Это Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Турция и т.д. В этих регионах существуют совершенно другие практики, и мигранты там ведут себя совершенно по-другому. Поэтому в дискуссию необходимо включить громадный мир, который находится за пределами Европы, именно это нужно обсуждать, пытаться понять происходящее, так как эти процессы могут влиять на Россию и Европу.

Ахмет Аминович обратил внимание на то, что, возможно, не стоит отказываться от термина «интеграция», но нужно его внимательно анализировать, так как он по-разному трактуется и воплощается в разных странах и регионах. Ученым важно понимать, о какой интеграции идет речь – культурной или политической? Тезис о миграционном кризисе, по его мнению, не вызывает возражения, но важно анализировать не только то, что происходит в принимающих европейских странах, но и процессы в странах исхода. В них наблюдается кризис традиционной государственности и идеи национального государства. Примером этому может служить Сирия, которая до недавнего времени была вполне успешным государством, а сейчас попадает в категорию несостоявшихся. Как оказалось, идея национального государства так и «не впиталась в кровь жителей» ближневосточных стран. Крах идеи национального государства и кризис традиционной государственности ведут к поиску других форм политической организации, и отсюда колоссальная популярность идеи халифата, в том числе и в Европе. Эта идея кажется привлекательной еще и потому, что она является экстерриториальной, халифат – это не обязательно территория, но она означает идею личной лояльности. Как следствие, обостряется проблема лояльности мигрантов к принимающему государству.

По мнению *Ахмета Аминовича*, западный подход интеграции мусульман в западную политическую систему всегда будет сложным, так как у мусульман может быть личная политическая лояльность к тому,

кого они считают халифом, имамом или кем-то еще. Кризис традиционной государственности ведет к росту самоорганизации и популярности таких движений, как ХАМАС и Хезболла. Причем такие процессы характерны и для России. *Ахмет Аминович* привел пример Дагестана, где также наблюдаются кризис традиционной государственности и рост самоорганизации, когда люди, не дождавшись помощи от государства, сами решают проблемы. Например, они едут в Москву, находят необходимого специалиста-медика, своего земляка, привозят его в Дагестан, платят ему зарплату, покупают оборудование и таким вот образом обустроивают у себя медицину. Какие процессы это отражает – интеграции или дезинтеграции? Как это анализировать? Вот, что необходимо обсуждать, когда мы обращаемся в проблеме интеграции и миграции в современном мире.

Следующей выступающей была *Цыпылма Дариева*, которая рассказала о своем опыте антропологического исследования постсоветской русскоязычной эмиграции в Германию и Великобританию. Сейчас в фокусе ее исследования возвратная миграция, паломничество на родину и тема религиозного плюрализма на Кавказе. Цыпылма отметила, что в докладе представлен европоцентричный подход к пониманию взаимодействия разных культур и социальных групп в одном обществе. Это видно по трем главным терминам, которые использовала докладчик, – *транснационализм, космополитизм и сверхмногообразие (Super-Diversity)*. Последний подход был предложен несколько лет назад Стивеном Вертовеком, директором Института Макса Планка по изучению мультирелигиозных и мультиэтнических сообществ в Геттингене (Германия) на материале Великобритании.

Важно напомнить, полагает *Цыпылма*, что понятие *космополитизм* имеет на постсоветском пространстве негативные коннотации, так как в период СССР космополитом всегда считался «какой-то неправильный человек, без корней, без родства, нелояльный и очень подозрительный тип». Поэтому термин «космополитизм» не может использоваться в России так же, как в западных странах и, может быть, стоит поискать другое название. Цыпылма также отметила, что понимание космополитизма на Западе разнородно, есть интеллектуальный дискурс и существуют гибкие *локальные* формы космополитизма – «конвивиальность» (*conviviality*), космополитизм рабочего класса и городской космополитизм, особенно в портовых и торговых городах Средиземноморья, а также Ближнего Востока. Алеппо, по мнению Цыпылмы, наверное, был одним из самых космополитичных городов на Ближнем Востоке, где существовал своеобразный местный космополитизм, который предлагал свои навыки, варианты открытого взаимодействия и коммуникативности без отказа от собственных этнических корней. То есть можно быть, как ни парадоксально это звучит, узбеком и кем-то еще. Об-

ращаясь к примеру Кавказа, она заметала, что Тбилиси и Баку были самыми космополитичными городами на территории Российской империи, а также Ереван, который до 1951 г. был таким полиэтничным городом, в котором примерно 38% населения были азербайджанцами. К сожалению, об этом все давно забыли. Сейчас и в Тбилиси, и в Баку происходит этническая национализация городского пространства, и этот процесс может иметь очень негативные последствия. Цыпылма полагает, что историкам нужно «поднять этот пласт практикующего космополитизма местного характера, описать и осмыслить эти локальные формы взаимодействия, их ограниченность во времени и пространстве».

Ц. Дариева также обратила внимание на различия в понимании интеграции, она по-разному понимается политиками, государственными и административными властями, средствами массовой информации, самими мигрантами, принимающим обществом и учеными. Она привела пример массовой миграции бывших советских граждан с отметкой в паспорте «еврей» или «немец», которые приехали в Германию по приглашению немецкого государства: «Вполне космополитичные советские граждане, которые в большинстве своем никакого представления не имели о том, что такое кошерная пища и что значит печь немецкие пироги на Рождество. Но принимающее общество ожидало от этих мигрантов именно таких проявлений идентичности и, соответственно, заставляло новичков это делать. Иногда доходило до курьезов, когда мигранты, уже будучи взрослыми людьми, чтобы доказать свою легитимность, шли в больницу, чтобы сделать обрезание».

Цыпылма высказала сомнение в применимости концепции сверхмногообразия для постсоветского пространства, которое предполагает наличие гетерогенного культурного пространства. По ее мнению, доклады, прозвучавшие в рамках форума, скорее показывают социально-классовое расслоение в больших городах, а не этническое, и тогда культурное разнообразие не является определяющим для возникающих проблем (например, доклад о гаражном кооперативе в Москве). Социальное многообразие проявляется в сфере жилья, поисках работы, доступе к ресурсам и в своей особой потребительской культуре. Однако социальное расслоение и территориальная сегрегация не всегда прослеживаются на постсоветском пространстве. Цыпылма сослалась на выступление Екатерины Деминцевой, посвященное стратегии расселения мигрантов под Москвой, в котором было показано, что в одном доме могут «проживать и уживаться» и состоятельные представители сегодняшнего среднего класса, и простые мигранты.

Далее слово было предоставлено Виктору Иннокентьевичу Дятлову. Он сразу заметил, что доклад вызвал сложные и противоречивые чувства, так как задел проблему соотношения должного и сущего. По мнению Виктора Иннокентьевича, пафос доклада был эвристичен и в ка-

кой-то мере идеологичен. Исследователям важно определить для себя, какое именно явление они наблюдают и что пытаются осмыслить при полном понимании того, что без идеологического, ценностного момента никаких эвристических моделей не бывает. Виктор Иннокентьевич заметил, что его профессия историка, возраст, его крестьянское происхождение и крестьянская культура подталкивают к консерватизму, пониманию стремления сохранить то, что сложилось веками. Это можно не разделять, но понимать и считать, что консерватизм имеет право на существование, более того – он необходим, хотя это может казаться переходом в сферу идеологии.

Однако, по мнению *В.И. Дятлова*, вне этого контекста нельзя оценить тот поворот, который мы наблюдаем и который Елена Ивановна отметила в своем докладе, – против интеграции, на усиление государства и его закрытости. Важно понимать, насколько этот поворот закономерен или случаен, возможна ли его стратегическая победа. Сомнения у Виктора Иннокентьевича вызывал сам тезис о необходимости «забыть об интеграции», который был высказан Е.И. Филипповой. По его мнению, несомненно, происходит кризис европейской современной государственности, однако это не означает кризиса государственности как таковой. Это может быть кризис сложившейся модели государственности, однако кризис не обязательно означает ослабление. Кризис – это поиск новых форм, новых концепций, новых стратегий, и вполне возможно, что новая модель государства не будет предоставлять такой степени свободы. Возможно, напротив, государство попытается ослабить контроль над этими процессами, чтобы общество выполняло функцию интеграции мигрантов и «заставляло пришельцев интегрироваться», принимать те нормы, на которые общество настаивает. А может быть, интеграционная политика будет совместным делом общества и государства.

Далее слово взял *Сергей Николаевич Абашин*, который заметил, что он воспринял доклад как рассказ о том, какие дискуссии, концепции сегодня существуют в Европе по поводу миграции. Однако, исходя из контекста дискуссии, для него более важным является понимание того, как этот набор европейских концепций и понятий может быть применен здесь, в России. Для этого стоит порассуждать о том, кем мы являемся и на каком языке говорим, поразмышлять о таких важных понятиях, как «кризис национального государства», и вообще о содержании концепции «национального государства» и «кризиса», над осмыслением этого кризиса через консервативный поворот. Является ли консервативный поворот реакцией на этот кризис, и как обсуждаемые понятия «работают» в российском контексте?

По мнению *Сергея Николаевича*, существуют проблемы методологического характера. У нас в стране не устоялось понятие России как национального государства, нет понимания того, что Россия – национальное

государство; существует множество контекстов, которые не соответствуют «языку национального государства в Европе». В России есть контекст больших столиц и Северного Кавказа, контекст Севера и Сибири, и отсюда разное восприятие и миграции, и многообразия. То есть невозможно говорить о России как о национальном государстве, пользуясь какими-то плоскими, «едиными» для всех регионов терминами.

Это означает, по мнению *Сергея Николаевича*, наличие собственного представления о кризисе и о том, какой консервативный поворот мы переживаем. Ссылаясь на выступление В.И. Дятлова, он задал вопрос: когда мы понимаем консерватизм как стремление сохранять «свое», что именно мы имеем в виду, что есть «свое»? В Европе национальное государство разрушается, а что мы хотим в этом консервативном повороте сохранить? Что-то «советское» или российско-имперское? Является ли это желанием национального государства – освободиться от многообразия и проблем, с ним связанных? Или это возвращение к «советскому», когда многообразие было частью повседневности и идеологии? В любом случае, по мнению Сергея Николаевича, это вопросы, которые требуют серьезного размышления.

Второй темой, к которой обратился *С.Н. Абашин*, была критика понятия «интеграция». Он поддерживает необходимость критики, однако, по его мнению, это должна быть не критика политического, прикладного языка, а именно языка аналитического. В условиях господства языка «интеграции» существуют значительные проблемы, связанные с методологическим национализмом. Ограниченность существующего подхода заключается в том, что миграция – это всегда многосторонний процесс: есть сторона выезда, есть сторона приезда, и множество интересов, с этим связанных. В России же по-прежнему сохраняется односторонний подход, когда изучают то, что мигранты делают в России, а это всегда неполная картина того, как мигрант живет. Ведь мигрант живет не только в Томске, Москве или Петербурге, у него есть другая жизнь, которую «методологический национализм не видит».

Другая проблема концепта «интеграции», по мнению *Сергея Николаевича*, заключается в том, что этот процесс рассматривается как детерминированный, когда мигранты приезжают, чтобы «обязательно интегрироваться», и других стратегий и тактик у них нет. Такая концептуальная рамка интеграции имеет много «слепых зон», когда исследователи не видят многообразия всей жизни мигрантов, связанного с его отношениями с домом, с возвратной миграцией и т.д. «Оптика интеграции» предполагает исследование только того, как мигрант взаимодействует с российским обществом, а все остальное кажется маргинальным и периферийным. Однако критика концепции интеграции не должна означать отказ от этой концепции, но возможно и необходимо использовать «разные аналитические конвенты», чтобы посмотреть на разные ситуации.

Сейчас наблюдается не только массовая миграция, но и тенденция оттока мигрантов, уезжают миллионы людей. Ученым важно понять, кто эти люди, почему они уехали, надолго ли они уехали, с чем они уехали, что они «отсюда вывезли туда». Существует маятниковая миграция, которую описывает классическая транснациональная теория, и такие мигранты не собираются интегрироваться в том классическом смысле, который вкладывается в концепцию интеграции. Ученым необходимо увидеть, как живут эти люди, как происходит их ротация, какова продолжительность их пребывания, почему они приезжают и уезжают, с какими трудностями они сталкиваются. Есть классические мигранты, которые приезжают, чтобы остаться, и у них есть разные стратегии интеграции. Для таких применим интеграционный аналитический подход. То есть важно признавать наличие разных языков и разных аналитических инструментов, и это означает, что необходимо использовать все методологические инструменты, а не сводить дискуссию к тому, интегрируются или нет мигранты, это вопрос скорее прикладной миграционной политики, а не ученых.

Сергей Николаевич также отметил, что в публичном языке, в языке чиновников, господствует отношение к мигрантам как к иммигрантам, и этим видением определяется вся практическая политика, включая получение мигрантами патентов и сдачу экзаменов. Такой подход подразумевает «интеграцию», т.е. то, что мигранты приехали, чтобы остаться, а поэтому мы должны их учить русскому языку, проводить политику адаптации. Однако наблюдения показывают наличие множества стратегий у самих мигрантов, и поэтому обсуждение миграционной политики должно проходить с учетом многообразия мигрантских стратегий, а правовые инструменты должны более гибко учитывать эти разные стратегии. Кроме того, важно вовлекать в дискуссию не только интересы национального государства, но и проблему прав человека, включая права мигрантов, которые являются не менее важными, чем интересы «нашего национального государства». С.Н. Абашин подчеркнул, что важно учитывать существование наднациональных объединений, и это не только Европейский союз, но и Евразийский экономический союз (ЕАЭС), инициированный Россией. Исследователям необходимо изучать интересы этих наднациональных объединений и тех людей, которые в них живут, их практики. Таким образом, разнообразие аналитического языка поможет видеть и акцентировать прикладные вопросы, которые будут важны и для выработки политики, и для решения практических вопросов. В завершение своего выступления, Сергей Николаевич привел в пример свою аспирантку, которая, являясь гражданкой Армении, сталкивается с проблемой миграционного регулирования и вынуждена каждые три месяца пересекать границу с Россией, чтобы вновь получить российскую визу. И это при том, что Армения

входит в Таможенный союз в рамках ЕАЭС, который предполагает свободное движение капиталов и людей.

После выступления основных дискуссионных слово было предоставлено *Е.И. Филипповой* для ответа на высказанные замечания. Она согласилась с тем, что ее доклад является европоцентричным, и объяснила это тем, что он был подготовлен для конференции, посвященной миграции в Европу, и тем, что дискурс интеграции характерен именно для государств-наций, которые сложились в Европе. Именно в Европе доминирует дискурс интеграции. Кроме того, по мнению Елены Ивановны, современный кризис национального государства отражает неудачу переноса этой модели на постколониальное пространство в Африке или Азии. Африканским и азиатским странам не удалось построить национальное государство потому, что не удалось заключить и выполнить социальный договор, согласно которому государство гарантирует гражданам безопасность и социальную защищенность, а граждане в ответ гарантируют государству свою лояльность и активное участие в жизни этого государства. Елена Ивановна заметила, что сегодня многие европейские государства, которые позиционируют себя как социальные, не могут выполнить взятые на себя обязательства и население теряет лояльность по отношению к государству. Отсюда уход от налогов, перевод предприятий и фирм в оффшорные зоны, переезд в другие страны, где меньше налоговый гнет и т.д.

Обращаясь к проблеме консерватизма, *Елена Ивановна* сказала, что она понимает стремление сохранить привычное, однако изменения необратимы, так как происходит повсеместный глубокий кризис модели национального государства эпохи модерна, которое сегодня не отвечает требованиям времени. Современная борьба за ресурсы, по ее мнению, приведет к «перекройке всего мироустройства», в том числе границ, которые будут уничтожаться и будут появляться новые, может произойти вторая колонизация, но не государствами государств, а транснациональными экономическими агентами определенных сфер добычи сырья и производств.

Елена Ивановна согласилась с высказанными мнениями о том, что существуют разные понятия интеграции, и это определяется усложнением социального пространства в условиях сверхмногообразия. Она также признала необходимость критики самого термина «интеграция» и возможность использования различных подходов для анализа сегодняшних реалий.

Далее слово было предоставлено *Олегу Владимировичу Корнееву*, который также высказал свои критические суждения по поводу основного доклада. Первое его замечание было связано с тем, что Европу в России нередко представляют как нечто однородное, а она таковой не является. При использовании термина «Европа» важно понимать его

значение: это наднациональный уровень Евросоюза или гораздо менее интегрированный, но тоже наднациональный уровень нормативных рамок Совета Европы или имеются в виду отдельные государства, которые входят или не входят в ЕС? Также ему показались неясными тезис об отказе от концепции интеграции, а также то, кто должен отказаться от этой концепции – ученые, или это отказ от интеграции как стратегии и политической практики.

Рассматривая стратегию интеграции мигрантов в ЕС, *Олег Владимирович* привел пример регулярно проводимого исследования по выявлению индекса миграционной политики (Migrant Integration Policy Index (MIPEX)), методика которого была разработана аналитическим центром в Брюсселе (think-tank Migration Policy Group). Этот индекс оказался удобным аналитическим инструментом, который четко указывает на то, что индексируется. Это не индекс реальной интеграции мигрантов, а именно анализ политики, оценка законодательного уровня и правоприменения в сфере интеграции мигрантов в разных государствах по ряду показателей. Это исследование проводится каждый год, и его методику постоянно совершенствуют, сейчас это пятое или шестое издание. Действительно, в ЕС очень озабочены вопросами интеграции, это никуда не ушло из политической практики, стратегии и повестки дня. По мнению Олега Владимировича, эта проблема останется значимой для ЕС, судя по стратегическим документам Европейской комиссии и реакции на эти документы Европарламента.

Олег Владимирович также обратился к проблеме национального государства и его воплощения в России, о чем говорил С.Н. Абашин. По его мнению, нигде не существует полностью гомогенного, отвечающего полностью идеальной модели национального государства. Он привел в пример Великобританию с ее разнообразием, где политические стратегии и позиции централизованного государства оказываются порой противоположны миграционной политике Шотландии. В Шотландии стремятся привлечь новое население, а официальная позиция Великобритании направлена на сужение каналов миграции.

Обращаясь к отсутствию проблемы интеграции мигрантов в странах Ближнего Востока, *О.В. Корнеев* сослался на выводы ведущего эксперта и демографа по Ближнему Востоку Филиппа Фарга, руководителя Центра миграционной политики в Европейском университетском институте во Флоренции. Последний объяснил этот феномен с юридической точки зрения. Страны Ближнего Востока четко сформулировали в программных документах и законах отсутствие интереса к постоянной иммиграции, и этот вопрос рассматривается исключительно в юридической плоскости, а не в идеологической или политической. Этим государствам с небольшой территорией и небольшим потенциалом принятия мигрантов не нужны постоянные мигранты, и поэтому нет пробле-

мы с их интеграцией. Эти страны прямо заявляют о том, что они готовы пускать мигрантов работать и зарабатывать, но им не предоставляется таких же прав, что и гражданам этих стран. По мнению *Олега Владимировича*, этот подход вписывается в концепцию, которая выдвигается в недавней книге Мартина Рухса «The Price of Rights» (Ruhs 2013). Этот ученый из Оксфорда написал работу о миграции и правах мигрантов, в которой он предлагает уменьшить права мигрантов, предоставить им минимум прав, но пускать всех, кто хочет. Тогда мигранты должны сами решать проблемы, с которыми они сталкиваются, находясь в другой стране.

О.В. Корнеев также высказался о проблеме прав мигрантов в наднациональных объединениях, имея в виду ЕАЭС и пример С.Н. Абашина с его аспиранткой из Армении. Он подчеркнул, что пленарное выступление Сергея Валерьевича Соколовского о дисциплинарности, междисциплинарности, трансдисциплинарности антропологии² показывает, насколько важным и продуктивным бывает обсуждение с участием представителей разных дисциплин. По его мнению, при обсуждении проблемы интеграции мигрантов в рамках данного круглого стола явно не достает мнения юристов, которые могут внести ясность в то, что происходит со странами ЕАЭС. По его мнению, один из ведущих российских экспертов по трудовому и миграционному праву, юрист Руслан Давлетгильдеев из Казанского федерального университета, очень понятно объяснил причины таких затруднений отсутствием разработанных подзаконных актов, которые необходимы, чтобы начали работать основные договорные акты.

Отвечая на новые суждения, *Е.И. Филиппова* подчеркнула, что ее также интересовали категории, в которых осмысливается процесс интеграции, и когда она заявила о том, что разговоры об интеграции являются анахронизмом, она не имела в виду исчезновение задачи интеграции мигрантов, которую пытаются решить государства. И конечно же, разные страны по-разному обращаются к этой проблеме, как, например, государства Ближнего Востока, которые не обещают своим мигрантам полноправного включения в общество, и, несмотря на жесткую эксплуатацию, люди продолжают ехать туда, чтобы зарабатывать, а не за правами человека. Пример Европы совсем другой. Сюда часть мигрантов едет не только за заработком, но и с желанием найти лучшую жизнь, в надежде остаться навсегда и стать полноправными членами общества, и когда этого не происходит, наступает разочарование. То есть, полагает Елена Ивановна, «миграционный проект» конкретного мигранта влияет и на выбор страны, и на стратегию интеграции, и на степень удовлетворенности результатом.

Далее в дискуссию включился *Отто Хабек*, который представил себя как европейца и сторонника сверхмногообразия. В отличие от мно-

гих выступающих, он выразил полное согласие с основными тезисами выступления Е.И. Филипповой. Он высказал свое наблюдение о росте отчуждения в Германии, когда часть населения защищает плюралистические представления, а другая часть настроена консервативно. Также он привел пример своих студентов в Гамбурге, которые говорят о необходимости принимающего общества пойти навстречу мигрантам, попытаться создать что-то новое, гибридное, другое. На периферии, вне больших городов, он часто видит совершенно противоположную картину. И хотя в Германии нет такой пропаганды патриотизма «сверху», как это сейчас происходит в России, в Германии отмечаются «конституционный патриотизм», консерватизм и чувство беспокойства. По мнению Отто, в Германии для достаточно большого количества немцев консерватизм является важным компонентом их жизненных устремлений.

К дискуссии присоединилась *Бавна Даве*. Она обратила внимание на понятия «интеграция» и «сверхразнообразии», вокруг которых развернулась дискуссия. Она заметила, что есть еще одно понятие – «глубокое разнообразие» (Deep Diversity), его использует Уилл Кимлика (Will Kymlicka), канадский социолог, в своей книге «Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights» («Мультикультурное гражданство: либеральная теория прав меньшинств») (Kymlicka 1996). Кимлика изучал меньшинства в Канаде, включая коренных индейцев, которые являются автохтонным населением и «первой нацией», так как именно им принадлежала земля до приезда европейских иммигрантов. Однако индейцы оказались меньшинством со своими особыми правами, а есть в Канаде и другие меньшинства – мигранты, которые приехали и тоже заявляют о своих правах. Термин «глубокое разнообразие» означает, что каждый пытается совместить коллективное и индивидуальное понятие идентичности культуры.

В российском контексте, по мнению *Бавны Даве*, преобладает групповое понятие культуры и идентичности, и не всегда признается право индивидуума отказаться от своей группы. Понятие «глубокое разнообразие» предполагает, что каждая группа сама определяет способы интеграции входящих в нее людей как на групповом, так и на индивидуальном уровне. По сути, полагает Бавна, в основном мигранты хотят интегрироваться, но если государство начинает диктовать темпы и схемы интеграции, то возникают проблемы. Именно поэтому нужна постоянная дискуссия о том, что такое «интеграция», это понятие не может быть статичным, и оно не должно быть закрытым для обсуждения.

Саодат Кузиевна Олимова обратилась к проблеме интеграции в других регионах и высказала суждение о том, насколько разработанные европейцами концепты применимы к опыту недемократических и нелиберальных стран, например Китая. По ее мнению, везде есть интеграционные модели и практики, осмысление интеграции, есть законо-

дательное закрепление и есть отношение общества к этой проблеме, а также отношение самих мигрантов к интеграционным практикам принимающего общества. Она сослалась на проблему интеграции бирманцев в Таиланде. Говоря о Саудовской Аравии, она обратила внимание, что здесь живут порядка девяти миллионов мигрантов из разных стран, включая полтора миллиона пакистанцев и афганцев, и это мигранты во втором и третьем поколении. Однако вряд ли можно ожидать их скорого отъезда, так как они обслуживают потребности многочисленных паломников. Поэтому, по мнению *Саодат Кузиевны*, так важно осмысливать весь мировой опыт миграции, а не только пример Европы. Она также обратилась к проблеме «нового кочевничества», которое представлено не только высокостатусными группами, этот феномен распространен и в авторитарных странах, и в Европейском союзе. Новое кочевничество предполагает совершенно другие модели миграции и интеграции. Это также касается нового поколения молодых, поколения «Y», которое имеет свои представления, конструкты и концепты и о которых пока не так много известно. Молодежь несет абсолютно новый взгляд на мир, и это требует новых инструментов и нового исследовательского языка.

Отвечая на замечания С.К. Олимовой, *Е.И. Филиппова* заметила, что она вовсе не призывает отказаться от концепта, но считает нужным изменить его содержание, и не только применительно к Европе. По мнению Елены Ивановны, в публичном дискурсе под интеграцией понимается именно интеграция в национально-государственное сообщество, в то время как под ней нужно понимать нечто гораздо более разнообразное и широкое, в том числе создание тех социальных структур, сетей и связей, которые позволяют мигранту существовать на новом месте и обеспечивать свои базовые, а иногда и экзистенциальные потребности. Обращаясь к проблеме новых кочевников, *Е.И. Филиппова* заметила, что из-за нехватки времени она не могла подробно осветить тему космополитизма и затронула только одно из его проявлений. Конечно же, космополитизм как социальное явление затрагивает очень широкие слои, а как осмысленная идеология, сознательно культивируемый образ жизни – это удел, прежде всего, тех слоев населения, которым свойственна рефлексия и которые строят вокруг этого философию своего бытия. Именно этих людей имела в виду Елена Ивановна, когда говорила, что их круг узок и никогда, наверное, не будет слишком широк, в отличие от людей, перемещающихся по свету в поисках жизненных ресурсов, которых, конечно же, гораздо больше.

К дискуссии также присоединилась *Е.В. Миськова*, которая высказалась о невозможности отказаться от термина «интеграция» или от политики интеграции. Елена Вячеславовна процитировала Джорджо Агамбена, который описал фигуру беженца как заложника той двойственности евро-

пейской политики и идеологии, которая существует на протяжении уже многих десятилетий, когда гуманитарная составляющая прав человека сталкивается с политикой национального государства и с понятием суверенитета как такового. Суверенитет, по мнению *Елены Вячеславовны*, можно определить как нормативность. Мигранты являются некой внетерриториальной экс-нормативностью, и отсюда один шаг до абсолютной анормативности, которая не может возобладать, так как приведет к полному краху. Такая двойственность, о которой Агамбен писал, является структурообразующей для Европы, это позволяет ей оставаться «Европой», принимать и в конце концов переваривать этот «сель» мигрантов. Елена Вячеславовна подчеркнула, что если исключить эти гуманитарные и во многом идеологические конструкты, то возникнет проблема с самими европейцами, с тем, кем они являются.

Л.В. Дериглазова, подводя итог дискуссии, заметила, что в обсуждении и докладе Елены Ивановны Филипповой прозвучали суждения, которые позволяют говорить о существовании мифа о гомогенности общества, однако общество никогда и нигде не было однородным. Разные страны в разной степени сталкивались с массовой миграцией. Поэтому, рассуждая о концепции интеграции и политике интеграции и осмысливая их, важно иметь в виду конкретную концепцию интеграции и ту политику, которая всегда ориентирована на решение конкретных задач определенного общества в конкретный момент. Ведь именно эти обстоятельства будут определять и нормативную базу, и те практики, которые существуют в рамках правового поля (или вне его), и когда общество решает само для себя, как жить в новых сложившихся обстоятельствах. Лариса Валериевна поблагодарила Елену Ивановну за то, что ее выступление вызвало интересную дискуссию, и если задача Е.И. Филипповой заключалась в том, чтобы устроить провокацию (о чем она говорила вначале), то провокация состоялась. Было много споров, много суждений, согласий и несогласий, и это лучший комплимент выступающему.

Примечания

¹ Первая попытка обзора дискуссии на этом круглом столе была предпринята Н.П. Погодаевым (Погодаев 2017: 52–72). Я также благодарю Н.П. Погодаева за предоставленную в мое распоряжение расшифровку аудиозаписи для подготовки данного обзора.

² Полностью текст выступления был опубликован в том же году в виде статьи (Соколовский 2016: 12–29).

Литература

- Kymlicka W.* Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford University Press, 1996.
- Ruhs M.* The Price of Rights: Regulating International Labor Migration. Princeton University Press, 2013.
- Первый* Томский антропологический форум «Антропология в поисках нового языка описания»: тез. междунар. науч. конф. / Отв. ред. Д.А. Функ, И.В. Нам. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 172 с.

- Погодаев Н.П. Дискуссия о языке описания взаимодействия мигрантов и принимающего сообщества в условиях постмодерна // Северные архивы и экспедиции. 2017. № 2. С. 52–72.
- Соколовский С.В. Будущее антропологии: кросс-, интер-, мульти-, транс-, а- или постдисциплинарность? // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 12–29.
- Филиппова Е. Дискурс об интеграции – консервативный анахронизм эпохи транснационализма // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономической турбулентности. М.: Дело, 2016. С. 305–322.

Материал поступил в редакцию 14 марта 2017 г.

Deriglazova Larisa V., Tomsk State University (Russia)

IS IT POSSIBLE TO LEAVE ASIDE ‘THE DISCOURSE AROUND INTEGRATION OF MIGRANTS AS A CONSERVATIVE ANACHRONISM OF THE ERA OF TRANSNATIONALISM?’*

Abstract. The overview outlines the results of a roundtable discussion of methodological approaches to research into integration of migrants in today’s world which was held on 16 September 2016, during I Tomsk Anthropological Forum, titled ‘Anthropology in Search of a New Language of Description’. It shows how the issue of ‘methodological nationalism’ and the use of such concepts as transnationalism, cosmopolitanism, super-diversity, and deep diversity were analyzed during the discussion. Also set out in the overview are the lines along which the essence of the postmodern conservative turn, the crisis of national state, and conditions for migration in Europe, Russia, and worldwide were discussed.

Keywords: migration, integration, methodological nationalism, transnationalism, cosmopolitanism, super-diversity, conservative turn

* The overview is written under a project, titled “Man in a Changing World. Identity and Social Adaptation: Past and Present” (grant #14.B25.31.0009 issued under the Russian Government Decree #220).

DOI: 10.17223/2312461X/16/10

References

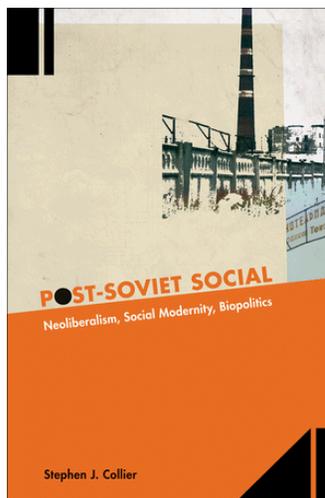
- Kymlicka W. *Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights*. Oxford University Press, 1996.
- Ruhs M. *The Price of Rights: Regulating International Labor Migration*. Princeton University Press, 2013.
- Antropologiya v poiskakh novogo yazyka opisaniia: Tezisy mezhd. nauchn. konf. Pervyi Tomskii antropologicheskii forum* [Anthropology in search of a new language of description: Abstracts]. Tomsk: Tomsk University Publishing House, 2016. 172 p.
- Pogodaev N.P. Diskussiya o yazyke opisaniia vzaimodeistviia migrantov i primimaiushchego soobshchestva v usloviakh postmoderna [A discussion over the conceptualization of interaction between migrants and host societies after the postmodern turn], *Severnye Arkhivy i Ekspeditsii*, 2017, no. 2, pp. 52-72.
- Sokolovskii S.V. Budushchee antropologii: kross-, inter-, multi-, trans-, a- ili postdistsiplinarnost'? [The future of anthropology: cross-, inter-, multi-, a-, or tradisciplinarity?], *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, 2016, no. 4, pp. 12-29.
- Filippova E. Diskurs ob integratsii – konservativnyi anakhronizm epokhi transnatsionalizma [Discourse around integration as a conservative anachronism of the era of transnationalism], *Transnatsional'nye migratsii i sovremennye gosudarstva v usloviakh ekonomicheskoi turbulentnosti* [Transnational migrations and modern states in the times of economic turbulence]. Moscow: Delo, 2016, pp. 305-322.

УДК 330.831.8

DOI: 10.17223/2312461X/16/11

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИНФРАСТРУКТУРНЫЙ МОДЕРН, ИЛИ ПОЧЕМУ «ТРАНЗИТ» ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ НЕ МОГ СОСТОЯТЬСЯ*

Stephen J. Collier. *Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics*. Princeton University Press, 2011. vii, 304 p.
ISBN 978-0-691-14831-1

Стивен Колье в книге «Постсоветская социальность. Неoliberalизм, современность, биополитика» оспаривает привычное понимание доктрины и практики neoliberalизма, которое заключается в отказе от государственного вмешательства в экономику и публичную сферу в пользу исключительно рыночных механизмов, а также пересмотре концепции «социального государства» в целом.

Он считает, что хорошим примером несостоятельности общего подхода является результат «неoliberalных реформ», «перехода к рынку» и планирования / регулирования социальной сферы и городской среды в постсоветской России. Но начинает он издалека и в первой части книги анализирует советскую парадигму градостроительства, зародившуюся как авангардистские архитектурные эксперименты 1920-х гг., но вылившуюся

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», поддержанного Российским научным фондом (РНФ, грант № 15-18-00112).

ся, в конце концов, начиная с 1930-х, в масштабное государственное планирование и регулирование всей сферы жизнеобеспечения, здравоохранения и благосостояния населения, т.е. в такую, пользуясь понятием Мишеля Фуко, биополитику тотального планирования, которая стала ключевой характеристикой советского модерна. Во второй части книги анализируется постсоветское реформирование этой политики.

Колье настаивает на том, что он трактует неолиберализм широко: как форму критической рефлексии существующей практики управления, направленной на оживление принципов либерализма в новых условиях, когда укрепляющееся социальное государство стремится их окончательно задавить. Так, в отношении постсоветских переходных реформ Колье доказывает, что это был не бескомпромиссный переход к рынку с полным демонтажем советской социальной системы обеспечения благосостояния, а попытки частичного перепрограммирования государственного управления, которое не собиралось отказываться от социалистических норм.

Аналитический контекст работы – это концепция биополитики: управление здоровьем, благосостоянием и жизнеобеспечением населения в условиях конкретного политического суверенитета. Объектами анализа становятся два небольших индустриальных города в центре и на юге России – в Ивановской и Ростовской областях – как пример идеальных проектов небольших урбанизированных поселений начала советской эпохи, эпохи изобретения норм и форм советского социалистического модерна.

Особенностью советского проекта городского развития было не просто планирование общественного пространства, транспорта и зонирование, но детальное планирование всех элементов жизни города – городского хозяйства. Ключевой чертой этого подхода было подчинение размещения населения – расселения – задачам промышленного развития территорий.

По данным, содержащимся в докладе Всемирного банка за 2005 г., к концу советского периода около 60% городского населения СССР (около 60 млн человек) жило в городах численностью до 500 тыс. человек, а 30% – в городах численностью до 100 тыс. чел. Таким образом, советский проект освоения территории привел к созданию сети урбанизированных поселений, объединенных в той или иной степени централизованной системой жизнеобеспечения. Сразу же после крушения СССР встал вопрос о выживании этих городов, промышленные центры которых перестали быть эффективными уже в эпоху застоя, а после перестройки в большинстве своем прекратили работать.

Одним из следствий системы советского социалистического планирования было то, что, вопреки очевидности, экономические сдвиги не вызвали волны социальной мобильности: население оказалось как буд-

то приклеенным к местам проживания. *«Трубы, многоквартирные кварталы, радиаторы и бойлеры, потоки бытового газа, горячего отопления, топлива и рублей и привычки бюрократов, которые ничего не делали, но никуда не делись, – все это, как оказалось, держит и связывает людей вместе, – пишет Колье. – Промышленное сердце Белой Калитвы [город в Ростовской области] – алюминиевый комбинат – было разбито. Но рутинные системы поддержания повседневной жизни – элементы экономики жизнеобеспечения, городское хозяйство – каким-то образом выжили»* (р. 7).

Все эти материальные системы подключения населения к централизованной системе снабжения, а города – к национальным механизмам экономического регулирования, обеспечивали советский тип социалистического модерна – **инфраструктурного модерна**. Они стали видимыми, когда оказались как будто бы на грани разрушения. Переходные реформы призваны были буквально расцепить, децентрализовать эту систему с помощью механизмов маркетизации газообеспечения, коммерциализации системы энергоснабжения и отопления и повышения ответственности потребителей за рациональное и экономное потребление и контроль над обеспечением. Эти реформы, однако, потерпели крах именно по причине того, что децентрализовать, поставить счетчики и ограничения, организовать контроль оказалось невозможно из-за материальной громоздкости и тотальности систем жизнеобеспечения, сложившихся в советское время. Демонтировать их можно было только вместе с поселениями, и их демонтаж воспринимался как политическое посягательство на основные права населения. В итоге «неолиберальные» реформы свелись к точечному включению микроэкономического регулирования. То же самое с реформой межбюджетных отношений: новые формулы распределения ресурсов между богатыми и бедными регионами только переформулировали и тем самым легитимировали в новых условиях старые цели, задачи и принципы жизнеобеспечения.

Колье последовательно доказывает в своей книге, что опыт реформ в России демонстрирует ограниченность распространенной критики неолиберализма как доктрины, подводящей все под единый знаменатель «рынка», отвергающей солидарность и социальное государство. Неолиберализм, подвергшийся «акселерации», по выражению Бруно Латура, превратился в темную силу, которая объясняет все матрицы в истории. Многих аналитиков объединяет мнение, что за постсоветские трансформации ответственна неолиберальная экономическая идеология. Но на самом ли деле инфраструктурное регулирование и шоковая терапия – это исключительно неолиберальный проект, когда само слово «регулирование» изначально противно неолиберальной доктрине? И что это за вещь – неолиберализм?

Отвечая на этот вопрос, Колье обращается к работам ставших уже классиками политической экономии XX в. Джорджа Стиглера и Джеймса Буханана (Buchanan 1975; Stigler 1975). Они внесли значительный практический вклад в формирование нового либерального взгляда на такие базовые концепты, как социальный контракт, общественный интерес и равенство, применительно к критике социального государства в США. Начиная с 1970-х гг. их критика и обоснование реформ циркулировали по всему миру и в 90-е достигли России.

Одновременно Колье обращается к лекциям Мишеля Фуко 1978–1979 гг., в которых он обосновал свою концепцию биополитики (впоследствии биополитика уступила место концепции *governmentality*) (Foucault 2008). Фуко открыл либерализм как новую форму управляющего разума, который понимает индивидов и коллективы не как субъектов права (суверенность) или послушные дисциплинирующей власти тела, но как живых существ. Ключевой фигурой либеральной рефлексии у Фуко Колье считает население. Основываясь на этом, Колье предпринимает анализ успешного формирования биополитического управления и разных способов проблематизации биополитики (р. 16–17). Он стремится исследовать либерализм и неолиберализм не в качестве идеологий, гегемоний или управляющих рационализаций, но как формы критической рефлексии практики управления. Либеральные и неолиберальные мыслители не представляли системы управления, которая должна заменить прежнюю, они анализировали и перерабатывали существующие практики управления.

Биополитика в отношении России для Колье – это вопрос о том, как Советское и Российское государство управляло живыми людьми и как неолиберализм в России был конкретной формой критической рефлексии конкретных проблем социального государства, что и предопределило ход и результаты «неолиберальных реформ переходного периода».

Колье стремится выделить и обосновать различия между либеральным и советским вариантом **социального модерна**. Социалистическая биополитика, с точки зрения Колье, недостаточно изучена. Советский модерн отличается уже тем, с какими вопросами столкнулись советские планировщики в отличие от, например, французских физиократов или британских либералов. Самое главное царистское наследие в России заключалось в отсутствии индустриализации и урбанизации. «Недогорода» (Non-City) раннего капитализма в Европе и формирующиеся города в царской России XIX в. были устроены по-разному. Последние не стимулировали рост урбанизированного населения, как это делали города-рынки Европы, возникавшие вне феодальной территориальной юрисдикции и притягивавшие к себе огромные массы населения. В центры мануфакторного производства в России работники приходили из сел и потом уходили обратно.

Связка между индустриализацией и урбанизацией долго не работала в России, поэтому урбанизаторы в 1920–1930-е гг. в советской России решали не проблемы, возникшие в ходе урбанизации и индустриализации, а проблему отсутствия последних. Советская урбанизация была не спонтанным социальным и экономическим процессом вне государства, вне власти, но инициативой государства. Идеологи городского планирования считали, что удастся избежать ошибок ранней урбанизации в других странах, если государство полностью возьмет на себя программирование демографических, производственных процессов и процессов социального обеспечения населения.

В этой ситуации советские модернизаторы поставили перед собой в качестве главной цели не автономность экономики и общества, не ограничения на государственное вмешательство, а реорганизацию населения вокруг центров индустриального производства, устройство городов как механизмов удовлетворения нужд новых коллективов, организованных вокруг фабрик и заводов. Планируемое урегулирование отношений между населением и производством – это модель советского модерна. Все это сильно отличалось от либеральной модели, в которой экономика и публичное пространство автономны друг от друга и от государства, а законы социального пространства самостоятельны и должны быть уважаемы.

Колье склоняется к тому, что, с одной стороны, постсоветская Россия – это в прямом смысле этого слова постсоциальная Россия в понимании декларативного отхода на какое-то время от доктрины социального государства. Но, с другой стороны, время продемонстрировало поразительную устойчивость в постсоветское время социальных практик, материальных и бюрократических структур, демографических моделей и ценностей, произведенных социализмом. Вопрос Колье, который он ставит с опорой на Фуко: как советская социальность была репроблематизирована и тем самым сохранена в подходах к управлению в новой России?

Метод Колье близок акторно-сетевому подходу: рассматривать «рынок» и «общество» не как предзаданные сущности, но как объединения исчисляемых субъектов действия. Это думающие субъекты – не абстрактно мыслящие или зафиксированные в эпистеме, но занятые в практико-критической активности, посредством которой, как цитирует Колье Пола Рабиноу, «исторические конъюнктуры превращаются в концептуальные и практические проблемы» (Rabinow 2003: 47).

Колье признается, что его книга – не этнография с обширным цитированием разговоров в поле, поскольку этнография не позволяет ему ответить на вопросы, которые он перед собой поставил. Этнография была изобретена в отношении к специфической теории антропологического объекта – культуры или этнической группы. Для других типов

объектов в современной антропологии резонно спросить, насколько этнография как инструмент подходит для их исследования?

Таким образом, то, что чаще цитирует Колье, – это результаты экспертной рефлексии в прошлом и настоящем о прошлом, настоящем и будущем. В частности, дискуссии о городском строительстве в СССР, длившиеся начиная с 1920-х гг. и завершившиеся в 30-е гг. тем, что городское планирование не ограничилось традиционными сферами землепользования, городской инфраструктуры и публичных пространств, а превратилось в тотальное планирование городской жизни. Свою методологию в отношении российских реалий Колье описывает так: он рассматривает определенную политическую онтологию генеалогически, исследуя последовательные конфигурации институтов, техник, материальных элементов, форм рефлексий, модальностей вмешательства, посредством которых оформляется политическое управление в царской и раннесоветской России.

Например, он описывает ранние города-заводы в России как порождение петровского абсолютизма – они были подчинены военным нуждам и создавались на пустом месте независимо от прежних поселений. Человеческие тела встраивались, по Фуко, в процесс производства. 500 таких поселений было создано, начиная с конца XVII до середины XIX в. Это были феодальные институты, работающие на абсолютизм. Рабочие в них были крепостными. Параллельно, начиная с XVIII в., в России начали создаваться административные города и города на базе военных гарнизонов, главной задачей которых было обслуживание административных нужд. Основная масса населения в них работала на государство, обслуживала управление. То есть урбанистические реформы, начиная с самых ранних в России, были направлены не на усиление городской автономии, а на расширение «инфраструктурной власти» государства.

В середине XIX в. несколько кризисных факторов обусловили необходимость роста индивидуальной предпринимательской инициативы и изменения в планировании государственного бюджета и инфраструктуры. После Крымской войны, в 1857 г., российские железные дороги были переданы специальным указом в частные руки, что привело к развитию индустриальных регионов Баку, Донца, Иваново–Кинешмы. Но уже после Русско-турецкой войны, к 1880 г., государство усилило контроль над строительством и развитием железных дорог. При слабости банковской системы – оно же бюджетное обеспечение строительства. С тех времен в России только укреплялась традиция превращения Министерства финансов в единственный пункт, через который проводятся все доходы и расходы государства. Министр путей сообщения и позже министр финансов С. Витте считал, что единственный способ выжить для монархии – это быстрый индустриальный рост.

Но Витте предполагал и значительную реорганизацию населения, особенно крестьянского. Однако парадоксально, что освобождение крестьян в 1861 г. не привело к высвобождению потоков рабочей силы, наоборот, сельская община создавала препятствия для выхода из нее, и по-прежнему рабочая сила для промышленного производства формировалась на базе отходничества, что не способствовало урбанизации. Накануне Первой мировой войны только 20% населения России было городским. Это уровень, которого США достигли уже к 1850 г., а в Великобритании к этому времени более 50% населения жило в городах. Таким образом, промышленный рост в России был слабо связан с урбанизацией.

После революции, в 1920-х гг. индустриализация в России обсуждалась в столкновении двух подходов: «генетического» и «телеологического». Генетическое планирование предполагало ограничение управленческого вмешательства бюджетными возможностями рыночной торговли или сельхозпроизводства, автономными от государства. Это вполне либеральная политическая онтология. Телеологическое планирование отвергало подобные ограничения. *«Телеологи “открывали” население, экономику и общество не как автономные области, но как поля, которые могут быть переоформлены государством путем тотального инструментального вмешательства»* (р. 39).

В рамках плана Государственной комиссии по электрификации России (ГОЭЛРО) впервые появилось понятие «сеть» в качестве внутренней структуры – инфраструктуры, лежащей в основе того, что прежде называлось публичной сферой или общественными работами и имело локальный, ограниченный характер. Впервые в национальные сети железные дороги и электричество были объединены в разных странах Европы во время Первой мировой, но после ее завершения государственный контроль над ними был раскритикован, и они были переданы в частные руки. В советской же России опыт Первой мировой был использован в совершенно новом качестве. План ГОЭЛРО привел к созданию управляющей структуры всей экономической активностью страны.

Формы планирования, которые использовали рабочие группы ГОЭЛРО, касались жизнеобеспечения. Ленин с гордостью писал: «Мы имеем точные расчеты спецов по всем основным вопросам. <...> Мы имеем – один маленький пример – расчет размеров производства кожи, обуви по две пары на душу (300 миллионов пар) и т.д.» (Ленин 1967: 341). ГОЭЛРО, превратившееся в Госплан и пятилетки, изменило образ мышления советских управленцев кардинально: они начали верить, что реальность куда более податлива для планирования, чем считалось прежде.

В начале 1920-х гг. генетический и телеологический подходы к планированию представлялись дополняющими друг друга, но после объявления в 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) курса на индустриализацию и

перехода к пятилетнему планированию после XV съезда в 1927 г. эти подходы стали взаимоисключающими. Советские планировщики отвергли позицию М. Вебера: индустрия должна аккумулироваться там, где есть достаточное пространственное скопление рабочей силы, где живут люди, а планирование строится на учете естественной демографической динамики. Для социалистических строителей это было неприемлемо: промышленное производство для них само по себе было на первом месте, оно было организующим принципом для расселения людей.

Колье характеризует проблему реализма в конфликтующих подходах к планированию: реализм может быть разным в зависимости от того, какой «тип реальности» имеется в виду и закладывается в планы. У генетиков был реализм соответствия планов внешним, автономным социальным и экономическим процессам, зависящим от прошлой динамики, реализм учета «объективных ограничений»; у телеологов – реализм внутренней связности аргументов и предположений в планировании, они бесконфликтно переносили ключевые термины оппонентов на свою почву, включая их в свою новую эпистемологию; например, понятие циклов, цикличности: из внешней динамики во внутреннюю, герметичную систему цифр. Госплан превратился в миниатюру государства.

Таким образом, Колье вскрывает политическую онтологию тотального планирования, характерную для советского управленческого разума. Биополитика телеологов предопределила возможность управления вещами в их непосредственной физической реальности. Общество как таковое не имело значения в системе тотального планирования. Дисциплина стала основной технологией биополитического управления. Первой проблемой советских урбанистов были «расселение» и «размещение» производительных сил. Второй проблемой было «хозяйство» – экономика жизнеобеспечения советского города – «материальное обеспечение человеческих потребностей».

Либерализм, особенно ранний, также был озабочен пространственным размещением населения и производства и их институциональной связью, удовлетворением нужд растущего городского населения. Но принципиальная разница с советской системой была в том, что советские планировщики никогда не признавали либерального отделения государства от общества. Город – не социальный организм, а конструкт, план, который нужно воплотить. Нормы в либерализме – статистическое отражение текущих феноменов (здоровье и болезнь, богатство и бедность) в населении. Нормы в советской системе – телеологические проекции, указания, прескрипции. Не то, что есть, а то, что нужно взять за правило.

Эти различия предопределили как советское, так и постсоветское развитие управленческой системы и особенностей реформ в России, чему посвящена вся вторая часть книги.

Почему книга Стивена Колье при всех оговорках остается антропологией и этнографией? Во-первых, потому что она имеет дело с микроуровнем исследований при всей широте социального, географического и исторического контекста. Колье скрупулезно описывает и анализирует ситуации и процессы – реформы без ставшей общим местом «трансформации» образа жизни в двух конкретных городах, мало похожих на города в европейском смысле этого слова, а скорее, на сетевые сообщества, которые прежде складывались как будто вокруг центра индустриального производства, а теперь, в ситуации крушения последнего, обнаруживают свою бóльшую гомогенность с сетями центрального отопления, нежели с сетями социальной коммуникации. При этом он сопровождает это описание анализом процедур – логики и практики управления, например, столкновение реформ бюджетного процесса с теми нормами социального потребления, которые были вычислены еще в советское время и с тех пор мало менялись и тем более не подвергались критическому пересмотру.

Во-вторых, книга Колье вносит важную лепту в дискуссию о советскости и постсоветскости, подводя под нее своего рода социально-экономический базис. Колье объясняет, почему понятие «постсоветский транзит» оказалось несостоятельной концептуальной схемой для социальных процессов в России: разрыв с социализмом был декларативным, и демонтировать его нормативный скелет (потребительские расчеты и общественные ценности) оказалось не под силу реформам и «трансформациям». Анализ советской биополитики и неоллиберализма как двух различающихся в корне форм управленческой рефлексии позволил Колье пролить свет на новый контекст исследований советского и постсоветского, ресурсных отношений и социальных изменений.

Е.В. Миськова

Московский государственный университет

Литература

- Buchanan J.M.* The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Foucault M.* The Birth of Biopolitics: Lectures at the College De France, 1978–1979. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Ленин В.И.* Об едином хозяйственном плане // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. М.: Изд-во полит. лит., 1967. Т. 42. С. 339–347.
- Rabinow P.* Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- Stigler G.J.* The Citizen and the State: Essays on Regulation. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

Рецензия поступила в редакцию 26 апреля 2017 г.

Miskova Elena V., Lomonosov Moscow State University (Russia)

SOCIALIST INFRASTRUCTURAL MODERNITY, OR WHY 'TRANSITION' FROM SOVIET TO POST-SOVIET WAS IMPOSSIBLE. Review of Stephen J. Collier. Post-Soviet Social. Neoliberalism, Social Modernity, Biopolitics. Princeton University Press, 2011. vii, 304 p. ISBN 978-0-691-14831-1*

* The review is written under a research project, titled 'The resource curse in the circumpolar areas: Russian and international experience in the field of analysis and resolution of conflicts over non-renewable resources in areas traditionally inhabited by indigenous ethnic groups' (Russian Science Foundation, grant # 15-18-00112).

DOI: 10.17223/2312461X/16/11

References

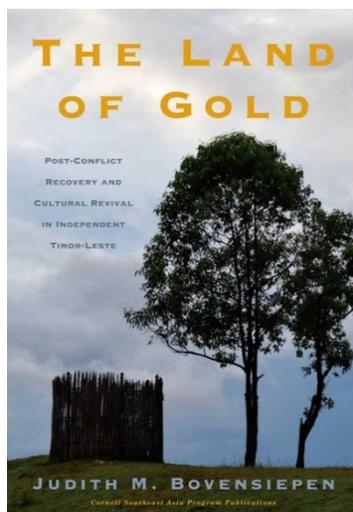
- Buchanan, James M. *The Limits of Liberty: Between Anarchy and Leviathan*. Chicago: University of Chicago Press, 1975.
- Foucault, Michel. *The Birth of Biopolitics: Lectures at the College De France, 1978-1979*. New York: Palgrave Macmillan, 2008.
- Lenin V.I. Ob edinom khoziaistvennom plane [On the comprehensive economic plan], V.I. Lenin. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 42* [A complete collection of writings. Vol. 42]. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1967, pp. 339-347.
- Rabinow, Paul. *Anthropos Today: Reflections on Modern Equipment*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003.
- Stigler, George J. *The Citizen and the State: Essays on Regulation*. Chicago: University of Chicago Press, 1975.

УДК 316.33

DOI: 10.17223/2312461X/16/12

ЛЮДИ «ЗОЛОТОЙ СТРАНЫ»: НАСЛЕДИЕ ПРЕДКОВ В КОНТЕКСТЕ ПОСТКОНФЛИКТНОГО РАЗВИТИЯ ПРОВИНЦИИ ФУНАР ВОСТОЧНОГО ТИМОРА*

Bovensiepen J.M. *The Land of Gold: Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2015. 216 p. (Southeast Asia Program Publications). ISBN: 9780877277675

В социальной и культурной антропологии давно существует устойчивый интерес к исследованию конфликтов на землях коренных народов, практике их урегулирования и дальнейшего постконфликтного развития. В этом направлении опубликовано значительное количество глубоких кейс-стади и обобщающих монографических работ, разработаны специализированные методологии и концепции, объясняющие характер постконфликтного дискурса, специфику переживания местными сообществами коллективной травмы, особенности восстановления социальных связей, культурных практик и институтов.

Предлагаемая вниманию читателей монография британского антрополога Джудит Бовенсипен вполне укладывается в этот пул научной литературы, обогащая его, безусловно, интересным и важным кейсом

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта ««Ресурсное проклятие» на циркумполярных территориях: российский и международный опыт анализа и урегулирования конфликтов из-за невозобновляемых ресурсов в местах традиционного проживания аборигенных этнических групп», поддержанного Российским научным фондом (РНФ, грант № 15-18-00112).

Восточного Тимора, в горных районах которого в настоящее время идет процесс ревитализации исконных культурных практик локальными сообществами, вернувшимися в места традиционного проживания после длительного периода вынужденной дислокации и преследований во время индонезийской оккупации страны (1975–2002 гг.).

На примере провинции Фунар автор рисует детальную картину группового преодоления последствий конфликта на основе устойчивого стремления местного населения к восстановлению связей с землей предков, возрождению и укреплению соответствующих традиций и идентичности. В этом Дж. Бовенсипен видит одну из ключевых особенностей рассматриваемого кейса. Разрушительные события двадцатисемилетнего периода оккупации редко артикулируются местным населением в терминах страдания, групповой травмы, вины за причиненный местным сообществам ущерб или его возможной компенсации. Вместо всего этого жители горных районов Восточного Тимора глубоко осознают и подчеркивают лишь значимость их возвращения на священную землю предков – место, изобилующее золотом, где жизнь, как считается, берет свое начало. По заявлению автора, отсутствие попыток развить риторiku травмы и перенесенных страданий, резко выделяющее жителей провинции Фунар из общей массы населения Восточного Тимора, сродни подсознательной коллективной амнезии, возникающей путем замещения деструктивных групповых воспоминаний созидательными установками на новое обретение себя в контексте возвращения на исконные земли, в традиционную природную и культурную среду.

Однако у данного феномена есть и более прагматичное политическое объяснение. Подобная групповая амнезия, по сути таковой не являясь, может объясняться тем, что жители горных селений Фунара фактически выключены из современных процессов нациестроительства, логика которых определяет роль отдельных сообществ в образовании гражданской нации Восточного Тимора пропорционально перенесенным ими страданиям и вкладу в борьбу против Индонезии. Отсутствие у жителей горных территорий признаков гражданско-национальной идентичности, таким образом, деактуализирует и их воспоминания о пережитой драме периода оккупации. Демонстрация травмы лишается при этом всякого смысла.

По мнению Дж. Бовенсипен, наблюдаемое у жителей провинции Фунар преобладание ценности исконной среды обитания и традиций над риторикой страдания и травмы проистекает из особого понимания того, как устроен человек. Согласно традиционной мифологии горцев Восточного Тимора, до рождения и после смерти люди состоят из того же вещества, что и земля, и полностью с ней едины. Лишь во время человеческой жизни они [земля и люди] физически разделены. Однако

важным для людей считается сохранять и чувствовать на протяжении всей жизни духовную связь с землей предков. В этом смысле вынужденное изгнание в период индонезийской оккупации не столько нанесло травму жителям горных районов страны, сколько в целом прервало естественное для них течение жизни. Возобновить его возможно лишь поддерживая изначальное мифологическое единство с землей, активизируя и актуализируя исконные культурные практики, что, собственно, и происходит в провинции Фунар на всем протяжении периода восстановления после индонезийской оккупации. Дж. Бовенсипен удалось отчетливо это зафиксировать в результате ее многолетних полевых исследований, материалы которых положены в основу рассматриваемой монографии.

Однако ценность рецензируемой книги не ограничивается лишь насыщенностью богатейшим этнографическим нарративом по теме постконфликтной реставрации культурных практик у населения горных территорий Восточного Тимора. Внимания заслуживает также оригинальная постановка самой исследовательской задачи, которая, как видится автору этих строк, важна с точки зрения развития методологии социальной и культурной антропологии. Не оставляя вне поля зрения острые политические и эмоциональные дилеммы, наложенные прошлым на повседневную жизнь людей, «Золотая страна» стремится выйти за рамки преобладающих концепций постконфликтного развития, в которых предпочтение отдается человеческим отношениям. Вместо этого Дж. Бовенсипен сосредоточена на оценке значения духовного и ритуального взаимодействия людей с окружающей средой и предками, посредством которого выжившие стремятся примириться с разрушительными событиями прошлого. В основе своей подобный подход представляется перспективным для исследования последствий социальных (в том числе ресурсных) конфликтов на землях коренных народов в России, где мифологическая и ритуальная сторона социальных взаимодействий в условиях постконфликтного развития явно недооценивается и практически не принимается в расчет на уровне практик урегулирования конфликтов.

Особенностью монографии Дж. Бовенсипен является также ее удачная структурная композиция, представляющая материалы по постконфликтному развитию местных сообществ провинции Фунар Восточного Тимора в виде шести самостоятельных по содержанию очерков.

В первом из них, названном *Sacred Origins of Life* (р. 27–48), автор задает общую рамку дальнейших рассуждений о значении традиционной мифологии жителей горных районов Восточного Тимора в постконфликтном социальном развитии. Подробно охарактеризованы распространенные в среде местных сообществ представления о происхождении отдельных групп от различных объектов (неживой) природы, соответствующие этому

нормы социальных взаимоотношений, в том числе в области установления общинных прав на земли традиционного проживания и отношений между автохтонными и пришлыми группами населения.

Второй очерк *Concealing Trunk Knowledge* (р. 49–72) посвящен исследованию практик сохранения и трансляции традиционных знаний жителей Восточного Тимора в период индонезийской военной оккупации, когда под запретом находились любые ритуалы, общественные собрания и коллективные действия. Автор отмечает, что именно давление со стороны оккупационной администрации и преследования способствовали актуализации основ традиционных знаний и соответствующего им обычного права, быстро ставших основой локальной идентичности горцев провинции Фунар.

Следом за этим, в рамках третьего очерка *The Hazards of House Reconstruction* (р. 73–96), Дж. Бовенсипен рассматривает развитие взаимоотношений на уровне «домов предков» – родовых объединений горных тиморцев, составляющих основу их традиционного общества, – в динамике перехода Восточного Тимора от колониального периода через время военной оккупации к постконфликтному периоду. Показана также роль домов предков как специальных культовых мест в поддержании мифологической и духовной связи родовых групп с землями предков, природными ландшафтами и культурной средой.

Очерк под названием *On the Pain of Separation* (р. 97–120), помещенный в книге под четвертым номером, касается практик межгруппового обмена (в том числе брачного, ритуального, экономического), который характеризуется автором с позиций поддержания единства идентичности и культурного облика населения горного Фунара на надродовом уровне социальной организации, который предопределяет групповую целостность сообщества горных тиморцев.

Два последних очерка, *Keeping the Dead Away* (р. 121–140) и *Fear of the Land* (р. 141–154), содержат развернутый анализ культурных представлений и практик горных тиморцев в отношении сакральных территорий, принятых норм в отношении их посещения и ритуального использования. Автор подчеркивает двойственное отношение жителей горных районов Восточного Тимора к священным землям, которые, с одной стороны, обладают живоначальной силой и способны к воспроизводству (человеческой) жизни, а с другой – являются и вместилищем смерти. Нередкие во время военной оккупации случаи нарушения традиционных табу в отношении священных земель, в том числе и местными жителями, вынужденными спастись от преследований вблизи сакральных территорий, осознаются местным населением как причина последовавших за этим несчастий.

В целом представленные в книге Дж. Бовенсипен материалы, ее личные полевые наблюдения и сделанные в итоге заключения относи-

тельно культурного возрождения местных сообществ в горных районах Восточного Тимора формируют достаточно интересный кейс, описывающий практики постконфликтного развития на землях коренных народов. Избранный автором фокус на исследовании практик ревитализации мифологического единства сообщества и вмещающего ландшафта как способа примирения с разрушительными событиями прошлого и преодоления пережитой коллективной травмы представляется весьма оригинальным подходом, применимым к анализу соответствующих процессов в других регионах мира, включая территории проживания коренных малочисленных народов российского Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Книга будет интересна антропологам, этнологам, социологам, а также специалистам-практикам, связанным с решением проблем постконфликтного развития.

В.В. Поддубиков

*Кемеровский государственный университет,
Московский государственный университет*

Рецензия поступила в редакцию 4 мая 2017 г.

Poddubikov Vladimir V. Kemerovo State University, Lomonosov Moscow State University (Russia)

THE PEOPLE OF THE 'LAND OF GOLD': ANCESTORS' HERITAGE IN THE CONTEXT OF POST-CONFLICT DEVELOPMENT IN FUNAR (EAST TIMOR)*

Review of Judith M. Bovensiepen. *The Land of Gold. Post-Conflict Recovery and Cultural Revival in Independent Timor-Leste*. Ithaca, New York: Cornell University, Southeast Asia Program Publications. 2015. 216 p. ISBN: 9780877277675.

*The review is written within the framework of a project 'The resource curse in the circumpolar areas: Russian and international experience in the field of analysis and resolution of conflicts over non-renewable resources in areas traditionally inhabited by indigenous ethnic groups' (Russian Science Foundation, grant #15-18-00112).

DOI: 10.17223/2312461X/16/12

УДК 392.1

DOI: 10.17223/2312461X/16/13

В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ИЗМЕНЕННЫХ СОСТОЯНИЙ СОЗНАНИЯ

Христофорова О.Б. Одержимость
в русской деревне. М.: Неолит, 2016.
392 с. ISBN 978-5-9905539-9-6

Одержимость – особое психическое состояние человека, при котором «индивид ощущает, что он уже не подчиняет себе, своему сознанию собственные психофизические проявления» (Харитоновна 1999: 113). Это состояние часто характеризуется произвольными действиями, которые неподвластны разуму человека, иногда сопровождаемое потерей памяти и т.п. (114). Подобные проявления неоднократно фиксировались у народов, живущих, как правило, в Заполярье. Этой теме посвящено немало работ, однако комплексным изучением данной проблемы русские ученые практически не занимались. Исследовалась в основном «икота», как называют разновидность одержимости, например, на Русском Севере, но и этот феномен рассматривался либо исключительно с точки зрения медицины (Клементовский 1860; Краинский 1900; Лукомский 1957; Гуськов, Урюпина 1985), либо как особое фольклорное и этнографическое явление (Ефименко 1864; Максимов 1984). Автор объединила два этих подхода, рассмотрев «икоту» не в локальном культурном контексте и не только как болезнь.

Монография представляет собой комплексное исследование феномена одержимости у русского населения. Ее автор, О.Б. Христофорова, – фольклорист, антрополог, специалист в области медицинской антропологии. Она не раз обращалась к подобным вопросам, изучая феномен колдовства, гаданий, суеверные приметы. В частности, данная монография стала продолжением изданной ранее книги «Икота: мифологический персонаж в локальной традиции» (Христофорова 2013).

Автор исследует «икоту» одновременно как особое социально-антропологическое и как медицинское явление. Помимо медицинской и этнографической литературы, в книге был использован собственный поистине колоссальный полевой материал Христофоровой из Верхокамья.

Первая глава книги «Нарративы “болезни”» (с. 21–105) представляет собой несколько историй женщин, которые были подвержены болезни, как определяет это состояние сама О.Б. Христофорова (с. 21). Путем выяснения своего рода «анамнеза» автор попыталась ответить на вопрос, каково это – быть икотницей в русской деревне. Показано, что сами информантки на удивление охотно шли на контакт с исследователями, подробно рассказывали о своей болезни. «Мифологические представления об икоте – часть общего знания жителей Верхокамья», как утверждает автор (с. 104), однако у каждой из рассказчиц есть собственное отношение к ней. Болезнь не просто повлияла на их общее физическое состояние, но и во многом смоделировала особое социальное положение икотниц в обществе. При этом опыт каждой женщины был уникальным, иногда совершенно непохожим на ситуации других героинь книги.

Вторая глава «Научные интерпретации феномена икоты» (с. 106–179) посвящена изучению феномена представителями разных наук. Христофорова дает обобщающую картину того, как ученые в разные периоды относились к «икоте». Представлены позиции лингвистов, историков, медиков, социальных антропологов. Отдельно автор затрагивает вопрос о соотношении таких понятий, как «икота» и «кликнушество». Действительно, для обывателей на первый взгляд все описываемые симптомы будут во многом напоминать поведение кликуш, например, из произведений русских классиков. Однако, как убедительно показано О.Б. Христофоровой, хотя эти два особых психофизических состояния, возможно, и имеют общие корни, «в настоящий момент это два разных локальных феномена» (с. 179).

В третьей главе «Семантика образа икоты и генезис мифологического персонажа» (с. 180–270) представлен анализ «икоты» как мифологического персонажа. Основным источником для этой работы послужили личные полевые материалы автора, а именно фольклорные тексты об «икоте». В основном это былички (своеобразные мемораты, рассказы очевидцев о встрече с нечистой силой) и поверья об «икоте» и икотниках. В главе выделены разделы, в которых дано очень подробное описание физических

проявлений «икоты»: внешний облик, имя (если оно существует в конкретном проявлении икоты), голос. Самым подробным и проработанным, на мой взгляд, стал раздел о генезисе икоты и региональных особенностях ее распространения. Автор выдвигает гипотезу «о возможном влиянии финноязычных автохтонов» (с. 208) на верования северорусского населения, в том числе и на особенные локальные социокультурные практики. Христофорова приводит сравнительный материал, оформленный в виде таблицы, который, как мне представляется, вполне подтверждает ее гипотезу. Попутно замечу, что хотя среди коми лично мне не встречались рассказы о «шеве» (аналоге «икоты»), о котором пишет Христофорова (с. 209–212), все же мой личный опыт полевой работы в северорусских и соседних деревнях коми подтверждает, что многие народные поверья у представителей этих двух народов схожи. В частности, среди коми и русских этого региона распространены былички о представителях низшей мифологии (мифологические духи, демоны, черти и т.п.).

Четвертая глава «Прагматика нарративов и практик, связанных с икотой» (с. 271–342) посвящена особенностям бытования рассказов об «икоте» и их прагматической функции. Автор отмечает, что у таких нарративов есть несколько основных функций – назидательная, развлекательная, интерпретативная, а также функция социальной стратификации (302). О последней стоит сказать подробнее, поскольку такой взгляд на «икоту» в литературе, насколько мне известно, ранее не встречался. Христофорова предлагает рассматривать нарративы об икоте и практики, связанные с ней, как особый институт. Его главная цель – решение социально-культурных задач, которые встают перед локальной группой. В частности, представления об «икоте» помогают людям, подверженным ей или считающим себя таковыми, преодолеть личные психологические проблемы. Не случайно одержимыми часто становятся одинокие пожилые женщины, решающие таким образом «проблему “нехватки” коммуникативного пространства» (Четина, Роготнев 2010: 104). Или, напротив, «икота» может выступать в качестве оправдания для избегания неприятного разговора или обязанности: иногда это делается икотниками намеренно. Зачастую болезнь подступает самостоятельно, и здесь, по моему мнению, уместно было бы рассуждать о психосоматике таких приступов.

В приложении (с. 377–385) к книге автор предлагает свое структурное описание текстов или нарративов, посвященных «икоте», и выделяет наиболее распространенные сюжеты, которые встречаются в рассказах. Этот указатель сюжетов может послужить подспорьем в аналитической работе с похожими текстами либо стать основой вопросника при полевой этнографической работе.

Автор монографии провела большую работу по систематизации тематически разного материала, посвященного «икоте» в русской деревне. Большая часть книги – это реальные рассказы информантов, с

которыми автор беседовал лично. Кроме того, в книге зафиксированы небольшие монологи «икоточек» (с. 233), которые часто «вклинивались» в интервью (героини во время разговоров иногда начинали говорить другим голосом, объясняя это тем, что сама «икота» решила побеседовать с этнографом) (с. 233). На мой взгляд, именно этот полевой материал – одно из главных достоинств работы. Довольно большие выдержки из интервью придают особый оттенок монографии: рассказы не просто оживляют и разбавляют теоретический материал, но дают возможность посмотреть на проблему словно со стороны самих представителей исследуемого социума.

Монография производит исключительно положительное впечатление, но, как и любая большая работа, она наводит на размышления, порой критические. В частности, автор на протяжении всей работы фактически ставит знак равенства между одержимостью (как озаглавлена работа) и «икотой». Одержимость – это более широкое понятие, а его разновидностью, иногда исключительно локальной, уже является «икота». Объектом же исследования в монографии стала именно «икота». При этом автор, как уже отмечалось ранее, абсолютно правомерно разводит понятия «икота» и «кликушество». Такое же уточнение стоило бы сделать и в отношении одержимости.

В работе ощутим и некоторый «перекос» в сторону фольклорного исследования «икоты». Например, в первой главе, посвященной непосредственно личным историям икотниц, автор часто работала с жизненными историями исключительно как с текстами. Описанию же социокультурного контекста посвящена лишь малая доля главы. Об отношении к этим женщинам среди местного населения сказано буквально несколько фраз, хотя именно этот материал позволил бы посмотреть на проблему одержимости и одержимых с иной точки зрения.

Данная монография затронула многие исследовательские вопросы и потому дает возможность еще раз, но уже более детально, посмотреть на проблему «икоты» и одержимости в русской деревне с самых разных позиций. Полагаю, что работа О.Б. Христофоровой «Одержимость в русской деревне» может быть полезна и интересна не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

М.Н. Архипова

Московский государственный университет

Литература

Гуськов В.С., Урюпина М.Д. Синдром одержимости «икотой» (патогенез, клиника, течение, экспертиза, прогноз). Пермь: Кафедра психиатрии Пермской психиатрической больницы, 1985.

Ефименко П.С. Икота и икотницы // Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год. Отд. 1. Архангельск: Губ. тип., 1864. С. 75–92.

- Клементовский А. Кликуши. М.: Типография Каткова и К°, 1860.
- Краинский Н.В. Порча, кликуши и бесноватые как явления русской народной жизни. Новгород: Губ. тип., 1900.
- Лукомский И.И. О происхождении так называемой икоты // Сборник трудов Архангельского государственного медицинского института. Архангельск: Архангельское кн. изд-во, 1957. Т. 15. С. 43–68.
- Максимов С.В. Год на Севере. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984.
- Четина Е.М., Роготнев И.Ю. Символические реальности Пармы: Очерки традиционной культуры Пермского края. Пермь: ПГУ, 2010.
- Харитонов В.И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 1. 292 с. Т. 3: Этнологические исследования по шаманству и иным традиционным верованиям и практикам.
- Христофорова О.Б. Икота: мифологический персонаж в локальной традиции. М.: РГГУ, 2013.

Рецензия поступила в редакцию 18 мая 2017 г.

Arkhipova Maryana N., Lomonosov Moscow State University (Russia)
IN SEARCH OF NEW APPROACHES TO STUDYING ALTERED STATES OF CONSCIOUSNESS. Review of Khristoforova O.B. Oderzhimost' v russkoi derevne [Obsession in the Russian village]. Moscow: Neolit, 2016. 392 p. ISBN 978-5-9905539-9-6

DOI: 10.17223/2312461X/16/13

References

- Gus'kov V.S., Uriupina M.D. *Sindrom oderzhimosti «ikotoi» (patogenez, klinika, techenie, ekspertiza, prognoz)* [The syndrome of obsession with 'hiccups' (pathogenesis, clinical stage, the course, examination, and prognosis)]. Perm': Kafedra psikiatrii Permskoi psikiatricheskoi bol'nitsy, 1985.
- Efimenko P.S. Ikota i ikotnitsy [Hiccups and ikotnitsy], *Pamiatnaia knizhka Arkhangel'skoi gubernii na 1864 god* [Pamyatnaya knizhka of the Arkhangel'sk province for the year 1864]. Otd. 1. Arkhangel'sk: Gub. tip., 1864, pp. 75-92.
- Klementovskii A. *Klikushi* [Klikushy]. Moscow: Tipografiia Katkova i K°, 1860.
- Krainskii N.V. *Porcha, klikushi i besnovatye kak iavleniia russkoi narodnoi zhizni* [Porcha, klikushy, and besnovanie as phenomena of Russian folk life]. Novgorod: Gub. tip., 1900.
- Lukomskii I.I. O proiskhozhdenii t.n. ikoty [On the origins of the so-called hiccup], *Sbornik trudov Arkhangel'skogo gos. med. in-ta* [A collection of works, Arkhangel'sk State Medical University]. Arkhangel'sk: Arkhangel'skoe kn. izd-vo, 1957, Vol. 15, pp. 43-68.
- Maksimov S.V. *God na Severe* [A year in the North]. Arkhangel'sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1984.
- Chetina E.M., Rogotnev I.Iu. *Simvolicheskie real'nosti Parmy: Ocherki traditsionnoi kul'tury Permskogo kraia* [Symbolic realities of Parma: essays on traditional culture of the Perm region]. Perm': PGU, 2010.
- Kharonova V.I. *Zagovorno-zaklinatel'noe iskusstvo vostochnykh slavian: problemy traditsionnykh interpretatsii i vozmozhnosti sovremennykh issledovaniy* [The art of conjuring and spellcasting of Eastern Slavs: issues in traditional interpretations and contemporary research potential]. Moscow: IEA RAN, 1999. Book 1. 292 p. (Etnologicheskie issledovaniia po shamanstvu i inym traditsionnym verovaniiam i praktikam. Vol. 3)
- Khristoforova O.B. *Ikota: mifologicheskii personazh v lokal'noi traditsii* [Hiccups: a mythological character in local tradition]. Moscow: RGGU, 2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АРХИПОВА Марьяна Николаевна – специалист по учебно-методической работе кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Email: marta_ko@mail.ru

ГОРДЕЕВА Ольга Владимировна – кандидат психологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Email: olagordeeva@mail.ru

ДЕРИГЛАЗОВА Лариса Валериевна – доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Email: dlarisa@inbox.ru

ДУХАНОВ Сергей Сергеевич – кандидат архитектуры, доцент, Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств, г. Новосибирск, Россия

Email: ssd613@ngs.ru

ИЛЬЧЕНКО Михаил Сергеевич – кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт философии и права УрО РАН, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Email: msilchenko@mail.ru

ЙОХАНСЕН Улла – профессор эмеритус, Институт этнологии Кельнского университета, г. Кёльн, Германия

Email: ulla.johansen@uni-koeln.de

МАНУЙЛОВ Александр Николаевич, Ph.D. по социальной антропологии, доцент международного факультета, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова, г. Москва, Россия

Email: manuylov2000@hotmail.com

МИСЬКОВА Елена Вячеславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры этнологии исторического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Email: milenka2@gmail.com

НАМ Елена Вадимовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории социально-антропологических исследований, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

Email: n.elvad@yandex.ru

ПОДДУБИКОВ Владимир Валерьевич – заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово; Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Email: poddub@gmail.com

СТАСЬ Игорь Николаевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и археологии, старший научный сотрудник Югорской лаборатории археологии и этнологии, Сургутский государственный университет, г. Сургут, Россия

Email: igor.stas@mail.ru

ТРУБИНА Елена Германовна – доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Email: elena.trubina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

ARKHIPOVA Mariana Nikolaevna – Instructional Development Staff Researcher, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: marta_ko@mail.ru

DERIGLAZOVA Larisa Valerievna – Dr.Sc. (History), Professor, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: dlarisa@inbox.ru

DUKHANOV Sergey Sergeevich – Cand.Sc. (Architecture), Associate Professor, Novosibirsk State University of Architecture, Design, and Arts, Novosibirsk, Russia
E-mail: ssd613@ngs.ru

GORDEEVA Olga Vladimirovna – Cand.Sc. (Psychology), Associate Professor, Department of General Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: olagordeeva@mail.ru

ILCHENKO Mikhail Sergeevich – Cand.Sc. (Politics), Research Fellow, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Ural Federal University n.a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
E-mail: msilchenko@mail.ru

JOHANSEN Ulla – Professor Emeritus, Institute of Ethnology, University of Cologne, Cologne, Germany
E-mail: ulla.johansen@uni-koeln.de

MANUYLOV Alexander Nikolaevich, Ph.D (Social Anthropology), Associate Professor, International Department, Russian National Research Medical University n.a. N.I. Pirogov
E-mail: manuylov2000@hotmail.com

MISKOVA Elena Vyacheslavovna – Cand.Sc. (History), Associate Professor, Department of Ethnology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: milenka2@gmail.com

NAM Elena Vadimovna – Cand.Sc. (History), Senior Research Fellow, Laboratory for Social and Anthropological Research, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
E-mail: n.elvad@yandex.ru

PODDUBIKOV Vladimir Valerievich – Head of Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University, Kemerovo; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
E-mail: poddub@gmail.com

STAS Igor Nikolaevich – Cand.Sc. (History), Senior Lecturer, Department of World History and Archaeology; Senior Research Fellow, Yugra Laboratory of Archaeology and Ethnology, Surgut State University, Surgut, Russia
E-mail: igor.stas@mail.ru

TRUBINA Elena Germanovna – Dr.Sc. (Philosophy), Professor, Ural Federal University n.a. the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia
E-mail: elena.trubina@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Общая информация. Предлагая рукопись для публикации в «Сибирских исторических исследованиях», Вы гарантируете, что:

а) статья до сих пор нигде не была опубликована, не предлагается и не будет предложена другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в «Сибирских исторических исследованиях»;

б) именно Вы являетесь автором статьи, и в ней **не** использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без указания на эти источники.

Объем публикации: до 50 000 знаков (с пробелами), или около 7 000 слов, – для научных статей и 800–1 500 слов – для информационных материалов, в том числе обзоров и рецензий.

Рецензирование. В журнале применяется система двойного анонимного рецензирования (double blind peer review). Все поступившие в редакцию тексты без указания фамилии автора отправляются независимым анонимным рецензентам, к печати по решению редколлегии допускаются только тексты, получившие два положительных отзыва. К рецензированию будут привлекаться ведущие ученые российских вузов и институтов РАН, а также зарубежные специалисты, имеющие труды в области истории, этнологии, археологии, международных отношений.

Правила оформления статей

Статьи принимаются в электронном виде.

Текст набирается в редакторе MS Word (*.doc или *.rtf) с использованием шрифта **Times New Roman**, размер шрифта – 12 кеглей, межстрочный интервал – 1, поля (все) – 2 см, абзацный отступ – 0,5 см.

На титульной странице указывается номер по Универсальной десятичной классификации (УДК) и приводятся (каждый раз с новой строки):

Данные об авторе (приводятся на отдельном листе)

• фамилия, имя, отчество (на русском и английском языке) (обратите внимание: фамилия автора указывается ЛИШЬ на титульной странице. На первой странице статьи указывается название работы, но не фамилия автора, не какие-либо иные сведения о нем!)

- ученая степень, ученое звание;
- должность и место работы / учебы; просьба указать также официальное название организации на английском языке,
- e-mail;
- почтовый адрес;

- телефон (служебный и, если можно, сотовый для ускорения связи).

Данные о статье

- название статьи на русском и в переводе на английский язык,
- резюме статьи на русском и английском языке (объемом до 250 слов каждое),
- список ключевых слов на русском и английском языке.

При написании резюме статей мы убедительно просим авторов уделять особое внимание доступности изложения, лаконичности, четкости формулировок и при этом отражению в тексте таких пунктов, как постановка проблемы, представление академического дискурса по данной проблеме, характеристика источников и методов исследования, представление полученных Вами результатов, показывающих, что именно Вы смогли внести данной работой в существующий научный дискурс, и заключение. Ориентируйтесь, пожалуйста, на эту структуру: это облегчит решение данной задачи и Вам, и редакционной коллегии.

Нумерация страниц текста статьи сплошная, начиная с 1-й страницы, внизу по центру.

Структурирование текстов статей. Для удобства организации материала и облегчения работы читателей с Вашими текстами мы просим Вас делить текст на осмысленные отрывки, каждый из которых должен иметь собственный подзаголовок, как стандартный типа «Введение» и «Заключение» или «Выводы», так и любые иные сообразно Вашему видению текста.

Иллюстрации (рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) дополнительно представляются в отдельных файлах. Рисунки выполняются в черно-белой гамме, *полноцветные иллюстрации пока принимаются лишь для статей по этнологической и археологической тематике*. Формат файлов с иллюстрациями – tiff или jpeg, разрешение не менее 400 dpi. В текст иллюстрациями просьба не вставлять. Достаточно в промежутке между абзацами текста указать Рис. 1, Рис. 2 и т.д. и название самого рисунка.

Иллюстративный материал, присланный без письменного разрешения его владельца или держателя копирайта, принят к публикации не будет.

При использовании при наборе статьи дополнительных **шрифтов** такие шрифты должны быть представлены отдельным файлом.

Ссылки на использованные источники и литературу

1. В целях более адекватного соблюдения требований слепого анонимного рецензирования при первой отправке рукописи в редакцию, пожалуйста, избегайте самоцитирования или оставляйте ссылки на свои работы «пустыми». После извещения о принятии рукописи к печати авторы смогут вернуть на место данные ссылки.

2. В случае ссылки на иностранного автора в тексте приводится русская транскрипция его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.

3. В целях экономии места, если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после фамилии, в ссылке на его работу, указывается только год публикации: «В своей работе В.Я. Пропп (1955) анализирует...»

4. Во всех остальных случаях фамилия и год публикации указываются в скобках без запятой: (Balzer 2011); при наличии двух авторов приводятся обе фамилии, а если авторов трое, то три фамилии указываются лишь при первом упоминании работы (Иванов, Петров, Сидоров 1980), а в дальнейшем используется сокращение «и др.» (Иванов и др. 1980). В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.

5. При ссылке на работы нескольких авторов они указываются через точку с запятой: (Анохин 1924; Potarow 1963). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора годы публикации разделяются запятой с последующим пробелом: (Батьянова 1987, 2005).

6. В ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» будет выглядеть следующим образом: (Wege zum Norden... 2013).

7. Если дата публикации неизвестна, следует указывать «б.д.», а для принятых к печати текстов – «в печати»: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).

8. Номера страниц указываются через двоеточие после года публикации: (Bellah et al. 2008: viii).

9. Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста в границах одного параграфа, то после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы, например: (Schiller 2011: 192) – в первой ссылке и (193–194) – во второй и т.п.

10. Диапазоны страниц и дат указываются через короткое тире: 99–102, 1985–1990.

11. Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 124–128, а не 124–28.

12. В ссылках на архивные документы указываются сокращенное наименование архива, год, которым датировано дело, и через двоеточие номера листов: (ГАТО 1899: 15). Если в статье используются материалы нескольких дел из одного архива, датированных одним и тем же годом, необходимо в списке источников использовать дополнительные буквенные обозначения (например, 1899а, б и т.д.), которые следует указывать и при оформлении ссылок (например: ГАОО 1909а: 13–14).

13. В ссылках на материалы периодической печати указывается название издания, год и дата публикации (например: Сибирская жизнь 1917: 20 авг.)

К статье прилагается библиография в алфавитном порядке. Образцы оформления

для монографий:

Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб.: Наука, 1994.

для статей:

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом? // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири: Сб. статей / Отв. ред. Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 157–172.

Дьеккофф А., Филиппова Е.И. Переосмысление нации в «постнациональную» эпоху // Этнографическое обозрение онлайн. 2014. № 1. С. 193–199 (URL: http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

для архивных источников (с указанием названия дела и года):

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 234. Оп. 1. Д. 135. Статистические сведения об инородцах Томской губернии за 1889 г.

для периодических изданий:

Восточное обозрение. Иркутск, 1906.

Примечания оформляются в виде концевых сносок с использованием арабских цифр. Нумерация последовательная, начиная с цифры 1.

При наличии в статье сокращений / аббревиатур, пожалуйста, приложите их список.

При пересылке файлов просьба все материалы (титульный лист, саму статью, дополнительные шрифты, файлы-иллюстрации, список иллюстраций, список сокращений и т.п.), имеющие отношение к статье, объединять в одну папку с использованием архиваторов WinZip или WinRar (например: Ivanov.zip или Ivanov.rar).

Авторские права

Соглашаясь на публикацию своей работы в журнале, авторы (при безусловном сохранении за собой авторских прав) предоставляют журналу право первой публикации работы на условиях лицензии Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным сохранением ссылок на авторов оригинальной работы и оригинальную публикацию в этом журнале.

Этические вопросы

В своей издательской деятельности редколлегия руководствуется Кодексом поведения COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Статьи и материалы просим высылать по адресу:

shrjournal@gmail.com с копией на адрес d_funk@iea.ras.ru Дмитрию Анатольевичу Функу, главному редактору журнала.

INFORMATION FOR AUTHORS

General. Submitting your manuscript to be published in the «Siberian Historical Research» journal you confirm that:

a) your paper has never been published elsewhere before and will not be submitted for publication elsewhere until the decision to publish it (or not to) in the «Siberian Historical Research» journal is made;

b) you yourself are the author of the submitted paper and you have not used any parts of other authors' works without reference to those.

Papers **shall not** exceed 50,000 characters including spaces or about 7,000 words – for research papers, or 800 to 1,500 words – for information materials, including overviews and reviews.

Reviewing process. All papers submitted to the journal are subject to double blind peer review. All papers without the author's name are sent to independent anonymous reviewers. The Editorial Board will decide on publishing only those papers that have received two positive reviews. Among reviewers are leading scholars of Russian universities and institutes of the Russian Academy of Sciences as well as international experts in history, ethnology, archaeology, and international relations.

Formatting Guidelines

Papers are to be submitted in an electronic format.

Text shall be typed in MS Word (*.doc or *.rtf), **Times New Roman**, 12 pt, single line spacing, all margins 2 cm, indention 0,5 cm.

The title page shall contain the Universal Decimall Classification number (UDC) and all of the following is to be indented:

Author details (to be provided on a separate / title sheet)

▪ Author's full name (last name, firstname, patronym), in both Russian and English (please note that *the author's last name is to be given on the title page only*. *The first page shall contain the title of paper and not the author's name or any other details of his / hers!*)

▪ Academic degree, academic title;

▪ Place of work / study and position; please provide official name of your organization in English as well;

▪ E-mail;

▪ Postal address;

▪ Telephone (office and, if possible, cell phone number to facilitate communication);

Paper details:

▪ Title of paper in both Russian and English;

▪ Summary of paper in both Russian and English (up to 250 words each);

▪ Key words in both Russian and English.

When writing a summary, we kindly ask authors to keep it clear, simple and concise. The summary shall contain the statement of a problem, how it has been dealt with and discussed in academia, as well as sources and methods for research, research results showing your contribution to the existing knowledge, and conclusions. Please stick to the proposed paper structure so as to facilitate your work and that of the Editorial Board.

Page numbering is consecutive, starting from the first page, at the bottom, centered.

Structuring the text. To better structure and present your paper, please divide the text into separate parts, each with its own subheading like «Introduction», «Conclusions» and any other which you might find necessary or useful to have.

Illustrations (drawings, tables, graphics, diagrams, etc.) are to be submitted in separate files. Drawings / pictures shall be presented in black-and-white, *fullcolour illustrations are so far accepted only for papers on ethnological or archaeological topics*. Illustrations should be in TIFF or JPEG format, at least 400 dpi. Please do not insert illustrations in the text, instead indicate Fig. 1, Fig. 2 etc. in between paragraphs, and provide titles of pictures.

Illustrative material submitted without a written permission of its author or copyright holder will not be accepted for publication.

If using additional **fonts**, please submit them in a separate file, too.

References

1. To ensure better meeting the requirements of blind anonymous peer-review, when submitting your manuscript to the Editorial Board for the first time, please avoid self-citation and leave footnotes referring to your works blank. Once your manuscript is accepted for publication, you will be able to put those back in your paper.

2. When citing a foreign paper, Russian transcription of its author's last name with the Latin spelling in brackets are to be provided in the text.

3. To save space, if the author's name has already been mentioned in the text, please indicate only the year of publication put in brackets after the author's name, when referring to his / her paper: «In his paper V. Ya. Propp (1955) analyzes...»

4. In all other cases the author's last name and year of publication shall be given in brackets without a comma: (Balzer 2011); if there are two authors, last names of both are to be given, in case there are three authors, last names of all the three are to be given only if mentioned in the text for the first time (Ivanov, Petrov, Sidorov 1980), and afterwards only the "et al" is to be put (Ivanov et al. 1980). When referring to a paper by more than three authors, please put the "et al" even if it is the first mentioning of it in the text.

5. When referring to works by several authors, indicate their names separated by a semicolon: (Anokhin 1924; Potapow 1963). When referring to several papers by the same author, years of publication shall be separated by a comma followed by a space: (Batyanova 1987, 2005).

6. When citing collective works, it is sufficient to indicate the title's first word or a few words and the year of publication. For example, a reference to the book «Wege zum Norden. Wiener Forschungen zu Arktis und Subarktis» may be put like this: (Wege zum Norden... 2013).

7. If the date of publication is unknown, please indicate «s.d.» (sine data) and if the publication is currently in press, put «in press»: (Ivanov, s.d.) and (Petrov, in press).

8. Page numbers shall be provided after the year of publication separated by a colon: (Bellah et al. 2008: viii).

9. If you are placing several references to the same paper within a paragraph, it is sufficient to only indicate relevant page numbers of that paper when mentioning it for the second, third time and so on, e.g. (Schiller 2011: 192) – when referring for the first time and (193–194) – in case of second mentioning etc.

10. Range of pages and dates are to be indicated by an en dash: 99–102, 1985–1990.

11. Numbers in a range of pages shall be given in full: 124–128, and not 124–28.

12. References to archival documents should contain abbreviated name of the archive, year of document / file and numbers of pages separated by a colon: (GATO 1899: 15). When citing a number of documents / files of the same archive and of the same year, it is necessary to indicate this using letters (e.g. 1899a, b, etc.) in the reference list and in references alike (e.g. GAOO 1909a: 13–14).

13. When citing periodicals, you should indicate the name of a periodical, year and date of publication (e.g. Siberian life 1917: 20 Aug.)

Reference list is to be provided at the end of the paper. Samples:

For monographs:

Putilov B.N. Folklore and people's culture. SPb.: Nauka, 1994.

For papers:

Shakhovtsov K.G. Is it a privilege to be Selkup? // The practice of post-Soviet adaptation of peoples of Siberia: Collection of papers / Editor-in-Chief D. Funk, H. Beach, L. Sillanpyaya. M.: IEARAS, 2006. pp. 157–172.

Diekoff A., Phillipova E.I. Rethinking nations in the “post-national” era // Ethnographical Review online. 2014. № 1. pp. 193–199 (http://journal.iea.ras.ru/online/2014/2014_1_193_199_Dieckhoff.pdf).

For archive sources (with an indication of archive file number and year):

State Archive of the Tomsk region (GATO). F. 234. Op. 1. D. 135. Statistics on Tomsk province *inorodtsy* for the year 1889.

For periodicals:

Vostochnoe obozrenie. Irkutsk, 1906.

Notes are to be given as endnotes using Arabic numerals. Numbering is consecutive, starting from number 1.

If using acronyms / abbreviations in the text, please provide a list of them separately.

When sending your files, please put them all (including the title page, the text itself, additional fonts, illustrations, list of illustrations, list of acronyms / abbreviations and other related files) in one archive folder using WiZip or WinRar (Ivanov.zip or Ivanov.rar).

Copyright

Once having agreed to publish his / her paper in the journal, the author (unconditionally reserving the copyright) grants to the journal the right to the first publication based on the Creative Commons Attribution License which allows others to use his / her paper provided there is a reference made to the author of the original text and to the original journal publication.

Ethics

In its publishing activity, the Editorial Board relies on the Code of Conduct COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org/resources/code-conduct>

Address for the submission of papers and materials

Please send your materials and papers to the following address:
shrjournal@gmail.com, having copied the email to d_funk@iea.ras.ru – Dmitri Funk, Editor-in-Chief.

Научный журнал

**СИБИРСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
SIBERIAN HISTORICAL RESEARCH**

2017. № 2

Редакторы: Ю.П. Готфрид, Е.Г. Шумская
Корректор Н.А. Афанасьева
Оригинал-макет А.И. Лелюю
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик Е.М. Карагеоргий

Подписано в печать 23.06.2017 г.
Формат 70x108¹/₁₆. Усл. печ. л. 20,4. Гарнитура Times.
Тираж 100 экз. Заказ № 2614. Цена свободная.

Дата выхода в свет 4.07.2017 г.

Отпечатано на оборудовании
Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел.: 8+(382-2)–53-15-28, 52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru